

ЛУНА, УПАВШАЯ С НЕБА

ЛУНА, УПАВШАЯ С НЕБА

ДРЕВНЯЯ ЛИТЕРАТУРА МАЛОЙ АЗИИ

Перевод с древнемалоазиатских языков

ВЯЧ. ВС. ИВАНОВА

1
2
3
4

Научная библиотека

Удмуртский
государственный университет
г. Ижевск

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1977

А
Л185

Вступительная статья и комментарии
ВЯЧ. ВС. ИВАНОВА

Оформление художника
Ю. КОННОВА

© Издательство «Художественная литература», 1977 г.

Л $\frac{70404-184}{028(01)-77}$ 195-77

ДРЕВНЯЯ ЛИТЕРАТУРА МАЛОЙ АЗИИ

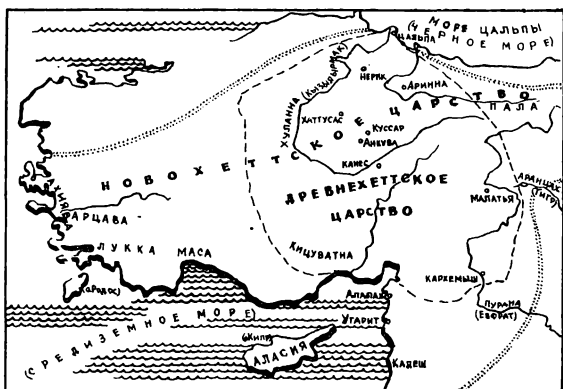
Все, что мы знаем сейчас о литературе на древних языках Малой Азии, открыто за последние полвека. В начале нашего столетия в селении Богазкёй, в ста километрах к востоку от столицы Турции Анкары, был найден громадный клинописный архив Хеттского государства. До наших дней продолжаются раскопки в этом селении, где когда-то находился древний город Хаттусас — столица хеттов. В Хаттусасе найдены десятки тысяч клинописных книг — глиняных таблиц, число находок растет с каждым годом. Крупнейший чешский востоковед Б. Грозный во время первой мировой войны расшифровал тексты на клинописном хеттском языке и установил, что этот язык принадлежит к индоевропейской семье языков. В самых древних или наиболее архаических хеттских текстах можно найти немало следов таких черт, которые восходят к ранней общиндоевропейской традиции. В древнехеттской погребальной песне (в «Гадании о будущей войне с хурритами») и некоторых других архаических образцах ритуальной поэзии (связанных с царским похоронным обрядом) к этой традиции можно возвести не только размер и принципы звукового (в том числе и метрического) подбора слов, но и сами слова и их сочетания, в частности, излюбленные в хеттской литературе (как и в других индоевропейских) сочетания однокорневых слов (как в русском фольклоре: *горе горевать, думу думать*).

Очень показательно в этом смысле короткое обрядовое стихотворение, посвященное богу Пирве — хеттскому божеству на лошади, имя которого родственно имени славянского бога Перуна. В самой ранней датируемой клинописной хеттской надписи царя Аниттаса (около XVIII в. до н. э.) встречается другое древнее индоевропейское имя бога — Сиу-Суммис (Бог-Наш), в позднейших хеттских текстах уже отсутствующее; это имя родственно имени греческого Зевса. К общиндоевропейскому словарию восходят некоторые из стандартных хеттских словосочетаний, впервые встречающихся в надписи Аниттаса и повторяющихся в позднейшей хеттской литературе, начало которой кладет эта надпись (так, в ней встречается архаическая формула, включающая в свой состав глагол, родственный русскому *молиться*). Столь ранние индоевропейские истоки можно обнаружить и в недавно открытом тексте древнехеттского мифа о детях царицы Канеса. Хотя в этом мифе упоминаются реальные малоазиатские города Канес (Неса) и Цальпа, где хетты обитали на рубеже 3-го и 2-го тысячелетий до н. э., его сюжет намного древнее. Речь в нем идет о чудесном рождении мифологических героев — близнецов, которые вступают в кровосмесительный брак со своими сестрами. Следы этого мифа обнаруживаются и в древнеиндоиранской традиции, и в древнеирландской. Сравнение таких архаических текстов позволяет в какой-то степени восстановить литературу, существовавшую на общиндоевропейском языке примерно в 5-м тысячелетии до н. э. «Машина времени» современных гуманитарных наук, пользующихся точными методами реконструкции, нигде не позволяет совершить такое длительное путешествие в прошлое, как при восстановлении целых текстов

на не дошедшем до нас общеиндоевропейском языке.

Наиболее архаичные образцы хеттской литературы, такие как погребальная песня, повесть о детях царицы Канеса (Несы) и надпись Аниттаса, связаны еще с тем временем, когда главным городом хеттов был Канес (Неса). Память об этом времени сохранялась и позднее в названии клинописного хеттского языка, который сами хетты называли несийским или канесийским. О богах с именами индоевропейского происхождения, например, о Пирве, хетты и позднее говорили как о «богах Канеса»; к ним надлежало обращаться по-канесийски, то есть по-хеттски; их славословили «певцы Канеса», продолжавшие старую традицию несийских гимнов богам. В то время, когда Канес был главным торговым центром древней Малой Азии, культура хеттов испытала сильное воздействие народа хатти (или протохеттов) — древнего неиндоевропейского населения северо-восточной части Малой Азии.

Все устройство царского двора, главные титулы и придворные должности были заимствованы хеттами (как и их соседями палайцами) у хатти; вместе с ними были усвоены поэтические формы величания царя и царицы и другие литературные жанры, связанные с исполнением придворных обрядов. Если классифицировать культуры по степени их восприимчивости к иноязычным и иноземным воздействиям, то хеттскую культуру можно было бы объединить по этому признаку с позднейшей японской; несколько раз на протяжении своей истории хетты обнаруживали способность к легкому усвоению глубоких черт чужой культуры. Уже к моменту составления надписи Аниттаса в главный пантеон его царства наряду с индоевропейским Сиу-

Суммисом (Богом-Нашим) входил бог хатти Престол — воплощение царской власти. Аниттас еще стремился утвердить значимость Несы (хотя он и начал с войны против этого города) и проклинал Хаттусас, в чем можно видеть отзвук былых распрей несийских царей и царей хатти. Хаттусилис же в XVII веке до н. э. перенес в Хаттусас столицу всего царства, отчего этого царя и прозвали Хаттусилисом. Древнее царство несийских обитателей Куусара превратилось в «страну Хатти». К тому времени, когда язык хатти в середине 2-го тысячелетия до н. э. стал мертвым, культура народа, на нем говорившего, была перевоплощена на хеттском языке. Вся ранняя мифологическая литература Древнехеттского царства, в частности, мифы, связанные с исполнением ежегодных царских праздников, представляет собой переложение образцов хатти. Поэтому мифология хатти нам хорошо известна по этим переложениям, хотя постепенная дешифровка самого языка хатти (сохраненного для нас хеттски-

ми писцами, не всегда уже его понимавшими) продвигается очень медленно.

Как африканские культуры нашего тысячелетия, культура хатти относилась к самой периферии тогдашнего цивилизованного мира. Когда она попала под прожектор древнего способа передачи информации — письменности, она еще носила чрезвычайно архаический характер, более свойственный культурам бесписьменным. Причудливость литературы хатти позволяет предложить сравнение ее места среди литератур Древнего Востока с ролью африканской скульптуры для истории изобразительных искусств. Именно крайняя наивная примитивность в обожествлении природных сил изумляет при чтении хеттских переложений мифов хатти.

Архаичность этих мифов проявлялась и в том, что они обычно составляли часть обряда. Если по отношению к мифам большого числа народов их происхождение из обрядов надо еще доказывать, то в литературе хатти это с очевидностью следует из самих текстов. Но особый интерес обрядов хатти состоит в том, что в главных своих чертах религия хатти продолжает древнейшую культуру Малой Азии 7-го и 6-го тысячелетий до н. э., открытую благодаря недавним находкам в Чатал Хююке. От этой древнейшей традиции религия хатти, в частности, унаследовала не только обряды поклонения пчеле и похоронные обряды, сопряженные с мышью, но и почитание леопарда как главного священного животного. Это нашло продолжение и в культуре хеттов, и во многих гораздо более поздних традициях других народов, вплоть до образа Витязя в барсовой шкуре у Руставели, или леопарда, явившегося в пророческом сне герою «Песни о Роланде», или барса, который вместе со львом и вол-

чицей видится Данте в первой песне «Ада». Связь этих литературных традиций средневековья с древними малоазийскими мифами показывает и совпадение самих слов: так, во многих новых языках, в том числе и в русском, названия леопарда и барса в конечном счете восходят к хатти и хеттскому.

Миф хатти о Боге Грозы и Змееборца схож с греческой легендой о победе Бога Змееборца над Тифоном. Это не единственное свидетельство возможного воздействия литературы хатти (видимо, через дальнейшее хеттское посредничество) на позднейшую греческую. В поэзии хатти (как и в древнеегипетской литературе) есть деление на язык богов и язык людей, аналогичное такому же делению у Гомера. Любопытно, что одно из слов языка богов у Гомера — название «бессмертной крови богов» — представляет собой заимствование из хеттского, где существовали особые «божества крови».

Миф хатти о поединке Бога Грозы со Змеем отразился не только в литературе древней Малой Азии и соседних областей, но и в их искусстве: уже в конце хеттской истории сцены из этого мифа были воспроизведены на барельефе из Малаты. Слева на барельефе виден Бог Змееборец, справа — кольца клубящегося пораженного им Змея. В позднейшем хеттском изобразительном искусстве нашел воплощение и другой миф хатти, давший название всей этой книге. Сцены, изображающие падение божества с небес, историками хеттского искусства рассматриваются как иллюстрации мифа о Луне, упавшей с неба. Даже и на одной из клинописных табличек, на которых записан хеттский перевод этого мифа хатти, писец добавил иллюстрацию — изображение льва, символа Бога Грозы и символа древнехеттского царя. Особый жрец, носивший ти-

тул Человек Бога Грозы, должен был читать миф о Луне и Боге Грозы всякий раз, когда слышались удары грома. Страх перед Богом Грозы, главным божеством хатти, перенятым уже ко времени Анит-таса в хеттский пантеон, сказывается даже и в биографиях крупнейших хеттских царей: Мурсилис II рассказывает, как он лишился дара речи от испытанного им когда-то во время грозы страха. В позднейшей хеттской эпической поэзии вновь возникает мотив боязни того, что луна и солнце исчезнут с неба и оставят мир во тьме; их грозит стащить с небес герой по имени Серебро.

Мотив исчезающего и возвращающегося Солнца встречается в мифе об Океане, задержавшем у себя Солнце, и в другом цикле хеттских мифов, связанных с традицией хатти. В этом мифологическом цикле, где особенно отчетливо проявляется неразторжимое единство обряда и мифа, описывается исчезновение одного из богов хатти, вызванная этим засуха и другие беды, связанные с его исчезновением. Этот миф о скрывающемся боге в разных его вариантах относится к различным богам — Грозы, Солнца, к богу плодородия Телепинусу, богине Инаре, богине Анцили (в последнем случае миф приурочен к избавлению от страданий во время родов). В некоторые из этих вариантов мифа включены отдельные обрядовые части (в том числе древние заклинания и заговоры), видимо, связанные с наиболее древними хеттскими народными магическими (в том числе и стихотворными) формулами, которые унаследованы от индоевропейской фольклорной традиции. Фольклорный характер всего цикла особенно отчетливо обнаруживается в том, как одни и те же стандартные формулы с очень небольшими вариациями сочетаются в разных контекстах.

Первоначальная основа этих мифов имеет много общего с широко распространенными в области древней восточносредиземноморской культуры мифами об исчезающем и возвращающемся божестве плодородия. Весь этот круг явлений важен для понимания представлений, предшествовавших христианскому повествованию о воскресении. Среди древних восточносредиземноморских мифов об исчезающем и возвращающемся боге мифы хатти и хеттов отличаются наглядностью изображения картин умирающей и возрождающейся природы. Следы влияния хаттского и хеттского мифа о Телепинусе и пчеле, его находящей, обнаружены на широкой территории от Греции до Закавказья.

В период Древнехеттского царства (XVII—XVI вв. до н. э.), когда хеттские писцы старались тщательно перевести и записать исчезающую литературу хатти, духовная культура самого этого царства вовсе уже не была столь архаической, как можно было бы думать по одним этим текстам. Если воспользоваться уже предложенным сравнением с японской культурой, то полное усвоение хеттами месопотамской клинописной литературы можно сопоставить с тем, как в средневековой Японии была перенята китайская иероглифическая литература: в обоих случаях речь шла об усвоении не только системы письма, но целой системы знаний и текстов, с нею связанных. Древнехеттские писцы ко времени Хаттусилиса I настолько овладели аккадским языком, что составляли на нем такие описания боевых подвигов хеттских царей, как рассказ об осаде города Уршу. Многие важнейшие сочинения, составлявшиеся от имени древнехеттских царей — «Летопись...» и «Завещание Хаттусилиса I», «Таблица Телепинуса», — дошли до нас в хеттском и ак-

кадском вариантах. Но по своему жанру эти тексты отличались от всей аккадской литературы. «Истории Хаттусилиса I» нужно признать самым древним во всей мировой литературе образцом этого жанра, так как в ассирийской литературе анналы появляются тремя столетиями позднее, и, по-видимому, не без влияния хеттских образцов. Вместе с тем анналы Хаттусилиса I продолжают традицию, начатую надписью царя Аниттаса: в обоих текстах повествование о подвигах, совершенных царем благодаря покровительству богов, постепенно приближается к наибольшему достижению царя, которым и завершается рассказ. Следующий шаг в развитии жанра исторического повествования был совершен автором «Таблицы Телепинуса» (XVI в. до н. э.).

Многочисленные походы древнехеттских царей против отдельных городов Малой Азии (например, Цальпы на Черном море) и Северной Сирии (например, Хальпы) описаны в специальных хеттских исторических сочинениях, фрагменты которых дошли до нас. Некоторые из этих древнехеттских исторических рассказов продолжают в известной мере месопотамскую традицию повестей о великих царях Аккада, к которой примыкает древнехеттский текст легенды о Нарам-Сине. Иногда в повествовании о подлинных событиях включаются и мифологические рассказы или уподобления: так писец — автор текста — обнаруживает свою школьную ученость. Это относится, например, к образу Богини Солнца, сидящей на своем престоле и пишущей клинописное послание, где упоминается город, куда надлежит идти хеттскому войску. Этот образ завершает сохранившуюся часть весьма примечательного древнехеттского стихотворного сочинения, посвященного выходу хеттов в Северной Сирии к Среди-

земному морю. Это событие отмечалось в качестве важнейшего для истории Древнехеттского царства в целом ряде исторических и ритуальных древнехеттских текстов. В поэтическом рассказе оно предстает как подвиг героя, который превратился в Быка (видимо, отзвук восточномедиземноморской легенды, сказавшейся и в предании о критском царе — быке Минотавре) и сдвинул гору, стоящую на пути хеттов. Образные уподобления действующих лиц животным встречаются и в собственно исторических сочинениях: Хаттусилис I в своей «Летописи» не раз называет себя Львом (что, видимо, соответствует традиции хатти, где лев и герой обозначались одним словом), в древнехеттской надписи XVII века до н. э. о войне с Хальпой врага уподобляют медведю, обложенному в берлоге во время охоты. А превращение человека, на голове которого оказались корзина и стрелы, в Быка, раздвинувшего горы, очевидно, отражает древний обычай. И другой обычай, упомянутый в «Завещании Хаттусилиса», когда мать наследника сравнивает себя с коровой, у которой вырвали чрево, восходит к старинному индоевропейскому обряду сохранения плодородия, встречавшемуся в древнеиндийских и римских ритуалах.

«Завещание Хаттусилиса I» и «Таблица Телепинуса» принадлежат едва ли не к самому своеобразному жанру древнехеттской литературы. Это обращения древнехеттских царей к собранию воинов, которое в то время еще существенно ограничивало их власть.

«Таблица Телепинуса» по своей задаче и строению близка к «Завещанию Хаттусилиса». Дословное совпадение некоторых мест обоих текстов позволяет думать, что «Завещание Хаттусилиса», а мо-

жет быть, и другие подобные ему обращения древнехеттских царей к собранию, послужило в известной мере образцом для Телепинуса.

Степень свободы входивших в собрание должностных лиц, к которым обращались древнехеттские цари, не приходится преувеличивать. Об этом свидетельствует текст надписи Хаттусилиса I, где он грозит жестокими наказаниями придворным, которые посмели бы стать на сторону отстраненной «Змеи» — Тавананны. Из надписи видно, что древнехеттские цари могли расправляться со своими придворными не менее жестоко, чем с вражеским войском. Сохранилась и древнехеттская дворцовая хроника — сборник коротких назидательных рассказов («анекдотов») о проступках придворных и должностных лиц, сурово покаранных царем. Этот жанр небольших поучительных рассказов и позднее существовал в хеттской литературе.

Одной из главных тем исторических сочинений Древнехеттского царства была борьба хеттских царей с хурритами. Хаттусилис I в своей «Летописи», подобно испанским конкистадорам, попавшим в империю Монтесумы или Инков, с изумлением перечисляет те несметные сокровища, серебряные и золотые изделия, в том числе изображения хурритских божеств, которые были им захвачены в походах в хурритские земли. Благодаря этим походам хетты начали знакомиться с культурой хурритов — могущественного народа, уже к началу 2-го тысячелетия до н. э. усвоившего многие духовные достижения древней месопотамской цивилизации, в том числе и клинопись (перенятую хурритами в варианте, близком к древнехеттскому). Культурное влияние хурритов было особенно значительным на юге Малой Азии, в Северной Сирии и верховьях Евфра-

та, где они составляли большую часть населения. По мере того как эти области включались в сферу влияния Хеттского царства, в нем усиливались хурритские элементы.

Исторические несчастья, переживавшиеся хеттами в период между Древним и Новым царствами, отражены в молитвах среднехеттского времени в наивной форме сетований, напоминающих эпизод в позднейшем хеттско-хурритском переводном эпосе, где бог Эа не советует богам истреблять людей, потому что тогда некому будет совершать жертвоприношения и богам самим придется заняться черной работой — пахать и молотить зерно. Но в среднехеттское время сочинена и молитва Кантуцилиса, где поэтически выражены мысли об ограниченности человеческой жизни и ее обреченности, напоминающие не только по сути, но и по лаконической сдержанности формы изложения образцы ветхозаветной мудрости.

Ноты печали и жалобы богам, часто звучащие в среднехеттских текстах, не раз сопровождаются описаниями бедственного положения Хеттского царства. Прежнее значение потеряли не только северные, но отчасти и центральные области старого Хеттского царства, включая и его столицу Хаттусас, на который племена каска совершали набеги. Напротив, в эпоху Среднего царства резко возрастает роль южных областей с преобладающим лувийским и хурритским населением. Имена некоторых царей среднехеттского периода определяются как лувийские, они отличны от хеттских имен древнехеттских царей. Царские имена в среднехеттское время (как и позднее) на печатях выступают в двух формах — клинописной и иероглифической. Так называемая хеттская (точнее, лувийская и хур-

ритская) иероглифическая письменность была создана населением южных частей Малой Азии, быть может, по образцу египетской иероглифики (хотя большинство знаков ее имеют самостоятельное происхождение). Это согласуется и с другими свидетельствами египетского влияния на юг Малой Азии. Иероглифическая письменность известна начиная с XVII века до н. э., но особенно широко ею начали пользоваться в среднешеттский период. Позднее Мурсилис II повелел писать на клинописных таблицах те религиозные установления, которые до этого, при царях среднешеттского периода, искажались по вине писцов, писавших иероглифами на дереве. Из-за непрочности этого материала обширная литература, писавшаяся лувийскими (а может быть, и хурритскими) иероглифами на дереве, до нас не дошла, хотя летом 1975 года обнаружен целый архив писем, написанных иероглифами. Кроме иероглифических надписей на печатях с царскими именами, от времен Шеттского царства сохранились монументальные иероглифические надписи, интерпретация которых еще только начинается. Эти надписи составляли существенную часть нового монументального стиля лувийско-хурритского изобразительного искусства. Самым внушительным его памятником была скульптурная галерея в храме среди скал в Язылыкая близ Богазкёя. В этом храме, который начали сооружать еще в XV веке до н. э., но достраивали при последних шеттских царях, на скалах изображен хурритский пантеон — Бог Грозы Тешшуб, богиня Иштар — Шаушка, боги Луны и Солнца. Подписи, содержащие хурритские имена богов и некоторые другие хурритские слова, выполнены шеттскими (лувийскими) иероглифами. Храм Язылыкая использовался шеттскими царями Нового

царства (XIV—XIII вв. до н. э.) для заупокойного культа их династии, имевшей хурритское происхождение. Одним из последних (если не последним) перевоплощением хеттской культуры и хеттской государственности, как Протей менявшей свои образы, было усвоение ею всего богатства хурритской культуры. Как раньше у хатти, хетты перенимали у хурритов те их достижения, которые были в то время существенны для технического уровня цивилизации. Так воины-хетты стали ездить на хурритских легких колесницах, запряженных конями, и хеттские войска завоевывали новые земли.

Большой стихотворный гимн Богу Солнца, сочиненный в это время, наряду с явными следами зависимости от вавилонских гимнов богу Шамашу, обнаруживает и новые черты, скорее всего обличающие митанийское (хурритское, а в конечном счете индоиранское) влияние: в гимне описывается выезд Бога Солнца на колеснице, запряженной конями. В тот же период сходные мотивы появляются и в египетских гимнах Солнцу. Позднейшие отзвуки такого же представления у западных семитов видны в некоторых древнееврейских ветхозаветных текстах («Четвертая книга Царств»). По отношению к Египту во времена, соответствующие среднехеттскому, хурритское влияние на религию бесспорно. В магических египетских ритуалах времени Аменхотпа (Аменхотепа III) и в некоторых других надписях упоминается хурритская Иштар — Шаушка, воительница на лошади, главное божество, связанное с хурритским влиянием на хеттскую религию (по мнению многих ученых, ее образ лег и в основу греческой легенды об амазонках). В хурритском мифологическом эпосе, дошедшем до нас в хеттских переводах, обнаруживаются дословные совпадения

с египетским мифом о Горе и Сете. Поэтому и сходство в деталях культа Солнца — высшего покровителя царя — и его небесного соответствия (новохеттские цари обычно называли себя «Мое Солнце»), были, скорее всего, не только плодом развития в сходном направлении, но и результатом взаимных влияний. Любопытно, что именно в этот период заключаются на протяжении трех поколений династические союзы фараонов (в том числе Амен-хотпа III) с дочерьми царей Митанни, а несколько позднее предполагался брак вдовы фараона (возможно, Нефр-эт — Нефертити) с хеттским царевичем, о чем подробно повествует «Летопись Суппилиумаса». Амарнский период был не только временем, когда в Египте утвердилась религия поклонения Солнцу, отчасти напоминая современные ей хеттские и хурритские религиозные представления, но и временем оживленной дипломатической переписки Египта с другими странами Ближнего Востока.

В Богазкёе найдено много образцов хурритской литературы, среди них древнехурритский текст, упоминающий Саргона, а также более поздняя хурритская версия сочинения о царях Аккада и хурритское переложение поэмы о Гильгамеше, которую хетты, возможно, перевели на свой язык не с аккадского, а с хурритского (поэтому в хеттской версии на первый план выдвинулись события, происходящие на территории Северной Сирии). Об оригинальной хурритской литературе (частично тоже сохранившейся в архиве Богазкёя) мы можем судить главным образом по хеттским переводам и переложениям эпохи Нового царства.

Согласно списку лиц, обслуживающих один из храмовых центров литературной и музыкальной

жизни в Хаттусасе, в нем были и «певцы, певшие по-хурритски», то есть рапсоды, исполнявшие хурритские поэтические сочинения в музыкальном сопровождении. Одним из замечательных достижений современной науки о Древнем Востоке является осуществленная в последние годы дешифровка клинописной системы музыкальной записи, впервые выработанной для аккадских музыкальных сочинений, а затем развитой хурритскими писцами и музыкантами. В архиве северносирийского древнего порта Угарита (современный Рас-Шамра) найдена клинописная таблица, содержащая запись слов и музыки хурритской обрядовой песни. Эта древневосточная традиция непосредственно повлияла на греческую музыку и поэзию.

Хеттская и хурритская литературы представляют собой то не достававшее ранее звено, благодаря которому нам открывается преемственность между древней традицией Месопотамии и античной основой всей новой европейской литературы.

Сюжет хурритской мифологической поэмы о смене на небесах четырех поколений богов аналогичен смене таких же четырех поколений богов в греческой Теогонии. Хурритская поэма, в свою очередь, возводится к прототипу вавилонской поэмы о сотворении мира; хурритские и хеттские имена главных богов двух первых поколений восходят к аккадским, а в конечном счете — шумерским. Первым богом в хурритской поэме был Алалу, который, спасаясь от своего врага, бежал в Нижний Мир. Точно так же в греческой мифологии в первом поколении богов главным богом был Океан, божество Нижнего Мира; сходный персонаж играет существенную роль и в хеттском мифологическом эпосе. Имя главного хурритского бога второго поколения

Ану аналогично первоначальному значению имени греческого бога второго поколения Урана (Небо). Подобно тому как свергнутый Алалу бежит в свою стихию — Нижний Мир, и Ану убегает в свою стихию — на Небо. Оскопление Урана Кроном — главным богом следующего поколения — аналогично сходному эпизоду в хурритской поэме. Но в ней (в отличие от греческого мифа, где Крон проглатывает не семя богов, а самих богов) бог — победитель Кумарби — оказывается беременным от бога, соперника Ану, что находит дословную параллель в египетском мифе о Горе и Сете. А то, как боги потом выходят из головы Сета или Кумарби, аналогично греческому мифу о рождении Афины из головы Зевса.

Наконец, в четвертом хурритском поколении богов главный из них — Бог Грозы Тешшуб — совпадает по своей функции с греческим Зевсом Громовержцем. Дальнейшее хеттско-хурритское повествование о сражении Бога Грозы с чудовищем Улликумми похоже на уже упоминавшиеся древнехеттский миф о борьбе Бога Грозы со Змеем и греческий миф о Тифоне. Для доказательства связи двух версий мифа — хеттско-хурритской и греческой — особенно важно то, что в поздней греческой традиции сохраняется приурочение битвы с Тифоном к той же горе в Северной Сирии (почитавшейся греками как святилище Зевса), которая выступает и в «Песни об Улликумми» (со сходным названием) как местопребывание Бога Грозы. Та же гора Цафон считалась обиталищем богов в угаритском мифологическом эпосе, в свою очередь испытывшем значительное хурритское влияние.

Другое важное совпадение, объединяющее греческий вариант мифа с хурритско-хеттским, — мо-

тив резака, которым отделили небо от земли. В «Песни об Улликумми» этот резак появляется в эпизоде, где выступает гигант Унеллури, который, подобно греческому Атласу, держит на себе Небо и Землю. Отрезав Улликумми от плеча гиганта — хурритского Атласа, бог Эа лишает Улликумми его силы, что подобно греческому мифу об Антее. В греческой мифологии такое же орудие выступает как средство отделения от Земли (Гайи) Неба (Урана) и оскопления Урана Кроном, в греческом и хеттско-хурритском мифологическом эпосе совпадают и некоторые поэтические обозначения богов: эпитет титанов «боги минувшего» у Гесиода представляет собой дословный перевод с хеттского.

Можно отметить также и некоторые повторяющиеся в древнегреческом эпосе поэтические приемы, совпадающие с хурритско-хеттскими и египетскими: таково использование разговора человека с душой как обозначение размышлений героя. Этот стилистический прием, подобный современному внутреннему монологу, регулярно использовался в хеттских поэтических переводах хурритского эпоса и в то же время дал название известному египетскому папирусу (этот же прием, обычно со ссылкой на греческий источник, встречается и у авторов последних столетий, например, у Эдгара По в «Улялюм»).

Обилие стереотипных эпических формул, повторяющихся в разных местах поэмы или в разных поэмах, объединяет весь хеттско-хурритский цикл поэм о Кумарби и древнегреческие поэмы Гомера.

Возможно, что и греческий эпический гекзаметр, заимствованный характер которого давно предполагался специалистами по греческой метри-

ке, возник под влиянием размера хурритских и хеттских поэм.

Наконец, нельзя не отметить, что даже традиционный образ Гомера как слепца-рапсода хорошо согласуется с обычаями древней Месопотамии, где слепых часто делали певцами и музыкантами.

Хеттские и хурритские поэмы, как и недавно открытые следы значительного воздействия египетской и семитской культуры на греческую, заставляют рассматривать греческий эпос не как новую главу истории литературы, а как эпилог всей предшествующей древневосточной. Иногда говорят об отличии древнегреческого типа культуры (времени расцвета Афин) от древневосточного, но при этом не следует забывать, что в самой Греции оба эти типа следовали друг за другом, не прерывая культурной преемственности.

К эпосу о Кумарби примыкают многочисленные хурритско-хеттские эпические сочинения, дошедшие до нас большей частью лишь во фрагментах. В них действуют новые герои — Бог-Защитник, Серебро, чудовище Хедамму, но наряду с ними обычно выступают те же главные персонажи, что и в других частях эпоса о Кумарби. Изумляет обилие действующих лиц, включающих не только многочисленный хурритский и старый шумеро-аккадский месопотамский пантеон, но и других существ, неожиданность их поступков, богатство воображения рапсода, громоздящего эпизод за эпизодом. При различии сюжетов стих и повторяющиеся формулы в этих многочисленных сочинениях настолько однотипны, что каждое из них кажется дополнительной вариацией на одну и ту же тему. Это сближает описываемый жанр хурритской и хеттской поэзии с фольклором.

В богазкёйском архиве частично сохранились и другие обширные хурритские поэтические произведения, как «Песня об охотнике Кесси», для которой существует краткий хеттский пересказ. В этой поэме (как, возможно, и в других образцах собственно хурритской литературы, свободной от шумерских и аккадских воздействий) проявляется сходство мифологии хурритов и населения Кавказа.

Контакты с Сирией, бывшие одной из причин проникновения к хеттам хурритского культурного влияния, в новохеттский период привели также и к появлению хеттского перевода угаритского мифа о Ваале и Ашерту, достаточно близкого к позднейшей ветхозаветной истории Потифара.

Обилие переводной литературы новохеттского времени контрастирует со сравнительно ограниченным числом и однообразием самостоятельных сочинений. В новохеттский период по мере увеличения власти царя, превратившегося в типичного восточного деспота, оригинальная литература постепенно свелась к составлению текстов от его имени и поэтому часто зависела от его личности. Это особенно наглядно видно на примере Мурсилиса II (ок. 1343—1313 гг. до н. э.) — от чьего имени составлена целая библиотека таблиц, хотя бы часть которых он сам если не написал, то продиктовал.

Мысль о смирении земного царя перед богом, насылающим чуму, объединяет молитвы Мурсилиса во время чумы с книгой «Исход» в ветхозаветной древнееврейской литературе (ссылки на последнюю книгу в той же связи часто встречаются и в новейшей литературе вплоть до проповеди Панлу в «Чуме» Камю). Сходство усиливается и из-за совпадения самих обстоятельств: Мурсилис говорит о егип-

петской чуме, позднее пришедшей к хеттам. Согласно изложенному в молитвах Мурсилиса взгляду, перекликающемуся с идеями ветхозаветной древнееврейской литературы, за грехи отца может ответить и сын, и рано или поздно возмездие приходит. Не только эти мысли молитв (в которых можно видеть отдаленный прообраз соответствующих мест Ветхого завета), но и особенности их формы (образные уподобления, как в притчах), обнаруживают разительное сходство не только с ветхозаветной, но иногда и с новозаветной литературой. В этих молитвах, близких к позднейшим религиозным учениям Востока, отчетливо выражена мысль об ответственности человека перед потомством и историей. Но, как и в более ранней среднехеттской молитве во время чумы, Мурсилис пытается вызвать сочувствие богов, убеждая их: чем меньше останется в живых людей, тем меньше будет жертвоприношений, и боги станут голодать. Слишком простым объяснением этого совмещения философских раздумий с наивными доводами в молитвах Мурсилиса было бы само по себе вероятное предположение, по которому писец добавил к философским притчам царя-мыслителя перефразированную цитату из старого текста. Сам Мурсилис II, как и все другие цари новохеттского времени, был оплетен сложнейшей сетью архаических обрядов, окружавших священную личность царя. Каждый шаг царя, мельчайшие бытовые подробности его жизни, подчинялись строжайшим ритуалам.

Мурсилис II или писец, сочинявший от его имени, развили жанр летописи (анналов), намеченный еще Хаттусилисом I в древнехеттской литературе и продолжавшийся в среднехеттской («Летопись Тудхалияса»). От имени Мурсилиса составле-

ны два варианта его собственной летописи и летописи его отца Суннилулиумаса. Составитель летописи Суннилулиумаса II и Мурсилиса II проявил себя как выдающийся писатель-историк. В ряде случаев он выходит за рамки однообразного официального перечня военных побед и ритуальных поездок царя и сообщает поучительные сведения (например, о сватовстве вдовы фараона и об общественном строе племен каска).

К жанру царских анналов близка автобиография Хаттусилиса III (1283—1260 гг. до н. э.) — одна из первых автобиографий, известных в мировой литературе (из предшествующей традиции можно назвать только более древнюю автобиографическую надпись из Алалаха в Северной Сирии, что на двести лет старше автобиографии Хаттусилиса III). Не раз отмечалось сходство автобиографии Хаттусилиса III с ветхозаветной историей Иосифа. В ряду таких произведений хеттской литературы, где (как в «Летописи» и «Завещании Хаттусилиса I» или в молитвах Кантуцилиса и Мурсилиса II) внимание сосредоточено на самом авторе, автобиография Хаттусилиса III выделяется особенно индивидуальным характером содержания и формы текста. Как и новохеттские переводы хурритских поэтических текстов, автобиография насыщена заимствованиями из лувийского языка, что могло бы свидетельствовать о передаче живой речи автора. На этот же вывод наталкивают и сравнения Хаттусилиса (когда он говорит, например, что запер врага, как свинью в хлеве). Но именно на примере этого текста можно видеть, в какой степени писцы новохеттского времени были во власти литературных штампов, унаследованных от далеких времен истории хатти. Цель автобиографии: прославление хурритской богини Иштар —

Шаушки; культ этой богини был нововведением Хаттусилиса III и его жены царицы Пудухепы. По мысли автора, вмешательство Иштар все время помогало Хаттусилису и оправдывало его действия, достаточно сомнительные и с точки зрения обычной нравственности, и с позиций хеттского правосознания. Но эта мысль о покровительстве новой богини изложена дословно в тех же самых выражениях, в каких за четыреста лет до того составитель летописи Хаттусилиса I описывал, как ему покровительствовала «его госпожа» — хаттская и древнехеттская богиня Солнца города Аринны: она так же «держала его за руку» и устремлялась перед ним в битве. Особенно любопытно, что автобиография начинается формулой славословия богини, выделяемой среди других богов. Эта формула воспроизводит древнехеттскую передачу соответствующих обрядовых выражений ритуальной поэзии хатти.

Некоторые из самых поздних хеттских исторических текстов, например, рассказ о морском сражении за Кипр, производят впечатление стилизации под древний текст. Возможно, что такие тексты переведены на клинописный хеттский язык с нероглифического лувийского. Проблематично, в какой степени новохеттский язык (уже сильно изменившийся по сравнению с древнехеттским) оставался обиходным живым языком Хаттусилиса, не говоря уже о периферийных областях империи.

В архив Богазкёя, к концу новохеттского периода превращавшийся в музей литературы на семи языках, отчасти уже мертвых (как хатти и палайский), живая струя образной речи, близкой к разговорной, врывалась главным образом благодаря записи многочисленных обрядов, связанных с хуррито-лувийским югом Малой Азии. Если эпические

произведения новохеттской литературы по большей части являются переложениями хурритских, аккадских, ханаанейских образцов, то в молитвах и обрядах хеттская литература порой достигает уровня высочайшей лирической поэзии. Достаточно процитировать последние слова одного ритуала: «Пусть воды останутся спать под звездами».

В новых хеттских ритуалах обычно лувийские и хурритские составные части приписывают главному действующему лицу обряда — Старой Женщине. С этими жрицами (как когда-то с «бабами богомерзкими» во время двоеверия на Руси) были связаны народные поверья и магические обряды, отличные от официальной религии. Поэтому Хаттусилис I в конце своего завещания не велел жене своей Хастаяр ходить к этим жрицам, но в новохеттский период с этим запретом так же мало считались, как не считался с Аниттасом сам Хаттусилис, когда он перенес столицу в Хаттусас, вопреки содержащимся в надписи Аниттаса проклятиям любому царю, который заново заселит Хаттусас. Из ритуалов Старой Женщины мы иногда узнаем о поверьях и о жизни Нового царства больше, чем из стилизованных надписей последних хеттских царей.

После гибели Хаттусаса (ок. 1200 г. до н. э.) прежние вассальные области с лувийским населением на юге Малой Азии и севере Сирии превратились в небольшие самостоятельные государства, которые иногда не без оснований называют «позднехеттскими». В их искусстве продолжают традиции лувийско-хурритского монументального стиля, важную часть которого составляли иероглифические лувийские надписи. В этих надписях местные царьки, носящие громкие имена древнехеттских и новохеттских царей (Суппилиумас, Хаттусилис),

иногда используют стандартные формулы, напоминающие о старых штампах хеттской литературы (в частности, здесь снова упоминается божество — покровитель, берущий царя за руку, как в «Летописи Хаттусилса I» и в «Автобиографии Хаттусилса III»). Самая обширная лувийская иероглифическая надпись этого рода, найденная в Каратепе в сопровождении параллельной финикийской, носит следы воздействия стиля семитской поэтической прозы с характерными для нее фигурами повторов. Около 700 года до н. э. такие надписи прекращаются, хотя отдельные иероглифические знаки встречаются и позднее в качестве священных символов. К востоку от бывшей страны Хатти, где такие иероглифы когда-то использовались для записи хурритского языка, недавно открыты (в Алтынтепе в Турции) отдельные короткие надписи этими знаками на урартском языке, близко родственном хурритскому. Предполагается, что с той же традицией связаны позднейшие урартские иероглифы, до сих пор еще не расшифрованные, а также недавно найденные в Закавказье короткие наскальные иероглифические надписи на неизвестном языке. Дальнейшее изучение этих вероятных ответов иероглифического хурритского письма может многое осветить в древнейшей истории этого края.

Уже после того, как на иероглифическом лувийском языке перестают писать, память о хеттах в Сирии и даже Палестине еще сохраняется. Это видно из нескольких упоминаний хеттов (скорее всего — лувийцев) в Ветхом завете; встречающееся в «Книге Бытия» выражение «сыновья Хетта», вероятно, представляет собой видоизменение старинного оборота «сыновья страны Хатти», которым сами хетты

себя обозначали; после гибели страны Хатти это выражение потеряло прежний смысл.

Позднеанатолийские языки — ликийский (продолжение лувийского) и лидийский (продолжение хеттского) — существовали на западе Малой Азии вплоть до античного времени, на них были сделаны немногочисленные надписи буквенным письмом типа древнейшего греческого. Среди надписей на этих языках есть поэтические, видимо, сохранившие некоторые следы традиции, связанной с хеттской и лувийской литературами. Большая надпись на архаическом ликийском (милийском) языке, как и иероглифические лувийские надписи, высеченные рядом с барельефами, описывает изображение на барельефе и запрещает его уничтожать. В стихах таких греческих поэтов — уроженцев Лидии, как Гиппонакт, сохранились некоторые мотивы лидийских мифов, позволяющие увидеть и в них древнее индоевропейское наследие (например, миф о Кандавле — герое, удавившем пса, подобном ирландскому Кухулину). Историю Лидии подробно изложил Геродот, видимо, опиравшийся на не дошедшие до нас туземные источники. Из его рассказа видно, что и лидийские цари носили такие традиционные хеттские имена, как Мурсилис. Можно думать, что благодаря лидийской традиции наследие хеттского царства еще раз дошло до античной Греции, хотя на этот раз его влияние не было столь заметным.

В предлагаемую антологию входят переводы образцов древней литературы Малой Азии с XVIII века до н. э. до VI—IV веков до н. э. — от текстов древнехеттских и хатти до ликийских и лидийских. Переводчик стремится к понятности русского текста для читателя и поэтому, в особенности в стихотворных переводах, старался восполнить частью

разрушенные места, опираясь на другие подобные или параллельные тексты. Из-за этого во многих случаях переводу предшествовала или сопутствовала реконструкция текста (часто известного в нескольких вариантах, иногда и на разных языках). Требовалось также отличить прозаические тексты от поэтических (в большинстве случаев это впервые было сделано переводчиком).

В работе, длившейся немало лет, переводчика окрылял интерес, проявлявшийся к образцам культуры Малой Азии теми учеными и писателями, с которыми ему доводилось их обсуждать. Беседуя осенью 1952 года с Борисом Леонидовичем Пастернаком, я поразился, с каким вниманием поэт слушал тогда (как и позже) рассказ о древнехеттских текстах. Когда о них же несколько позднее мне пришлось заговорить с Анной Андреевной Ахматовой, та ответила, что они ей хорошо знакомы — сами клинописные таблицы она видела в подлиннике у В. К. Шилейко, давшего первые прекрасные образцы русских переводов хеттских текстов из собрания Эрмитажа (в этой публикации он упоминал, между прочим, и об эпизоде со сватовством вдовы египетского фараона). Я был счастлив тем, что два других известных востоковеда, которые начинали у нас занятия хеттским языком и хеттской культурой, — академик Василий Васильевич Струве и член-корреспондент Академии наук Александр Арнольдович Фрейман — с вниманием отнеслись к началу этой работы. Памяти названных больших писателей и ученых автор хотел бы посвятить эту книгу.

Я считаю своим долгом поблагодарить всех своих друзей, коллег, аспирантов и студентов, с которыми отдельные тексты обсуждались за истекшие

двадцать с лишним лет во время научных конференций, университетских семинаров и частных бесед. Удачные толкования отдельных мест, предложенные во время этих обсуждений или в новейшей научной литературе, я стремился учесть в этой книге. Но каждый из переводов, как и пояснения к ним во вступительной статье и в примечаниях, остаются все же на моей ответственности. Я старался довести переводы и пояснения до уровня знаний лета 1975 года, когда книга заканчивалась, но стремительное обогащение новой области науки может достаточно скоро сделать часть переводов устаревшими. Переводчик будет рад, если его работа побудит читателя и дальше следить за бурным развитием знаний об этой раньше неизвестной главе истории литературы.

Вяч. Вс. Иванов

ПАМЯТНИКИ ГОРОДА НЕСЫ
И ДРЕВНЕЙ СТРАНЫ ХАТТИ

*Перевод с хатти, хеттского, аккадского
и палайского языков*

ПОВЕСТЬ О ДЕТЯХ ЦАРИЦЫ КАНЕСА

Царица Канеса в один год родила тридцать сыновей. Царица сказала такое слово: «Что это могло бы значить, что за невидаль я родила?» Она наполнила горшки нечистотами и поместила своих сыновей внутрь этих горшков. А потом она пустила их плыть по реке. И река принесла их к морю страны Цальпы. Но боги взяли детей из моря и их вырастили.

Прошли годы, и царица опять родила тридцать дочерей. Их она взрастила сама. Сыновья тем временем отправляются обратно в Несу. Они погоняют осла. И когда они достигли города Тамармары, они говорят людям города: «Здесь вы дворцовые спальные покои согрели, и как раз осел наш пришел сюда». Люди города им в ответ: «Из той стороны, куда мы смотрели и откуда мы ждали гостей, осел пришел». Сыновья говорят: «В той стороне, откуда мы пришли, женщина рождает раз в год. А нас за один раз мать родила». Люди города им в ответ:

«Однажды наша царица Канеса тридцать дочерей за один раз родила, а сыновья исчезли». От всего сердца дети вскричали: «Кого же мы ищем? Нашу мать мы ищем. В город Несу мы хотим идти». Когда они пришли в город Несу, в них боги вложили другую сердцевину, и свою мать они не узнали. И она дала своих дочерей в жены своим сы-

новьям. Первые сыновья не узнали своих сестер. Только последний сказал: «Не будем мы брать в жены своих сестер. Вы не совершите такого проступка: Это не по нашему закону». Но те провели уже ночь с сестрами своими.

НАДПИСЬ АНИТТАСА

Аниттас, сын Питханы, царь города Куссара, такие слова говорит: «Он, Питхана, был угоден Богу Грозы небесному. Но в то самое время, когда он был угоден Богу Грозы небесному, царь города Несы с царем города Куссара стал враждовать.

Царь города Куссара спустился вниз из города со всем своим войском, и ночью он взял город Несу приступом. Царя города Несы он взял в плен. А из сыновей города Несы он зла никому не причинил. Он с ними обошелся, как со своими родителями.

И в первый же год после Питханы, отца моего, я сражался в сражении. Какая бы страна ни поднималась со стороны Богини Солнца, я их все поразили.

...И город Улама со мной враждовал... Потом же царь города Хатти пришел, и я его в городе... поразили.

Город... я взял приступом ночью, а город Харкиуну я взял днем, в час жары.

И эти города я отдал Богу Грозы небесному... И тот, кто после меня станет царем, пусть следит за тем, чтобы никто не заселил ни города..., ни города Харкиуну, враждебных городу Несе. Город Неса пусть станет враждебным 'тому, кто их заселит. Пусть тот, кто заселит те города, станет тогда врагом для всей страны. И пусть царь всей страны, как лев, его поразит...

...И если кто-нибудь снова те города заселит, то пусть тогда он станет врагом Бога Грозы небесного...

...В следующие годы после Питханы, отца моего, я достиг в своих походах моря Цальпы. И города возле моря Цальпы я покорил...

...Эти слова на клинописной таблице я поместил на воротах своего города. Начиная с этого времени пусть никто их не нарушит в будущем. Кто их нарушит, тот пусть станет врагом царя, что будет править после меня...

Царь города Хатти Пиюсти пришел потом во второй раз. Соратников, что он с собой привел, я поразил в городе Салампе.

Всю страну возле моря Цальпы я поразил. Прежде Ухнас, царь города Цальпы, Бога-Нашего из города Несы в город Цальпу перенес. А потом я, Аниттас, Великий царь, Бога-Нашего из города Цальпы обратно в город Несу перенес. И Хуццияса, царя города Цальпы, я живым привел в город Несу. По направлению к городу Хаттусасу голод распространялся. И я его оставил голодать. Когда же в нем наступил голод и его Бог-Наш отдал Богу Престола, тогда я его ночью взял приступом. И я на его месте посеял сорную траву.

Тот, кто после меня станет царем, если он город Хаттусас снова заселит, то пусть его Бог Грозы небесный поразит.

К городу Салативаре я повернул лицо свое. Навстречу к городу Салативаре царь послал свои боевые упряжки и воинов, и пленного врага в город Несу я привел.

И в городе Несе я построил укрепления. Вслед за укреплениями я построил храм Бога Грозы небесного и храм Бога-Нашего.

И храмам Бога Престола, и Бога Грозы, господина моего, и Бога-Нашего я посвятил все имущество, которое я привозил из походов, и его я поместил в тех храмах.

Я помолился и поклонился. И врагов я проклял. И в тот же первый день освящения храмов я привел двух львов, семьдесят свиней, одного дикого кабана, сто двадцать медведей, и священных зверей разных — и леопардов, и львов, и оленей, и горных козлов, и волков — я привел в Несу, в мой город.

В следующем же году я пошел в поход на город Салативару. Человек из города Салативары вместе с сыновьями своими восстал. И навстречу мне он вышел. Он оставил свою страну и свой город и занял область реки Хуланна.

Воины города Несы в тыл ему зашли, и они его укрепления подожгли. И по всей округности укреплений тысяча четырехста пехиных воинов и колесничих города Куссара расположились, и там было сорок боевых упряжек. И враг тогда отступил и ушел прочь.

Когда же на город Пурусханду я пошел в поход, человек города Пурусханды пришел меня одарить. И в дар мне он принес железный трон и железный скипетр. Когда же обратно в город Несу я пошел, тогда человек города Пурусханды я с собой вместе привел. Когда в священные покои царь пойдет, пусть человек из Пурусханды сядет справа от меня».

ЧУДОВИЩА И ХРАМ БОГА ГРОЗЫ

...Чудовища так сказали Храму Бога Грозы:
«Скажи, что сделать нам. Мы все исполним!»

 «Короткие пути вы удлините,
А дальние пути — укоротите!
Гора высокая пусть низкой станет,
А низкая гора — высокой стапст!
 Поймайте Волка голыми руками,
 Льва оседлайте и за пасть схватите!
А в реку бросьте сеть! Поймайте Змея
И во дворец его доставьте тут же,
 Чтобы судить его судом законным!»

...«Не удалось нам сделать ничего:
Короткие пути не удлиними,
А долгие мы не укоротили.
Гора высокая не стала низкой,
А низкую не сделали высокой!
И Волка мы руками не поймали,
Льва мы не оседлали, не схватили...»
А в реку сеть хоть бросили они,
Сеть порвалась, и не поймали Змея,
И во дворец не привели его,
Чтобы судить его судом законным!

...Бог-Наш вошел внутрь во Храм. И Бог Ручья
вошел внутрь во Храм...

ИЗ ДРЕВНЕХЕТТСКИХ ОБРЯДОВЫХ ПЕСЕН

1. ПЕСНЯ БОГУ ПИРВЕ

...«Это видела Царица:
Пирва к сердцу их прижал».

Пирва — воин молодой.
У него она спросила:

«Кто послал орла для Пирвы
К нам из города Хассувы?»

Благо мы несем Царю —
Пирва дарит нам богатство.

Это воины дружины
Путь для Пирвы проложили,

И собрание учредили,
И восславили собрание.

Бог-Желанье был прославлен:
«Я пошлю к нему орла...»

2. ЦАРСКИЙ ПОХОРОННЫЙ ОБРЯД

Что ты для него ни делай,
Все ему на радость будет...

...В дом добро пускай идет,
Зло стремится с глаз долой,
Зло пускай уходит прочь,
Дальше пусть его отбросят.

3. ПЕСНЯ ХАТТИ

Пусть будет царь здоров!
Да здравствует царица!
Да здравствует царевич!
Да здравствует все войско!
Пусть у страны границы
От моря одного
Идут к другому морю!

ЯЗЫК БОГОВ И ЯЗЫК ЛЮДЕЙ

Когда обращаются с заклинаниями к жене бога, певец поет так:

«Тебя лишь смертные зовут Тахатанвити,
Среди богов ты — Мать Источников — Царица!»

Когда царевич обращается с заклинаниями к богу Вассецили, певец поет так:

«Тебя лишь смертные зовут Вассецили,
Среди богов ты — Царь, подобный Льву!»

Когда царевич обращается с заклинаниями к наложнице Бога Грозы, певец говорит так:

«Тебя лишь смертные зовут Тасиммети,
Среди богов тебя зовут Тиммет!»

Когда царевич обращается с заклинаниями к Советнику Бога Грозы, певец говорит:

«Тебя лишь смертные зовут: Советник Бога
Грома,
Среди богов ты — Бог Грозы Полей!»

Когда обращаются с заклинаниями к Зерну, по-мазанник говорит так:

«Зерно! Ты смилуйся! О, будь благословенно!
Тебя лишь смертные зовут Зерном,
Среди богов тебя зовут Хаяма!»

СТРОИТЕЛЬНЫЕ ОБРЯДОВЫЕ НАДПИСИ

1. ДОМ БОГА СОЛНЦА

Бог Солнца Эстан в Лахчане построил свои дома. А камни в основание его храмов заложили Бог Грозы Тару — Царь, и Лельвани — Царь.

И когда Бог Солнца Эстан построил свои дома, он позвал Царицу Цифури — Камрусепу... И стала она хозяйкой. «О Царица Цифури — Камрусепе, в чем ты стала хозяйкой?»

И она воззвала к всемогущему Кузнецу: «Приди! Возьми с собой гвозди из железа и молот из железа! Возьми с собой клещи из железа!»

Тогда разверзлась Земля. И вышел Бог-Кузнец — Хасамиль...

И он поставил Богу Солнца очаг из железа...

И поставил он очаг Льва, и поставил он очаг Леопарда...

2. ЗАКЛИНАНИЕ ПРИ ОСВЯЩЕНИИ ДВОРЦА

Когда в новом дворце устанавливают замók, то жрец бога Цилипури совершает обряд и так говорит на языке хатти:

«Боги распределяли земли для царствования. А в Хаттусасе они поставили Великий Престол. Они его поставили для того, чтобы Табарна-царь сел на него.

И они определили дом для Табарны-царя, сказав: «Мы сотворили скалы и мы ему дадим с этих скал благие камни».

В основание дома плохой камень не будет положен! Камень, который бы торчал с краю и приносил несчастья, не будет положен!

На горе Сактунува пусть останется плохой лес, плохие бревна, плохой остов и плохой потолок!

А благой лес, благие бревна, благой остов и благой потолок пусть будут даны Табарне-царю!

В Темную Землю пусть отправится все плохое, а все благое пусть дадут царю Табарне.

Боги открыли ворота для бога Цилипури, Царя. Он создал дом для Табарны. Он взял утварь и положил ее на престол.

Бог Цилипури взял его одежду, его ковер и его обувь и положил на престол.

Он взял сыры и творог и положил их на престол.

На него боги смотрели благоприятным взглядом. И тогда боги дали изобилие Табарне-царю, Тавананне-царице, их сыновьям и их потомкам.

Потом боги повелели богу Шулинкатте — Царю, чтобы он охранял основание дома и стены, чтобы зло не могло войти во все дома, и в этот дом чтобы зло не могло войти.

И бог Шулинкатте взял свою утварь. И он положил ее в дом. И он поставил замок и так повелел: «Добро ты впускай в дом, зло ты не впускай в дом».

Бог Шулинкатте — Царь сидит на престоле и говорит: «Ты же, ты всегда будешь входить в дом на благо всему!»

3. ВОЗДВИЖЕНИЕ НОВОГО ДВОРЦА

Когда царю строят новый дворец и когда его надо покрыть деревянной крышей, тогда говорят так: «Бог Солнца и Бог Грозы сказали посредством оракула, что теперь время покрыть кровлей дворец, который ты строишь».

* * *

Когда ты кончаешь строительство нового дворца и штукатуришь его внутри, то штукатурь его долголетием и благополучием. Если штукатуришь его снаружи, то штукатурь его почтительностью и преклонением перед господином.

* * *

Потом царь говорит Престолу: «Иди же! Пойдем! Ты ступай за горы! Ты не станешь человеком моего рода. Ты не станешь моим собственником. Будь моим союзником!

Иди же! Пойдем к горе! Я, царь, дам тебе стеклянную посуду. И мы с тобой будем есть из стеклянной посуды. Ты охраняй гору!

Мне, царю, Бог Солнца и Бог Грозы вручили страну и дом мой. И я, царь, охраняю свою страну и свой дом.

Ты не приходи в мой дом, а я не приду в твой дом.

Мне, царю, боги вручили долгие годы. И краткости лет у меня не будет!

Мне, царю, власть и царскую повозку Престол принес из-за моря. И мне открыли страну моей матери. И меня называли Лабарпой-царем.

И я вновь и вновь прославляю Бога Грозы, отца моего. Царь у Бога Грозы просит деревья, что дожди укрепили, что дожди взрастили.

А деревья, вы под небесами зеленете! Лев под вами ложился спать, леопард под вами ложился спать, а медведь взбирался на вас! Бог Грозы, отец мой, зло отвел от вас.

Быки под вами паслись. Овцы под вами паслись. Теперь же я, царь, из-за морских пределов пришел и под вами остался. И Престол я назвал своим союзником.

Разве мне, царю, ты, Престол, не союзник? Ты вручи мне эти деревья, и я их срублю тогда!» И Престол на это отвечает царю: «Сруби их, сруби! Бог Солнца и Бог Грозы тебе их вручили!»

* * *

Теперь вы, деревья, идите сюда ко дворцу вверх из вашей страны! Бог Грозы вас вручил царю. Здесь, наверху, для вас совершат обряд и вам помогут. И для вас будет сказано заклятие:

«Что у вас на сердце, то вы и откройте! Если забота, отдайте ее! Если зло, то повинитесь в нем! Если проклятие над вами, то в этом откройтесь! Если во чреве вашем ребенок или если в сердце-вине вашей — болезнь, посылаемая Солнцем, то превозможите ее! И так с вами случится, что я, царь Лабарна, в сердце ваше помещу олово и железо».

* * *

Когда царь вступает во дворец, Престол призывает орла: «Иди же! Я тебя посылаю к морю. Когда ты полетишь, то смотри на зелень и на деревья, которые там остались!»

А орел ему отвечает: «Я летел там и на них смотрел. Там только Истустаяс и Папаяс, божества минувшего, древние боги Нижнего Мира, как свои-
ственники, стоят на коленях». Престол его спрашивает: «Что же они делают?» А орел ему в ответ: «Богини держат веретено».

Они держат зеркало. И они о годах царя молятся. Годам жизни царя ни счета, ни конца нет!»

* * *

Престол говорит царю: «Теперь приведи внуков царя к окну дворца!» Опытных ткачих и умельцев делят на два ряда. Жрец перед одним рядом кладет стеклянную посуду и рассыпает смоквы. А перед другим рядом он кладет простую утварь и рассыпает изюм.

Он говорит: «Берегите царя! Берегите его глаза! Болезнь от него возьмите! Страх от него возьмите... Болезнь головы от него возьмите! Злые слова людские от него возьмите! Колена болезнь от него возьмите! Сердца болезнь от него возьмите!»

* * *

Жрец говорит: «Взойди, большая звезда, и горы на места их поставь! Гора Пентая, на месте своем стой! С большой звездой не тягайся. Гора Харга, стой на месте своем! Гора Тудхалия, на месте своем стой! С большой звездой не тягайся!

А гора Сакдунуани и гора Пушкурунува, останьтесь на своих местах! С большой звездой не тягайтесь!»

Потом царь идет к горе, и он тягается с Солнцем и говорит заклятия и заклинания: «Она, гора,

взяла у него болезнь. Злые слова она взяла. Месть она взяла. Страх она взяла. Ужас она взяла. Сердца болезнь она взяла. Старость она у него взяла. Жизненную силу она ему вернула. Мужскую мощь она ему вернула».

* * *

«Иди же ты, орел, иди! Одна вещь у меня пропала, лети за ней! Лети к месту вечного покоя! И утварь с собой возьми!

В утварь положи вместе зуб льва и зуб леопарда! И держи их там!

Собери их вместе и сделай из них одно. И внутрь их вложи. И соедини львиную силу и силу леопарда в сердце царя!

И пусть Бог Солнца и Бог Грозы заключат договор с царем. Страну обратно царю верните! Годы его они вновь обновили, грозность его они вновь обновили!

Образ его они сделали из олова. Голову его из железа они сделали. Глаза его они сделали орлиными. Зубы же ему сделали львиными.

Пусть придет Телепинус. Пусть он откроет кладовые. Пусть он принесет семижды девять раз кувшины с вином. И к горе пусть он их отнесет. Все боги на горе собрались. И они царю радуются...

Бог Солнца и Бог Грозы снова царя считают царем. Его они во второй раз сделали сильным. И годы его они вновь продлили.

И пшеницу и ячмень они рассыпали и раздавили. И они говорят: «Что зла царю захочет, того боги самого пусть бросят в зло, и его так же пусть раздавят!..»

ЛУНА, УПАВШАЯ С НЕБА

Вот как это было.

Бог Луны упал сверху с неба. И упал он на рыночную площадь. И Луны в небе никто не мог видеть. Но Бога Луны внизу увидел Бог Грозы. Тогда за Богом Луны вослед Бог Грозы пустил дождь, и ливни пустил он вослед за ним. Охватил его, Бога Грозы, страх, охватил его ужас.

Она шла, богиня Хабантали. Тогда она к Богу Грозы подошла. И его она завораживала, но только тщетно.

А богиня, Царица Цифури — Камрусеп, посмотрела вниз, увидела с неба, что упало. И она сказала так: «Это Бог Луны упал с неба. И упал он на рыночную площадь.

Увидел его Бог Грозы. Тогда за ним вослед он пустил дожди, и ливни пустил он вослед за ним, и ветры пустил он вослед за ним. Охватил его страх, охватил его ужас.

Она шла, богиня Хабантали. Тогда она к Богу Грозы подошла. И она его завораживала, но только тщетно». И Богу Грозы Царица Цифури — Камрусеп говорила:

«Что же это ты делаешь?» Тогда богиня, Царица Цифури — Камрусеп, за ним сама пошла следом. Отвечал Бог Грозы: «Вот что я делаю: с гор и со скал перунов и дожди я пускаю».

«Так это ты так ревешь?» — спросила Цифури — Камрусеп, и она сказала: «Пусть они уйдут, страх и ужас, пусть будут они внутри».

И Бог Грозы вернул Бога Луны па небо. Он сделал это, хотя он и боялся.

Но хоть он и боялся, он родил его заново, Бог Грозы. И сделал так он, что Земля опять осветилась.

Табарна-царь пусть живет.

Пусть живет Табарна-царь.

РАССКАЗЫ О БОРЬБЕ БОГА ГРОЗЫ СО ЗМЕЕМ

I

Змей победил Бога Грозы и взял у него сердце и глаза. И Бог Грозы потерял свой образ.

Тогда Бог Грозы взял себе в жены дочь смертного человека — Бедного. И она родила от него сына. Сын вырос и взял себе в жены дочь Змея.

Бог Грозы сыну наказывает: «Когда в дом к жене своей пойдешь, попроси сердце и глаза».

Когда тот пошел к ним, он у них сердце попросил, и они ему дали. Потом он у них глаза попросил, и они ему дали. И сердце и глаза он отдал Богу Грозы, отцу своему. И Бог Грозы сердце и глаза свои назад получил.

Когда он вернул себе свой прежний образ, он пошел к морю для битвы. И Бог Грозы Змею дал бой. И он начал побеждать Змея, а со Змеем был сын Бога Грозы. И тот к отцу своему воззвал:

«Ты рази! Не жалей меня!» И Бог Грозы убил Змея и сына своего вместе с ним.

II

Когда Бог Грозы и Змей сошлись в единоборстве у Кпскилусса, Змей победил Бога Грозы.

И Бог Грозы ко всем богам воззвал: «Придите ко мне на помощь!» И богиня Инарас пир задала.

На пиру всего было вдоволь: огромный котел вина, огромный котел с медом, огромный котел с пивом. Сосуды были полны до краев. Пир задала Инарас на весь мир.

Богиня Инарас пошла к городу Циггарате и позвала Хупасияса — смертного человека. Богиня Инарас сказала Хупасиясу: «Смотри! Ты со мной будь заодно!»

Так отвечал Хупасияс богине Инарас: «Если ты со мной разделишь ложе, то я приду и сделаю то, что твое сердце хочет». И она разделила с ним ложе его.

И богиня Инарас увела с собой Хупасияса, и его она сделала невидимым. Богиня Инарас принарядилась и Змея из логова к себе позвала: «Смотри! Я пир устраиваю. Приходи поесть и попить!»

Змей с детьми своими пошел к ней наверх. И они ели и пили. И целый огромный котел они выпили, и захмелели они.

Они вниз, в логово свое, никак не могли спуститься. И Хупасияс пришел и Змея веревкой связал.

Бог Грозы пришел и Змея убил. И детей его вместе с ним он убил.

И себе богиня Инарас на скале вверху дом построила в стране Тарукка. И человека Хупасияса в доме том она поселила. И ему Инарас наказывала: «Если я из дома в степь пойду, то из окна не выглядывай. Если выглянешь, то увидишь жену и детей своих».

Когда двадцать дней прошло, он из окна высунулся и жену свою и детей увидел.

Когда Инарас из степи назад пришла, он стал ее просить: «Ты меня домой отпусти!..»

ТЕЛЕПИНУС И ДОЧЬ ОКЕАНА

Некогда в давние времена Великий Океан поссорился с небом, землей и родом людским, и он увел к себе вниз, в глубину, небесного Бога Солнца.

И в стране стало плохо... Но с Океаном никто не мог сладить. И Бог Грозы к Телепинусу, своему любимому первенцу, воззвал:

«Иди, о Телепинус! Ты отправляйся к Океану, небесного Бога Солнца из Оксана обратно приведи».

Телепинус пошел к Океану. И Океан его испугался. И ему он отдал свою дочь, и Бога Солнца он ему отдал. И Телепинус Бога Солнца и дочь Океана из Океана обратно привел. И их к Богу Грозы он доставил.

Океан к Богу Грозы отправил посланца со словами: «Телепинус, твой сын, мою дочь себе взял в жены. И он ее к себе привел. А что же ко мне придет взамен?» Бог Грозы сказал Богине-Матери: «Смотри! От Океана пришел поток-гонец. Он просит приданого. Я дам Океану приданое. Как мне ему не дать?»

Тогда Богиня-Мать так сказала Богу Грозы: «Отдай ему приданое, ведь дочь его ты себе взял в снохи». И ему Бог Грозы положенную тысячу отдал: он ему дал тысячу быков и тысячу овец.

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ И ВОЗВРАЩЕНИЕ ТЕЛЕПИНУСА

...Правый сапог он надел на левую ногу, левый сапог он надел на правую ногу, повернулся и прочь он пошел.

Окно заволокло облаком, дом окутало чадом. В очаге задыхаются поленья. На жертвенном столе задыхаются боги. В хлеву задыхаются быки, а в загоне — бараны. Овца ягненка своего не признала. Корова теленка своего не признала.

Телепинус прочь ушел, и с собой он забрал зерно, Богиню Полей, рост растений, их цветение и насыщение соками. Телепинус ушел в поля, в луга и в болота. В болоте лесном он остался. Там его опутали водяные лилии. И ни полба, ни ячмень больше не цветут. Коровы, овцы и люди больше не дают потомства. А те, что были беременны, не могут никак разродиться.

Горные долины засохли. Деревья засохли, и новые побеги не растут. Пастбища засохли. Источники пересохли. И в стране начался голод, так что и люди и боги умирают с голоду. Великий Бог Солнца задал пир и пригласил на него тысячу богов больших и малых. Они ели, но не насыщались. Они пили, но не могли утолить свою жажду.

Тогда Бог Грозы вспомнил о своем сыне Телепинусе и сказал богам: «Телепинуса здесь нет. Он

рассердился и все блага взял с собой. В стране начался голод». Большие и малые боги начали искать Телепинуса и не нашли его.

Бог Солнца послал быстрого орла: «Иди! Обыщи высокие горы, глубокие доли обыщи! Голубые волны обыщи!» Орел полетел. Горы он обыскал. Обыскал он потоки. Но его не нашел. И назад к Богу Солнца он принес весть: «Я его не нашел, Телепинуса, могущественного бога». Бог Грозы сказал Богине-Матери: «Что нам делать? Мы умрем с голоду». Богиня-Мать отвечала Богу Грозы: «Сделай что-нибудь сам, Бог Грозы! Пойди и сам поищи Телепинуса!»

Тогда Бог Грозы отправился искать Телепинуса. В городе Телепинуса в ворота пошел было он, но не смог их отворить. Он только сломал о замок ручку своего молота. Потом он вернулся восвояси, Бог Грозы, и уселся на своем престоле.

Богиня-Мать послала пчелу: «Иди! Ищи бога Телепинуса. Когда ты его найдешь, ужаль его в руки и в ноги, чтобы поднять его с места. Возьми воск, намажь воском ему глаза и руки, очисти его, и освяти его, и приведи его ко мне!»

Бог Грозы сказал Богине-Матери: «Большие и малые боги его искали, но его они не нашли. Как же может удасться этой пчеле найти его? Ее крыло маленькое, и сама она маленькая. Этим ведь пчелы и отличаются».

Богиня-Мать сказала Богу Грозы: «Довольно! Пчела полетит, и ей удасться его найти!» Пчела полетела. Она обыскала высокие горы и глубокие доли, голубые волны она обыскала, быстрые потоки она обыскала, источники она обыскала. Она так долго летала, что мед внутри нее иссяк. И когда мед внутри нее иссяк, тогда она и нашла его на

поляне в лесу возле священного города Лихци-на. И она ужалила его в руки и в ноги, и он поднялся.

И так сказал тогда Телепинус: «Я разгневался, но я здесь улечся отдохнуть. Зачем же меня спящего подняли? Зачем же меня гневающегося вынудили говорить?» Телепинус еще пуще рассвирепел, и в гневе он иссушал источники, он отводил в сторону текущие потоки и отделил их от старых русел. Города он сметал, и дома он сметал.

Он уничтожал людей, быков и овец он уничтожал. Боги спрашивали: «Вновь рассвирепел Телепинус. Что же нам делать? Что же нам делать?»

Телепинус, рассвирепев, пришел. Он гремел, как гром, устрашающе. Темную землю он сотрясал. Его увидела богиня Камрусеп. И она принесла крыло орла. И Телепинуса она укротила.

Гнев его она укротила. Сердитость его она укротила. Вину она укротила. Свирепость она укротила.

Камрусеп к богам обращается вновь: «Придите, о боги! Ты, богиня Хабантали, ты, Бог Солнца, баранов пасешь! Двенадцать баранов зарежьте! Я посвящаю Телепинусу жир зарезанных баранов! Я взяла крыло, и тысячу глаз я взяла! Крылом я размахиваю, а на крыле жир баранов, принесенных в жертву Камрусепой!

И для Телепинуса я зажигаю огонь. Здесь и там я зажигаю огонь. Я взяла у Телепинуса из его тела зло. Я взяла вину его. Я взяла гнев его. Я взяла его сердитость. Я взяла его ярость. Я взяла его свирепость.

Сердитый дух Телепинуса и его сердцевина! Задыхаются в огне дрова. И подобно тому, как дрова горят, пусть так же сгорит гнев Телепинуса, сердитость, вина, свирепость. Как маленькие зерна

солода в поле не несут, а оставляют впрок на семена, и хлеба из них не пекут, а складывают их в амбаре и запечатывают печатью, так пусть столь же малы станут гнев Телепинуса, его сердитость, вина и свирепость.

Сердитый дух Телепинуса и его сердцевина! Огонь горит. И подобно тому как этот огонь разгорается, так пусть сгорят гнев, сердитость, свирепость.

Прочь, гнев Телепинуса! Прочь, сердитость! Прочь, вина! Прочь, свирепость! Подобно тому как вода по водосточному желобу обратно вверх не течет, так пусть гнев Телепинуса, его сердитость, вина и свирепость назад не приходят!

Под боярышником боги собрались на совет. Под боярышником тем долголетье богов. Там боги все уселись: бог Папаяс, и богиня Истустаяс, и Богини-Защитницы, и Богини-Матери, и Бог Зерна, и Бог Созревания, и Телепинус, и Бог-Защитник, и богиня Хабантали. И всем богам долголетье я обеспечу обрядом. Телепинуса я очищаю обрядом.

Я взяла у Телепинуса из его тела зло. Я взяла гнев его. Я взяла сердитость его. Я взяла вину. Я взяла свирепость. Я взяла злой язык. Я взяла злой глаз.

Когда быка тянут за шерсть, которой порос его лоб между рогами, бык волей-неволей уходит прочь. Так сейчас волшебный образ, сделанный из шерсти, тянут в сторону, говоря: «Прочь уходи, гнев Телепинуса, сердитость, вина, свирепость его!»

Подобно тому как если Бог Грозы, рассвирепев, приходит, то его жрец — Человек Бога Грозы обуздывает, а если блюдо вносят, то с него еду по чашам раскладывают и тем его опустошают, так мои, богини Камрусепы, слова, сказанные на человече-

ском языке, пусть укротят гнев Телепинуса, его сердитость, его свирепость.

Пусть так случится, что гнев Телепинуса, его сердитость, его вина, его свирепость покинут дом. Пусть они покинут главный опорный столб дома. Пусть они покинут окно. Пусть они покинут дверную петлю. Пусть они покинут свод над воротами. Пусть они покинут подворье, ворота. Пусть они покинут царскую дорогу! К плодоносящему полю, к лесу и к саду пусть не идут они! Пусть они идут дорогой Солнечного Бога Земли!

Привратник отпирает ворота и обратно запирает засов. На Темной Земле поставили бронзовые полые сосуды. Их крышки из свинца. Но на них замки из железа. Кто в них войдет, из них вверх потом не выйдет, а там внутри и погибнет.

И пусть злой гнев, сердитость, свирепость, вина, злой язык, злая пята внутрь туда войдут и больше вверх не выйдут. Пусть там внутри они и погибнут.

Смотри, для тебя поставлен молочный сок растений. Пусть твоя сердцевина и дух станут мягкими, как молочный сок. Повернись миролюбиво к царю, царице и царевичам страны хеттов!

Смотри, для тебя поставлены маслины. Пусть перед тобой оливковое дерево виднеется. Смотри! Для тебя поставлены плоды фигового дерева. Подобно тому как плод фигового дерева сладок, так же дух Телепинуса да будет столь же сладок.

Подобно тому как плод оливкового дерева в своей сердцевине содержит масло и подобно тому как виноградная лоза в своей сердцевине содержит вино, так и ты, Телепинус, в духе своем и в сердцевине своей содержи благо.

Смотри! Для тебя поставили растительное масло. Да умастят им сердцевину Телепинуса.

Смотри, для тебя положили солод и солодовое пивное сусло. Как солод и солодовое пивное сусло по сути едины, так пусть душа Телепинуса и слова людские будут едиными. Как сердитого человека напоят пивом и у него гнев исчезнет и стесненного заботами человека вволю напоят и у него заботы исчезнут, так и тебя, Телепинуса, солодовое пивное сусло пусть вволю напоит, и пусть у тебя гнев, сердитость, вина, свирепость исчезнут.

Смотри, для тебя положили воск. Пусть свирепость и гнев выйдут из тебя.

Смотри, для тебя положили полбу. Подобно тому как полба чиста, так пусть чистыми будут сердцевина Телепинуса и его дух.

Подобно тому как медово-сладок мед и подобно тому как мягко масло, так же пусть дух Телепинуса станет медово-сладким и мягким.

Так ешь же вволю и пей же вволю!

Смотри! Твои пути, пути Телепинуса, благовонным маслом я окропила. И они благовонным маслом окроплены, о Телепинус! И путь твой открыт! Из драгоценных деревьев сахи и хапурися да будет сделано твое ложе. Ложись на него спать. Подобно тому как хорошая стрела из тростника легко летит, так ты, Телепинус, приди скорее сюда! Пусть будешь ты в согласии с царем и царицей и со страной хеттов!»

Бог Телепинус вернулся в свой дом. Он снова стал думать о своей стране. От окна отошло облако. От дома отошел чад. На жертвенном столе боги успокоились. В очаге поленья успокоились. В хлеву быки успокоились. В загоне бараны успокоились. Корова стала заботиться о теленке. Овца стала заботиться о ягненке.

Телепинус стал заботиться о царе и царице и о стране хеттов и им обеспечил жизнь и жизненную силу на будущие времена.

Телепинус заботится о царе. Перед Телепинусом ставят вечнозеленое дерево эя. На дереве эя висит овечья шкура. В овечьей шкуре помещается бараний жир. В нем же, в свой черед, помещаются Богиня-Зерно, Богиня Полей и вино. В них же, в свой черед,— бык и баран. В них же — долголетье. В них же — потомство, сыновья и дочери. В них же — зрелость смертных людей, быков и овец. В них же — мужество и могущество. В них же — вечный огонь.

В нем же — весть о мягкошерстных ягнятах. В них же — полное послушание. В нем же — правый кострец. В нем же — рост, цветение и насыщение соками.

И Телепинус вкладывает в руки царя овечью шкуру. И он ему дает все блага!

ИЗ МИФА ОБ ИСЧЕЗНОВЕНИИ БОГА ГРОЗЫ

...Дали пальцы тогда стопам,
Дали ногти тогда опи пальцам,
Ногти — Темной, как деготь, Земле.

Богу Солнца от Темной Земли их отдали,
Солнце передало Океану.

В Океане сосуды из меди стоят.
Крышки их из свинца. Кто войдет в них,
не выйдет обратно.
Злого Духа туда Бог Грозы положил.
Кровь туда положил...

ИЗ ЦИКЛА МИФОВ О КАМРУСЕПЕ

1. КАМРУСЕПА ОСВОБОЖДАЕТ ПРИРОДУ

Большая река свой проток связала. И рыба в воде стала связана. Горы высокие связаны. Доли глубокие связаны. Пастбище Бога Грозы связано. И чистая веревка связана. Крылья орла связаны. Бородатые змеи кругом связаны.

Под священным деревом эя звери связаны. Леопард на месте, что ему, могучему, пристало, связан. Волк в вышине связан. Лев у подножия горы связан. Антилопа в степи связана. Молоко антилопы связано. Трон Богини-Защитницы связан.

И это богиня Иштар сказала божеству Малия. Божество Малия это сказало богу Пирве. Бог Пирва сказал это богине Камрусепе. Камрусепе запрягла свою колесницу и отправилась к большой реке. И заговорила Камрусепе большую реку. И в воде рыбу она заговорила. Большая река течение свое отпустила. Рыбу она отпустила.

Горы высокие она отпустила. Долипы глубокие она отпустила. Пастбища Бога Грозы она освободила. И чистую веревку развязала. Крылья орла развязала. Бородатых змей кругом развязала.

Под деревом эя зверей она отпустила. Леопарда на месте, приставшем могучему, она отпустила. Волка в вышине она отпустила. Льва у подножья она отпустила. Антилопу в степи она отпустила. Молоко антилопы она освободила. Богини-Защитницы трон она развязала.

2. КАМРУСЕПА ЧЕШЕТ ОВЕЧЬЮ ШЕРСТЬ

С Камрусепой Бог Солнца
Овцам шерсть чесал.
И они тогда судили,
И они тогда рядили.
Трон взяла она железный,
Гребень из свинца взяла.
Чистую овцу чесали,
Вычески они бросали.
Шерсть овечью в воду клали,
Мыли и приготавлили.
К человеку овцу отводили,
На двенадцать частей разделили.

И жертву они совершали,
Ребенка они освящали.

- И пришел с небес Бог Солнца,
Камрусепу торопил.
Камрусепа торопилась,
И ребенка освятили.

ПАЛАЙСКИЙ ГИМН

Божий бык! Божий бык!
На тебе нет пятен!
На тебе нет грязи!
К богу ты повернут!
Реки больше не текут,
А клипок готов для жертвы.

,

ЛЕТОПИСЬ ХАТТУСИЛИСА I

Так говорит Табарна Хаттусилис, Великий царь, царь страны Хатти, человек города Куссара. В стране Хатти он царил, сын брата Тавананны. В город Санвитту он пошел, но его не стал разрушать, а только опустошил область этого города. Я оставил своих воинов, чтоб они стояли постоем в двух местах этой области, и загоны для скота, какие были в тех краях, я отдал воинам, стоявшим там постоем.

Потом я пошел походом на город Цальпу, и я его разрушил, и я взял его богов и три крытые повозки и отдал их Солнечной Богине города Аринны.

А изображение быка из серебра и серебряный кулак — знак власти — я отдал храму Бога Грозы. А остальные изображения богов, всего их было девять, я отдал храму богини Меццулы.

На следующий год я пошел в город Алалху, и его я разрушил. Потом я пошел в город Уршу, а из города Уршу я пошел в город Иккали, а из города Иккали я пошел в город Тасхинию. И на обратном пути из Уршу эти страны я опустошил и взял из них имущество, и дом свой этим имуществом я наполнил до избытка.

На следующий год я пошел в Арцаву, и я взял у них быков и овец. Но потом в мою страну вошел враг-хуррит. И со мною все страны враждовали. И только один город Хаттусас остался. Великий

царь — Табарна — Солнечной Богине города Аринны угоден. И меня Богиня Солнца Аринны, как дитя свое, на колени свои клала, и за руку она меня держала. И передо мной в бой Богиня Солнца Аринны устремлялась, мне споспешествуя. И я пошел к городу Ненассе. Когда люди города Ненассы только завидели меня издали, то ворота они отворили.

Потом я пошел для сражения в страну города Ульмы. Дважды люди города Ульмы выходили, чтобы биться со мной, и дважды я их разбивал. И страну города Ульмы я опустошил. И на его месте я посеял сорную траву. И семь божеств я взял для храма Солнечной Богини города Аринны, среди них серебряного быка богини Никатити и божество горы Аранхапила. А какие боги еще остались, тех я отдал храму богини Меццула. Когда же из страны города Ульмы я возвращался, я пошел в страну города Саллахсувы. И область города Саллахсувы сгорела в огне, и жители его стали моими рабами. И в Хаттусас, в мой город, я вернулся.

На следующий год я пошел для сражения в город Санахвит. Пять месяцев осаждал я город Санахвит. На шестой месяц я его разрушил. Великий царь в сердце своем возликовал. Богиня Солнца города Аринны охраняет всю страну. И все те мужественные подвиги, которые царь совершил, и все, что в походах добыто, я посвятил Богине Солнца города Аринны.

...Я пошел в город Аппаю. И свои боевые колесницы в страну города Уммаи я повернул. И на месте этого города я посеял сорную траву. И я взял у них быков и овец.

И я вошел в город Парманну. А царь Парманны возглавил царей других городов. И он сравнивал

друг с другом пути всех городов. Когда они только завидели меня издали, то ворота города они открыли. В то время Богиня Солнца небесная меня за руку держала. И в область города Алаалхи я пошел. И город Алаалху я разрушил.

А на следующий год я пошел в город Царуну. И город Царуну я разрушил. Я пошел в город Хассуву, и люди Хассувы вышли мне навстречу для битвы, и войска страны города Хальпы были с ними, чтобы им помогать. Они вышли для сражения со мной. И я победил их у горы Адалур. Всего лишь через несколько дней после этого я пересек реку Пурану, и страну Хассуву я, как лев, растоптал своими ногами. Прах ее потом я собрал и имуществом этой страны я наполнил город Хатти.

Серебру и золоту этой страны не было счета. Изображения Бога Грозы — господина Армарука, Бога Грозы — господина города Хальпы, божества Аллатум, Адалур, Лилури, двух быков из серебра, три статуи из серебра и золота я опечатал золотом в двух хурритских святилищах, где задние стены были из серебра и золота. И дверь из серебра и золота я опечатал золотом.

Один стол, отделанный золотом, три серебряных стола... из серебра, один трон с ручками, выложенными золотом, одно ложе, украшенное золотом, одну золотую постель, эти вещи из Хассувы я передал Богине Солнца города Аринны. Изображение дочери богини Аллатум, статую богини Хебат, три статуи из серебра, две статуи из золота — вот те изображения, которые я передал храму богини Меццулы.

Одно серебряное копьё, один скипетр из золота, пять серебряных орудий, три доли ляпис-лазури,

одну долю золота — все это я передал храму Бога Грозы.

Город Хассуву я победил за один год. И они выбросили прочь Таваннагу. А Великий царь голову его отрубил. И к городу Ципасне я пошел. И ночью я поднялся к городу Ципасне. И я вступил с ними в бой. И их связанными я увел. И в страны Божество Солнца вошло.

И я, царь Табарна, в город Ципасну вошел.

И на город Хахху я, как лев, посмотрел свирепым взглядом. И город Ципасну я разрушил, и богов из него взял, и передал их Богине Солнца города Аринны. И в город Хахху я пошел. В городе Хаххе трижды у ворот я выдерживал бой, и город Хахху я уничтожил. Имущество же из него взял и в город мой Хаттусас отослал: две повозки были нагружены серебром.

Одну крытую повозку, одну постель из серебра, один золотой стол, один серебряный стол, этих богов города Хаххи, одного быка из серебра, один корабль, нос которого выложен золотом, Великий царь Табарна унес из города Хаххи и передал Богине Солнца. Великий царь Табарна снял руки рабынь этого города с мельничных жерновов, и снял руки рабов этого города с серпов, и освободил их от несения повинностей и служб, развязал их пояса и передал их Богине Солнца города Аринны, моей госпоже. И я сделал эту свою статую из золота и ее установил перед Богиней Солнца города Аринны. И стену внизу и вверху в ее храме я серебром выложил.

Одну повозку с серебром царь города Тиманы Великому царю послал в дар, а я ее передал Богине Солнца города Аринны. Две статуи из алебаstra я передал Богине Солнца города Аринны.

Никто раньше не пересекал реки Пураны. А я, Великий царь Табарна, перешел ее вброд, и мое войско за мною следом перешло ее вброд. Саргон тоже переходил ее когда-то. Он поразил войска народа Хаххи, но городу Хаххе он ничего не сделал, и он его не сжег в огне, и дыма от тех городов он не поднял к небесному Богу Грозы.

А я, Великий царь Табарна, уничтожил города Хассуву и Хахху, и я предал их огню, и дым от них поднял к небесному Богу Грозы. А царя города Хассувы и царя города Хаххи я впряг, как упряжных быков, в колесницу.

Так кончается таблица о мужественных деяниях Хаттусилиса.

ЗАВЕЩАНИЕ ХАТТУСИЛИСА I

Великий царь Табарна всему собранию своих воинов и сановникам сказал: «Слушайте! Я занедужил. Прежде вам я назвал малыша правителем — Лабарной. Я провозгласил: «Этот пусть сядет на престол!» Но я, царь, позвал своего сына, я на него уже сердился, и его я держал вблизи от себя и постоянно за ним я следил. Он оказался недостойным! Он не плакал, не выказывал сочувствия. Холодный он и неласковый!

Я, царь, его схватил. Я-то хотел, чтобы мудрость он постиг. И тогда я сказал: «И что же? Впредь никто не возвеличит сына своей сестры, не воспитает его как своего сына! Слову царя он не внял, а тому слову, которое от матери его — змеи исходит, он внял. И братья и сестры ему все время нашептывали враждебные слова; их слова он и слушал! Я же, царь, прослышал об этом. На вражду я отвечаю враждой!

Довольно! Он мне не сын!» Мать же его подобно корове заревела: «У меня, живой еще, сильной коровы, вырвали чрево. Его погубили, и его ты убьешь!» Я на это возразил: «Разве я, царь, ему причинил какое-нибудь зло? Разве я не сделал его жрецом? Я всегда его отличал на благо ему. Он же к наказам царя не отнесся сочувственно. Разве тогда может он проявить доброжелательство к городу Хаттусасу и думать о его благе?

Мать его — змея. И случится так: он снова и снова будет слушать слова матери своей, братьев своих и сестер своих. И тогда он подойдет близко, чтоб добиться возмездия, подойдет он близко. И о царских подданных и сановниках, что поставлены на свои должности, он скажет: «Смотрите! Из-за царя они умрут!» И случится так, что вот чем он кончит: кровавое дело он совершит, кровь мою прольет. И не будет знать он страха. И случится так: к тем, кто — сыны города Хаттусаса, он подойдет близко. Он подойдет близко, чтобы увести быков и овец, чьи бы они ни были! Внешних врагов своих я порази́л молотом, и страну свою я держал в спокойствии. Так пусть не случится так, что он начнет проливать кровь в моей стране!

Отныне да не спускается он из верхней дворцовой части города беспрепятственно вниз, куда ему вздумается! Смотрите! Своему сыну Лабарне я дал дом, много полей я дал, много быков, много овец я дал. И пусть он ест и пьет. Если он будет благорасположенным, то тогда пусть поднимается вверх и во дворец. Если же он будет полон ненависти, или же в нем будет видна злонамеренность, или же он будет стремиться к возмущению спокойствия, тогда пусть не поднимается он вверх во дворец и пусть остается он в доме своем.

Смотрите же! Мурсилис — мой сын. Признайте его своим царем! Посадите его на престол! Ему много богом в сердце вложено. Только Льва божество может поставить на львиное место. В час, когда дело войны начнется или восстание тяготы принесет, будьте опорой сыну моему, подданные и сановники!

Только когда пройдет три года, тогда лишь пусть он идет в поход. Я хочу уже теперь сделать

его царем-героем... Уже и сейчас, хотя он по возрасту будет нести не все царские обязанности, чтите его! Ваш он царь — отпрыск Моего Солнца. И его воспитывая, возвеличивайте его как царя-героя! Когда же его в поход еще несовершеннолетним поведете, то назад его приведите благополучно. Ваш род да будет единым, как волчий. Да не будет в нем больше вражды. Подданные будущего царя от одной матери рождены!

Вам предназначена одна печень, единое дыхание, единый слух! Вы не должны заноситься. Среди вас никто не должен враждовать с другими. Никто не должен нарушать слова. Того, что сделали города Синахува и Убария, вы не должны делать! Злонамеренности да не будет вам дано! Иначе мой сын разделается с вами так же, как я обошелся с жителями этих городов!

Никто не должен говорить: «Ведь и царь тайком делает то, что его сердцу мило. И я ему это прощаю!» Как бы царь ни поступил — по своей воле или иначе,— все равно злонамеренности да не будет дано. Вы же, те, кто знает мои слова и мою мудрость, сына моего вразумите, чтобы он стал мудрым!

Один из вас другого не должен отталкивать, один другого не должен продвигать вперед. Старейшины пусть речей не говорят. Сына моего пусть они ради собственного блага не зовут. С тобой да не говорят старейшины Хатти, человек города Куссара, человек города Хеммувы, человек города Тамалкия, человек города Цальпы. Никто из местного населения не должен говорить с тобой.

Посмотрите на сына моего Худцияса! Я, царь, назначил его хозяином города Тапассанды. Жители же этого города стали его привлекать на свою

сторону, проявляя свою злонамеренность. Со мной же они стали враждовать, а ему говорили так: «Восстань против власти своего отца! Дворцы города Тапассанды, которые им посредством обрядов не были очищены, ты должен очистить!»

Я, царь, сместил Хуццияса. Тогда сыновья города Хатти в самом городе Хаттусасе со мной вражду затеяли. Они стали привлекать на свою сторону мою дочь. Со мной же они стали враждовать, а ей говорили так: «У твоего отца нет сына, который мог бы сесть на престол! Простой подданный сядет на престол! Простой подданный будет царствовать!» И дочь моя посеяла тогда мятеж в городе Хаттусасе и во дворцах. И со мной сановники и сыновья дворца стали враждовать. И она возмутила всю страну.

И брат во вражде убивал брата, а друг убивал друга. Сыновья города Хатти умирали. И во время смуты пропадало все имущество: у кого быки, у кого овцы, у кого дом, гумно и поля, у кого золото, серебро, драгоценные камни, медь и бронза. Что у кого оставалось, то и гибло во время смуты.

...И держатели земельных наделов говорили: «Его это участок земли или мой, я об этом не знаю...»

Но богИ дочь мою отдали мне в руки. Она привела к смерти сыновей города Хатти. И я у дочери в наказание отнял все ее имущество. Я сказал ей: «Если я тебе оставлю хотя бы малую долю имущества, то сыновья Хатти в речах своих меня осудят». На это она мне сказала: «Ты меня предоставил гибели!» Тогда я дал ей совсем небольшую часть имущества. А она мне на это сказала: «Почему ты мне так мало дал?» Тогда сИ я, царь, возразил: «Тебе

этого мало? Если бы я тебе дал много быков или много полей, тогда вышло бы, что и я сам пью кровь своей страны!»

Дочь моя обесчестила мою голову и имя мое. И я, царь, взял дочь и велел перевести ее вниз из города Хаттусаса. Я повелел так: за поле платят полем, за быка — быком. Слова отца она отбросила и кровь сыновей Хатти она пила. Теперь же из города ее отправили вниз. Если в дом мой она придет, она дом мой перевернет. Если же в город Хаттусас она придет, то в нем во второй раз она мятеж посеет. Вне города в деревне ей дом построен. И пусть она ест и пьет.

Вы же ей зла не делайте! Она делала зло. Я же в ответ зла не делаю. Но она меня не назвала отцом, и я ее не называю дочерью своей.

До сих пор никто из моего рода души моей не перенимал. Ты же, Мурсилис, сын мой, ты душу мою переймешь! Храни слова отца своего! Если слова отца ты будешь хранить, ты будешь есть только хлеб и пить только воду. Когда же достигнешь зрелого возраста, тогда ешь два и три раза в день и насыщайся вдоволь! Когда же возраст старости придет к тебе, тогда пей вволю! И словом отца тогда только ты можешь пренебречь.

Вы — мои первые подданные! И мои, царя, слова вы храните! Хлеб ешьте и воду пейте! И город Хаттусас будет возвышаться, и моя страна будет в мире и спокойствии. Если же слова царя вы хранить не будете, то в будущем вам не жить — вы погибнете! Кто же словам царя будет перечить, тот тотчас же должен умереть. Он не может быть моим посланником, он не может быть моим первым подданным. Пусть ему отрежут член! Так было со словами моего деда Пухассумаса... Разве его сыны

не отложились от него? Мой дед своего сына Лабарну в городе Санахвитте отметил как своего наследника. Потом же его подданные и сановники перечили словам его и посадили на престол Папахдилмаса. Сколько лет с тех пор прошло и сколько из них уделело? Дома сановников — где они? Разве они не исчезли?

Вы же должны мои слова — слова Лабарны, Великого царя, — хранить! Если вы их хранить будете, тогда город Хаттусас будет возвышаться, и страну свою вы будете умиротворять. Так ешьте хлеб и воду пейте. Если же вы слова царя не сохраните, тогда страна ваша подпадет под чужеземное владычество! Будьте осторожны в делах, касающихся богов: в их доле хлеба и в возлияниях, которые им полагаются. Их блюдо из крошеного хлеба и их крупа должны быть поставлены на стол! И ты, Мурсилис, не должен ни быть нерадивым, ни медлить! А если ты будешь нерадивым, то зло может снова прийти, как прежде. Да будет так!»

Великий царь Лабарна говорил Мурсилису, сыну своему: «Слова свои я дал тебе, и эту таблицу пусть тебе читают из месяца в месяц. Так запечатлей в сердце своем мои слова и мою мудрость, и милостиво управляй моими подданными и моими сановниками. Если ты увидишь чей-либо проступок, или если кто-нибудь перед божеством провинится, или если кто-нибудь какое-нибудь слово скажет, то в каждом случае ты спрашивай собрание. И речь да будет обращена каждый раз к собранию. Что в сердце твоём, мой сын, то и делай».

Великий царь Лабарна сказал Хастаяр: «Ты же о моих наставлениях не забудь и им не противься! Да не скажет о тебе царь и да не скажут о тебе

сыны дворца так: «Смотри! Она всегда спрашивает жриц — Старых Женщин». Царь пусть так говорит о тебе: «Спрашивает ли она жриц, Старых Женщин, я о том не знаю». Ты же о моих наставлениях потом не забудь и им не противься! Снова спрашивай меня, и тебе я свои слова поведаю. Обмой мой труп, как это положено. Прижми меня к своей груди и, прижав к груди, похорони меня в земле».

Таблица Табарны, Великого царя: «Как Великий царь, Табарпа, в городе Куссаре заболел и призвал к царствованию юного Мурсила».

ОТРЫВКИ ИЗ НАДПИСЕЙ ВРЕМЕН ХАТТУСИЛИСА I

I

...И так случится, что она город Хаттусас сделает другим, и кровавое дело в нем она совершит. В будущем никто да не произнесет имени Таванан-ны. И имен ее сыновей и ее дочерей пусть никто не произносит. Если кто-нибудь из сыновей города Хатти произнесет их имена, то пусть ему перережут глотку и повесят его на воротах. Если кто-нибудь из моих подданных произнесет их имена, то он мне больше не подданный. Глотку ему пусть перережут и его на воротах пусть повесят.

Слушайте! Я вам дал тебя, Мурсилиса! Пусть он займет престол отца своего. А тот, бывший Лабарна, мне уже не сын. Вас, моих подданных, род да будет единым, как волчья стая. И те из вас, кто будет перечить словам царя, будь то мешеди, побочные царские сыновья и люди муша, если только они ослушаются, вот что будет с теми ослушниками. Сыну дворца, который слову царя перечит, глотку пусть перережут, на воротах его пусть повесят.

Когда вы слово мое сохраните, тогда страну мою вы спокойной сделаете. В очаге огонь вы будете разжигать, тогда слова мои да не будут нарушены. Если же вы не будете разжигать огонь в очаге, тогда может случиться, что Змея кольцами своими оплетет город Хаттусас.

Человек города Цальпы слово отца отбросил. Смотри, что случилось с городом Цальпой! Человек города Хассувы слово отца отбросил. Смотри, что случилось с городом Хассувой! Человек города Хальпы слово отца отбросил. И город Хальпа погибает!

II

...Так он поступает по отношению ко мне. И вот боги его, моего сына, правителя Бурусханды, отдали в мои руки. Царь сказал своей супруге и своим сестрам: «Идите! Ешьте и пейте! А царю на глаза не показывайтесь!»

А теперь, если царевич совершит проступок по отношению к особе царя, тогда пусть его позовут к Божеству Реки. Пусть он идет к Божеству Реки! И если он очистится перед ним, то он может показываться тебе на глаза! Если же он откажется от испытания перед Божеством Реки, тогда пусть он остается в своем доме! Если ты над ним смиловившись и если ты его будешь числить среди царевичей, то числи его среди них. Но если ты не будешь его числить среди царевичей, то пусть он остается в своем доме! В тюрьму его не помещай! Зла же ему не делай! Смерти его не предавай!.. Богам в небе боли не причини, на земле причини тем лицам, что вокруг тебя!

Из-за особы моего отца перед Божеством Реки многие оказались оскверненными. И отец царя их не спасал. Вот и Киццувас из-за особы моего отца оказался оскверненным. И отец мой его, Киццуваса, не спас!

НАЗИДАТЕЛЬНЫЕ РАССКАЗЫ

...Нуннус, человек города Хурмы, был в Арцаве. Золото и серебро, которое он там нашел, он не отослал ко двору, а с ними поехал к себе в свое имение. Но по дороге правитель города Хунтары его выследил. Отец царя написал. И его привели на суд. На его же место царь хотел поставить Сармассуса. Но тот был нерасторопен. Тогда отец царя послал человека золотого копья. Сармассуса и Нуннуса отвели на гору Тахая. И их запрягли, как быков. И свойственника Нуннуса схватили. И его убили на глазах у Сармассуса и Нуннуса.

Когда же рассвело, отец царя позвал к себе. Но Сармассуса и Нуннуса не убили, а увели прочь, и одежды и пояса их не были окровавленными. Тогда мешеди их рубахи вывернули и платья вывернули. И царь увидел кровь убитого...

* * *

Цидис был виночерпием. Отец царя велел отправить кувшин с вином женщине по имени Хистаяр и мужчине по имени Мараттияс. Царю Цидис дал отведать хорошего вина будто из того же кувшина. А Хистаяр и Мараттиясу отправили кувшин с другим вином. Но те пришли к царю и ему рассказали, что им послали кувшин с другим вином. Когда царь узнал, что случилось, он велел увести Цидиса. И они его увели прочь. И его отделали как следует. И он умер.

* * *

Аскалияс был господином в городе Хурме. И он был человек нестоящий. И отцу моему о нем рассказали. И его доставили к отцу. И его отправили в город Анкуву. И в городе Анкуве его отец царя назначил правителем. Он был высоким по чину должностным лицом. Но его убили те, кого он хотел умалить.

* * *

Искудасинарас был должностным лицом. И Аскалияс, человек города Хурмы, его взял себе. И он его поставил правителем города Удахцуми. Когда же Аскалияс с ним поссорился, он его ударил. И его в темницу поместили. Но против Аскалияса затеяли смуту. И тогда Искудасинараса освободили из темницы. И он пришел к Аскалиясу. И тому он сказал: «Ты — плохой человек!»

* * *

В городе Анкуве жил человек из города Хурмы, сын дворца по имени Сантас. Он боялся хурритов, и к господину войска он уехал на колеснице. Отец царя написал, и Сантасу отрезали его члены в наказание.

* * *

...В другой раз я, царь, нашел волос в чаше. Дух царя возмутился, и я разгневался на приносящих мне воду: «Это отвратительно!» Вот что сказал

тогда Арнилис: «Цулияс был небрежным!» Вот что сказал тогда царь: «Пусть Цулияс идет к потоку! Если он очистится, пусть его простят! Но если он осквернится, пусть тогда он умрет!»

Цулияс пошел к потоку, и он оказался оскверненным. Цулияса привели в Сурессу. Царь его осудил на смерть, и он погиб.

* * *

...Ради своей пользы будь в высшей степени осмотрителен во всех случаях, подобно этому рассказу о дворцовой женщине. Кто был тот Марияс, который погиб из-за следующего дела? Разве не проходила мимо иеродула? А он на нее не загляделся разве? Отец же Моего Солнца выглянул как раз из окна и увидел это. И он его схватил, сказав: «Почему ты на нее смотрел?» И тот погиб из-за этого дела. Так ты будь очень осмотрителен относительно дела, из-за которого погиб человек!..

ОТРЫВОК О ТОРГОВЦАХ

И они войдут в дом и скажут: «Мы придем, торговцы из городов Ура и Цаллара. И всего у нас будет в избытке и во множестве.

Мы приведем с собой много рабов — пленных воинов, быков, овец, ослов, мулов мы пригоним в большом количестве. У нас будет с собой много ячменя и винограда.

И ценности — серебро, золото, ляпис-лазурь, сердолик, вавилонский камень, железо, медь, бронзу, олово — какие только ценности ни нужно иметь торговцам согласно обычаю, все это у нас будет в больших количествах...»

РАССКАЗ О БЫКЕ, СДВИНУВШЕМ ГОРЫ

Так говорит Пухану, служитель Сармассу:
Человек пред ним предстал, в пестрое одетый.
У того на голове стрелы и корзина.

Он зовет на помощь: «Что, что со мной случилось?

Я не брал ни у кого ничего из дома,
Ни коровы, ни быка, ни овцы не брал!
Ни раба я, ни рабыни не украл ни у кого!

Как со мною поступили! Отчего ярмо надели?
Я боюсь, несчастий много эта принесет корзина!
Я в сражения отправлюсь, страны я опустошу!
Эти стрелы я лошлю в сердце стран враждебных!

Вы в священную Аринну привели зачем врага?
Вы меня туда ведите, с ним расправлюсь я тогда!»

И на это отвечало Божество ему:
«Кто держит прочно все в своих руках,
Потоки, горы, океаны держит?
Я горы пригвоздил, чтоб не сдвигались с места,
Я море пригвоздил, чтоб не ушло назад».

«Поглядите, превратился он в огромного Быка,
Поглядите, у него рог немного согнут!»
Спрашиваю: «Отчего рог немного согнут?»
Отвечает он тогда: «Я ходил в поход.

Загораживала путь нам гора большая.
Подошел тогда к ней Бык, гору он подвинул.
Море победили мы. Оттого и согнут рог!»

Богиня Солнца, сидя на престоле,
Посланье клинописное писала:
«Идите в Хальпу! И скажите войску —
Уже там Суппияхсус и Цидус!..»

ИЗ ХЕТТСКОЙ ВЕРСИИ ЛЕГЕНДЫ О НАРАМ-СИНЕ

...Нарам-Син так говорит главному начальнику тысяч: «Пусть три раба придут!» И три раба пришли, они были сильные и рослые. Он сказал: «Пусть они придут, и я сам возьму копье, и тесак я им дам.

Если так произойдет, что я его копьем уколую, а тот его ножом разрежет, и кровь у них потечет, то тогда враги мои—смертные. Тогда я на них пойду в поход. А если крови у них не покажется, тогда со мной враждуют боги. И тогда я на них походом не пойду».

Когда рабы пришли, один из рабов его уколол копьем, другой раб резал ножом. И у того показалась кровь. Так господину своему Нарам-Сину они принесли весть. Так сказал Нарам-Син: «Хотя у них кровь и показалась, я все же против врагов не пойду!

В первый раз в поход я повел сто восемьдесят тысяч воинов, и они их разбили. Во второй раз я повел в поход сто двадцать тысяч воинов, и они их снова разбили. В третий раз я повел в поход шестьдесят тысяч воинов, и снова их они разбили».

Нарам-Син богине Иштар стал так молиться: «Ты ведь мне возвестила: Темные Земли ты мне в руку вложила!» А Иштар ему возразила на это: «Ступай! Соверши обряд очищения! Спи на обрядово чистой постели! Обратись потом к твоим собственным богам и им пожалуйся!» Нарам-Син совершил обряд очищения, спал на обрядово чистой

постели, а потом обратился к своим богам и стал своим богам жаловаться.

...Боги снова говорили ему так: «О Нарам-Син! Вот что мы тебе сказали: это войско племени Ум-ман Манда, что создано, чтобы сражаться с тобой. Ты с женой своей вместе в постели спи, но от объятий воздерживайся. Боевую колесницу же свою и оружие свяжи и помести в угол. Смири свою храбрость! Оставайся дома! Из своей страны на врага походом не иди! Так человек может погибнуть!..»

НАДПИСИ О ВОЕННЫХ ПОХОДАХ

1. О ВОЙНЕ С ГОРОДАМИ ХАССУВОЙ И ХАЛЬПОЙ

...Двое людей пришли. Они перед царем сели. Царь им сказал: «Идите! Человеку города Хассувы скажите: «Я иду на тебя! Выходи навстречу. А если ты не выйдешь, то я тебя, как медведя в берлоге, обложу, и ты умрешь, задохнувшись».

Человек города Хальпы выступил в поход против царя...

...Цалуди, начальник воинов Манда, Цукраши, военачальник человека Хальпы, со своими пешими войсками и колесницами пришли из города Хальпы. Цалуди человеку города Хассувы клинописную табличку послал: «Я сижу в крепости, ты выступи. Я врага обращаю в бегство».

...И царь пришел в город Хаттусас. А из города Хаттусаса пошел в Хальпу...

2. О ЛЮДОЕДАХ

Людей они не отличали от своего скота. Того человека, который у них умирал, они обычно съедали. А если они видели тучного человека, то они его убивали и ели.

Так случилось, что человек города Шуды и города Цу... пришли на помощь городу Укапуве. И человек города Шуды и Каниус из города Ука-

пуды пошли навстречу их предводителю — Сыну Лиля. Сына Лиля ...привели в город и его воинов привели в город. Каниус взял кусок жареной свинины и положил ее перед Сыном Лиля, сказав: «Если он попадет стрелой в цель, тогда он бог; а если он не попадет стрелой в цель, тогда он человек и мы с ним сразимся». Сын Лиля взял кусок свинины. И он его съел, и он дал поест своим людям, и он дал пить людям своим...

...После сражения они их всех съели. Только один Цуппас бежал. И они сказали: «Мы взяли послов царя Хальпы, и мы их отпускаем обратно в Хальпу». А в городе Тинисипе они схватили мать Цуппаса, и они ее съели.

Когда мы вышли из города Нухаяны, мы устремились к стране Иланцура. Мы взяли быков и овец, а людей мы одолели силой. Когда мы так теснили людей этой страны, царь Иланцуры к хурритским царям Уванта, Урутитта и Увагаззана послал за помощью, и он им отправил в дар золотые чаши...

3. ОБ ОСАДЕ ГОРОДА ЦАЛЬПЫ

Хаппи сказал людям города Цальпы: «Я неугоден своему отцу. Поэтому в Хаттусас я пойду на верную смерть, а со мной и сыновья Цальпы, разве не готова к гибели эта сотня людей, которых еще не убили?»

Царь услышал об этом. Он отправился в поход и пришел в Харахсу. Войско Цальпы вышло ему навстречу, и царь нанес ему удар. Но Хаппи ускользнул, и только Тамнассуса взяли живым, и его царь привел в Хаттусас. На третий год царь пошел и обложил осадой Цальпу. Два года он был

под этим городом. Он требовал, чтобы ему выдали Табарну и Хаппи, но люди города их не отдавали. И их теснили. И они умирали. Царь пришел в Хаттусас, чтобы молиться богам, но старого царя оставил он там. Тот пошел на город со словами: «Я стану вашим царем». И войска были с ним, и он разрушил город.

Конец.

4. ОБ АНУМХЕРВЕ

Они сражались под Цальпой. Его теснили. Анумхерва был в Цальпе. И из города он увидел отрезанную голову своего сына. Он наполнил золотую чашу и в нее налил яду. И ее он выпил.

5. О РОЖДЕНИИ СЫНА ПОЛЕЙ

...С женщиной-рабыней бог провел ночь, и родился сын. Его отнесли в обрядово чистое место и оставили там.

Сын лежал на лугу, на том обрядово чистом месте, куда его принесли. И туда пришли домашние животные. Они подошли к тому ритуально чистому месту. И они кормили ребенка молоком. А к ним подошли и другие. Потом животные пошли назад к селению. А ребенок напился молока досыта, хотя он и не понимал еще ничего.

Пастух набил мешок сеном и спрятался в нем. Когда скот пошел в поле, он стал смотреть за ними и увидел. Овцы пошли дальше и подошли к ребенку. И они кормили ребенка молоком. А потом они пошли дальше. И тогда пастух вышел из мешка и подошел к ребенку. Он назвал его Сыном Полей. А скот он погнал дальше.

ОСАДА ГОРОДА УРШУ

...Сандас принес весть... Царь тогда сказал так: «Сандас, ступай!.. Сделай все как должно. Смотри, чтобы не вышло, что город уже будет разрушен до того, как ты туда придешь! Будь осмотрителен! А не то город будет разрушен и произойдет грех и опустошение. Если же ты будешь осмотрителен, то город не будет разрушен. Когда вы пойдете на сражение, пусть военачальники смотрят внимательно! Воины вражеские как псы побегут впереди! Кто этого пса увидит?» Они так отвечали царю: «Мы будем внимательны, и мы избежим греха и опустошения города».

Тогда царь сказал им так: «Если город погибнет, то случится грех, случится преступление». И тогда они отвечали так: «Восемь раз мы вступали в бой, и город хотя и будет разрушен, но греха мы не совершили». И царь был доволен их ответом.

Но они сломали стенобитное орудие. Царь рассердился, и лицо его омрачилось: «Всегда они приносят мне дурные известия; пусть Бог Грозы унесет вас в бурном потоке!» Царь продолжал так: «Не ленитесь! Сделайте стенобитное орудие на хурритский лад, и пусть его скорее доставят. Сделайте башню-гору для осады, и пусть ее тоже скорее доставят. Большое стенобитное орудие делайте из дерева с горы Хассу, и пусть скорее его доставят. Начинайте насыпать землю! А когда кончите, пусть

все станут по местам. Пусть тогда враг начнет сражение, это будет безумством с его стороны!»

Тогда Сариванда сказал: «Там холодно сейчас. Завтра начнут земляные работы, а пока можно об этом не беспокоиться». И царь был доволен его ответом.

Царь позвал Сандаса в Лухуццантию и спросил его о подданном человека Кархемыша: «Какие там новости?» Так отвечал Сандас: «Когда Уршу падет, тогда подданный окажется у нас в руках. Сейчас твои подданные сидят на горе и оттуда обзеревают вражеский город». Тогда царь спросил его: «Ты меня слушаешь?» — «Я слушаю». — «Ступай и скажи им так: кто бы вы ни были, будьте разумными! И покажите себя верными военачальниками! В Хатти не было ничего плохого. Но когда вот Нунну и Кулет совершили зло,— смотрите, что с ними стало! А что сделал человек из Кархемыша, это вы видели?» Вот что они говорили:

«Разве кто-нибудь думал, что Ирияя придет и скажет, как лжец: «Мы принесем башню и стенобитное орудие». А на самом деле они не принесли ни башни, ни стенобитного орудия. Он подумал, подумал, да и их принес кому-нибудь другому. Так схватите его и скажите ему: «Ты нас обманываешь, а мы из-за тебя обманываем царя».

«Царь нарушил слово моего отца, слово моего деда... Бояться его не надо. Один-единственный военачальник сюда пойдет, мало воинов сюда пойдет. И ни военачальники, ни главные над пешими воинами сюда не придут».

«...Тридцать боевых колесниц города Хуруххи, которые вошли в город Аспху, удалось захватить и отослать их назад». Тогда Кулет сказал так: «Сыновья Сына Бога Грозы сражаются за царство-

вание. Что же ты медлишь? А теперь ты что царю принес? Что ты для боя сделал?» А те ему отвечали так: «Только если к нам будут враждебны, мы ответим враждой».

Сандас снова принес донесение. Царь тогда сказал так:

...«Почему вы не дали им сражения? Вы словно стоите на воде, а не на колесницах, и сами чуть не стали течь, как вода. Он вам оплатит за это, еще бы! Вам бы на колени стать перед ним! Вы если не убить его должны были, то хоть бы напугать его. А вы вели себя, как женщины.

Вспомни о сыновьях Лария. Сыновья Лария тоже медлили, хотя они и пели боевую песнь Забабы:

«Рогом бык щенка придавит,
Белолобый бык,
Вот идут быки на битву,
И бегут щенки!»

Но хоть они так пели, на самом деле они взяли в руки веретена, а стрелы унесли прочь. Иголки они взяли в руки, а палицы свои унесли прочь. Раньше Тудхалияс вот так же передо мной повел себя, как женщина. А теперь ты себя ведешь, как женщина!» И, рассказав это, царь продолжал так: «Ступайте! Когда в Уршу придете, будете вы жесть городские вброта и вести бой как надо?»

И тогда они отвечали царю: «Восемь раз мы с ним вступали в бой. Мы опрокинем их замыслы и возьмем город». Царь отвечал: «Хорошо!»

Но они так и не сделали ничего городу. А многие из слуг царя получили раны в стычках и умиралли. Царь разгневался. И он сказал так: «Следите за дорогами. Смотрите, кто входит в город и кто выходит из города. Пусть никто из города не сможет

уйти к врагу. Пусть никто не сможет пойти ни к Арвару, ни к Хальпе, ни к войску хурритов, ни к Цуппе!» Они ответили: «Мы следим. Восемьдесят колесниц и восемь пеших отрядов окружают город. Пусть сердце царя успокоится. Каждый стоит на своем месте». Но вдруг беглец пришел из города. Вот что он рассказал: «Человек царя Хальпы приходил пять раз, человек Цуппы в самом городе, люди Арвары входят в город и выходят из города, человек моего господина — Сына Бога Грозы — входит в город и выходит из него, вот что он сказал: «Как же можно положиться на вас?» Вот что он говорит: «Я принес серебро, имущество, быков и овец; их я отдал хурритам; и если мне они помогут, я им семикратную дань принесу; и я приведу сыновей страны и еще удвою дань хурритам. И от царя я помощь приведу». И дарь разъярился. И вот что он сказал: «Как же можно положиться на вас? Где же те восемьдесят колесниц и где же восемь отрядов?..»

Таблица об осаде города Уршу.

ГАДАНИЕ О БУДУЩЕЙ ВОЙНЕ С ХУРРИТАМИ

Бог Грозы города Хальпы от нас бежит... Хуррит еще не вторгается. Проходит четыре года. Двух мужчин убивают в стычке.

И поют тогда старую песню:

«Саван Несы, саван Несы
Принеси ты мне.
Матери моей одежды
Принеси ты мне.
Деда моего одежды
Принеси ты мне.
Что все это значит?
Предков я спрошу».

Они отвечают так:

«Войско хурритов придет
Сворою псиной.
Войско хурритов страну
Хеттов укусит».

КЛИНОПИСНАЯ ТАБЛИЦА ЦАРЯ ТЕЛЕПИНУСА

Так говорит Табарна Телепинус, Великий царь. Прежде Лабарна был Великим царем. И тогда его сыновья, его братья, его свойственники, люди его рода и его воины собирались вместе.

И страна была невелика. В какой бы поход он ни пойдет, страну врагов сильной рукой он покоряет.

И страны он опустошал, и страны он завоевывал. И их границами моря он делал. Когда же из похода назад он приходил, каждый из его сыновей шел в какую-нибудь из стран.

Шел в страну города Хуписны, города Туванувы, города Ненассы, города Ланды, города Цаллара, города Пурусханды и города Лусны. И странами они управляли, и большие города были...

Потом воцарился Хаттусилис. И его сыновья, его братья, его свойственники, люди его рода и его воины собирались вместе. В какой поход он ни пойдет, он страну врагов сильной рукой покоряет.

И страны он опустошал, и страны он завоевывал. И их границами моря он делал. Когда же он из похода назад приходил, каждый из его сыновей шел в какую-нибудь из стран. В руке его большие города были собраны.

Когда потом рабы князей отложились, они начали уничтожать их дома, и начали стовариваться против господ своих, и начали проливать их кровь.

Когда Мурсилис в Хаттусасе воцарился, тогда его сыновья, его братья, его свойственники, люди его рода и воины его были объединены. И страну врагов сильной рукой покорял, и страны он завоевывал, и их границами моря он делал.

И он пошел в город Хальпу, и город Хальпу он разрушил, и рабов — пленных воинов, и имущество города Хальпы он принес в город Хаттусас. Потом же он пошел в город Вавилон, и город Вавилон он разрушил, и хурритам он нанес поражение, и рабов-пленных, и имущество города Вавилона он в городе Хаттусасе держал.

А Хантилис был чашником, и сестра Мурсилиса, Харапсилис, была его женой.

...И Цидантас сговорился с Хантилисом, и они совершили злое дело и убили Мурсилиса. Они пролили кровь.

И Хантилис боялся...

...Хурриты с конным войском своим пришли. Враг вошел в страну Хатти. Враг по стране разгуливал свободно.

...Хурритов изгнали из моей страны. Царицу Харапсилис же вместе с ее сыновьями увели в город Суккацию. Царица Харапсилис заболела.

...И сказал так: «Царица в городе Суккации пусть умрет!» И ее схватили и вместе с ее сыновьями убили.

Тех, кто их убил, всех вместе собрали с людьми их рода, и их увели в город Тагалаху и загнали в кустарник.

И когда Хантилис стал старым и собрался становиться богом, Цидантас убил Писениса, сына Хантилиса, вместе с сыновьями его, и его первых подданных он убил.

И Цидантас воцарился. Но боги жаждали крови

Писениса, и они Цидантасу врагом сделали собственного сына его, Аммунаса, и тот убил Цидантаса, отца своего.

И Аммунас воцарился. Но боги жаждали крови отца его Цидантаса, и они не дали благоприятных предзнаменований для него самого, зерна его, зелени, виноградов, скота, овец.

Страны же с ним враждовали: город..., город Галлия, страна города Адания, страна города Арцавии, города Салапы, города Пардуватты и города Ахулласы. И в какой бы поход войска его ни шли, они назад постоянно возвращались без побед. И когда Аммунас стал богом, в те дни Цурус, главный над придворными-мешеди, тайком послал одного из своего рода — сына своего Тахарваиллеса, человека золотого копья, и он убил весь род Титиса вместе с сыновьями его.

И он послал Тарухсуса, гонца, и тот убил Хантилиса вместе с сыновьями его. И Хуццияс воцарился. А Телепинус имел женой Истакпарияс, сестру его, которая была выше других по достоинству. Хуццияс убил бы их, но дело это стало явным, и Телепинус изгнал их.

Их было всего пятеро — Хуццияс и его братья, и Телепинус им дома построил. И сказал он так: «Пусть идут они себе, и да будут они жить, и пусть едят, и пусть пьют. Зла же им никакого не причиняет Телепинус. И я так постоянно говорю: они мне сделали зло, я же им зла не делаю.

Когда я, Телепинус, сел на трон отца своего, я пошел в поход на город Хассуву, и город Хассуву я разрушил. И войска мои были в Цицилипе, и при Цицилипе бой случился.

Когда я, царь, пришел в город Лаваццантию, Лаххас был по отношению ко мне враждебен и при-

зывает город Лаваццантию к восстанию. Но боги его отдали в мои руки. И с ним были главный надсмотрщик над тысячью людей... Карувас, надсмотрщик над, Инарас, надсмотрщик над чашниками, Киллас и Тархуммимас; надсмотрщик над вестниками Цинваселис и Леллис, многие. И они тайком послали к Танувасу вестника.

Я, царь, не знал... Худцияса и его братьев... Когда я, царь, услышал, Тануваса, Тахарваилиса и Тарухсуса доставили и собрание-панкус предлагало предать их смертной казни. Я же, царь, сказал: «Зачем им умирать? Им пусть закроют глаза». И я, царь, отпустил их. Я их сделал землепашцами. Я снял оружие у них с правого бока, и им ярмо я дал, чтобы они пахали.

Кровь же царского рода лилась и лилась. И Истапарияс, царица, умерла. И Аммунас, сын царя, умер. И прорицатели стали говорить: «Смотри! В городе Хаттусасе кровь увеличивается». И я, Телепинус, в Хаттусасе созвал совет. Начиная с этого времени в городе Хаттусасе сыну царского рода пусть зла никто не делает и против него кипжал не обнажает.

Царем да будет поставлен первый царевич — сын царя. Если первого царевича нет, то тот, который сын второй по месту, пусть царем станет. Когда же наследника — сына царя нет, то которая дочь царя — первая, для той пусть возьмут зятя, входящего в дом, и он да будет царем.

Отныне кто после меня царем станет, то пусть его братья, его сыновья, его свойственники, люди его рода и его воины да будут собираться вместе. И ты, будущий царь, придешь и страну врагов сильной рукой покорешь. Но так не говори: «Я отпускаю без наказания», если на самом деле ты ничего

не прощаешь, а притесняешь. Не убий никого из рода. Это не ведет к добру.

И кто потом станет царем, если он попытается причинить зло брату или сестре, то вы для него собранием-панкусом будьте и ему прямо скажите: «Это, мол, дело крови». Смотри в клинописную таблицу: прежде в городе Хаттусасе крови становилось много; и тогда боги взяли за это возмездие у царского рода.

Который царь совершит зло по отношению к своим братьям или сестрам, тот отвечает своей царской головой. Тогда созовите судебный совет. Если его судебное дело так будет решено, то пусть он своей головой искупит зло. Тайно же, подобно Цурису, Танувасу, Тахарваилису, Тарухсусу, пусть не убивают. Дому царя, его жене, его сыновьям зла пусть не делают. Если же царевич провинится, то пусть он своей головой искупит зло. Дому же его и сыновьям его зла пусть не делают. Если из-за злого дела гибнут царевичи, то не надо уничтожать их дома, их поля, их виноградники, их амбары, их рабов, их скот, их овец.

Если царевич какой-нибудь провинится, то пусть он искупит головой своей. Дому же его и сыну его зла не делайте. Отдавать в качестве возмездия голову родственника или имущество царевича не пристало. Те, кто творят эти злые дела, будь то... отцы дома, главный над сынами дворца, главный пад мешеди или главный чашеносец, они жаждут получить дома царевичей, и поэтому они говорят: «Этот город моим пусть станет», и они строят козни против главного в городе.

Теперь же с этого дня в городе Хаттусасе сыны дворца, мешеди, золотые оруженосцы, чашники, столытники, хлебопеки, вестники, саласхия, полевые

начальники тысяч — вы это дело знайте впредь. Танувас же, Тахарваилис и Тарухсус пусть будут знаком перед вами: потом, когда кто-нибудь сделает зло, будь то отец дома или начальник сынов дворца, главный виночерпий, главный мешеди, главный над полевыми начальниками тысяч..., а вы — собранием будьте для него, схватите его и к себе поднимите для суда.

В городе же Хаттусасе люди..., отцы дома, начальники сынов дворца,, главные над полевыми начальниками тысяч...

...А дело крови таково. Если кто-нибудь повинен в убийстве, то слово за хозяином крови. Если он скажет: «Пусть он умрет», — то виновный должен умереть. Если же он скажет: «Пусть он даст воздаяние», — то он должен дать воздаяние. Но к царю никакого обращения быть не должно.

В городе Хаттусасе сделайте ритуальное очищение от всех дел, связанных с колдовством. Кто в роде царском знает колдовские чары, того вы, род царя, схватите и приведите к царским воротам. А кто его не приведет, с тем случится следующее: зло настанет для него и для дома его.

Одна клинописная таблица Телепинуса окончена.

СРЕДНЕХЕТТСКОЕ ЦАРСТВО
И ХУРРИТСКИЕ ПЕСНИ О КУМАРБИ

*Перевод с хеттского
и хурритского языков*

МОЛИТВА ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ

О боги, что же это? Что вы сделали? Вы выпустили в страну чуму. Страна Хатти, вся страна хеттов, умирает. И никто не может приготовить для вас жертвенных хлебов и жертвенных возлияний. Те пахари, что, бывало, работали на полях бога, мертвы; и никто не сеет и не жнет на полях бога. Те женщины, что, бывало, мололи зерно для жертвенных хлебов, приносимых богам, мертвы; и они больше уже не делают жертвенных хлебов. В тех хлевах и загонах, где, бывало, выбирали быков и овец для жертвенных приношений, теперь пусто, а пастухи тех стад мертвы. Так и случилось, что прекратились жертвенные возлияния и жертвоприношения хлебов и скота. А вы, боги, приходите к нам за жертвами в эти дни и нас считаете виновными. У людей пропал разум, и нет ничего, что бы мы делали толком. О боги, если вы видите у нас какой-нибудь грех, пусть либо прорицатель объявит о том, либо жрецы и гадалки узнают о том от оракула, либо пусть человек увидит это во сне! О боги, смилуйтесь над страной Хатти! Она и отягощена чумой, и враждебность других стран ее тяготит. Те зависимые от нее области, что за ее пределами, и страна Митанни и Арцава, все они восстали; они не совершают обрядов для богов, и они разрывают клятву, данную перед богами! И они все время ищут зла стране Хатти, и храмы богов они хотят разрушить! Пусть же боги снова заступятся! И на-

пустите чуму, враждебность и голод на страну Митанни, на страну Киццуватна и на страну Арцава! Враждебные страны отдыхали, а страна Хатти устала. Так выпрягите усталую, а выпрягите отдохнувших!

Те земли, что входили в страну Хатти, среди них страна людей Каска — они свинопасы и заняты прядением льна, страна Араванна, страна Каласма, страна Лукка, страна Питасса,— все эти страны тоже отвергли Солнечную Богиню города Ариины. Они отказываются платить дань, которая им положена, и начинают сами нападать на страну Хатти. В прежние дни страна Хатти с помощью Богини Солнца города Ариины как лев покоряла окружающие страны. А из тех городов, как Хальпа и Вавилон, которые страна Хатти, бывало, уничтожала, все их имущество, серебро и золото и всех их богов страна Хатти обычно брала у них и помещала перед Солнечной Богиней города Ариины.

А теперь все окружающие страны начали нападать на страну Хатти. Пусть этим встревожится Богиня Солнца города Арины! О божество, не позволяй осквернить имя твое!

Какой бы гнев или ярость боги ни чувствовали и кто бы ни оказался недостаточно почтителен по отношению к богам — пусть невиновные не погибнут вместе с виновными! Если виновен один город, или один дом, или один человек, о боги, пусть только он один погибнет! И мы наденем чехол на серп! О боги, смилитесь над страной Хатти! Посмотрите на страну Хатти благим взглядом, а чуму отошлите в те враждебные страны!

ГИМНЫ СОЛНЦУ

1

Солнцу — слава! В сердце человеку
Смотришь, Солнце, прямо с высоты,
Сердца ж твоего никто не видит.
Если кто-нибудь поступит дурно,
Ты вверху увидишь и осудишь.
Я иду своей дорогой правды.
Кто б ни поступил со мною дурно,
Солнце, пусть увидишь ты его!

2

Господин мой, Бог небесный Солнца,
Человечества пастух! Из моря
Ты приходишь в вышину, небесный
Солнца Бог. Вступаешь ты на небо!
Бог небесный Солнца, господин мой,
Ты над человеком, над собакой,
Над свиньей да и над зверем диким
Ежедневно суд вершишь, Бог Солнца!

3

Солнце, господин мой справедливый,
Суд вершащий! Царь земли и неба,
Ты страну правишь и даешь ты

Силу мужества, о справедливый!
Солнца Бог, всегда ты благосклонен,
Исполняешь только ты моления!
Милостивый бог, благое Солнце!
Как ты милостив, о справедливый!
Только праведного человека
Возвышает бог, благое Солнце!
Сын Богини-Матери Нингаль,
Зрелости достиг ты совершенной,
Из лазури борода твоя!
Посмотри! Перед тобой склонился
Человек — твой раб. Тебе он молвит:
«В окоеме, где земля и небо,
Лучезарно, Солнце, только ты.
Царственный герой, благое Солнце,
Сын Богини-Матери Нингаль,
Всей страны обряд и договор
Устанавливаешь только ты.
Царственный герой, благое Солнце!
Ты один среди богов сверкаешь!
Власть великая тебе дана.
Справедливый господин правленья,
Прародитель сумрачного мира!
Царственный, могучий Солнца бог!
Вложены тебе Отцом — Энлилем
Света стороны четыре в руку.
Суд вершишь, усталости не зная,
Ты — неутомимый судия!
Средь богов минувшего один ты
Царственный герой, благое Солнце,
Совершаешь для богов обряд.
Для богов минувшего один ты
Долю их определяешь верно.
Снова выход из небесной башни
Открывают только для тебя,

Выезжаешь из ворот небесных,
О сверкающий, лишь ты один.
Боги неба пред тобой склонились,
И склоняются земные боги,
Если с ними говоришь ты, Солнце.
Боги молятся тебе, склонившись.
Как родным, обиженным ты людям
Покровительствуешь сиротливым
И возмездие один даешь ты
За обиженных и сиротливых.
Если рано на рассвете, Солнце,
Ввысь ты поднимаешься на небо,
Верхние ты озаряешь страны,
Нижние ты озаряешь страны,
Все ты озаряешь страны, Солнце.
Ты вверху встаешь над нами, Солнце.
Суд ты совершаешь над собакой,
Над свиньей да и над зверем диким,
Тем, который говорить не может,—
Бессловесного ты судишь зверя.
Злого и дурного человека
Праведным судом ты судишь, Солнце.
Человека, что богами всеми
Был возненавиден и отвергнут,
Пренебрегнутого возвращаешь
Ты к себе. Ты милостив к нему.
Человека этого, раба
Своего, ты защищаешь, Солнце!
Хлеб и пиво в жертву принести
Для тебя всегда готов он, Солнце.
Верного раба возьми ты в руку!

Четверым коням твоей упряжки
Человек, твой раб, зерно насыпал.
Будет есть зерно коней четверка,

Значит, будешь жить, о Солнце, ты.
Слышишь! Это раб твой — человек —
Слово произносит в честь твою,
Он твои слова услышать хочет,
Царственный герой, благое Солнце!
Объезжаешь ты на колеснице
Света стороны четыре. Слева
От тебя летят по небу Страхи,
Справа от тебя несется Ужас...
...Справа от тебя летит Бунене —
Колесничий и советник верный.
Минару летит по небу слева,
Праведный помощник и слуга...
Небо все ты объезжаешь, Солнце!...»

4

О Солнечное Божество Земли!
Когда отец царя о нем злословит,
Не слушай ты его, Богиня Солнца!
И если мать царя о нем злословит,
О Солнце, матери царя не слушай!
И если братья о царе злословят,
То братьев царских ты не слушай, Солнце!
А если сестры о царе злословят,
То и сестер царя не слушай, Солнце!
Ни свойственнику ты царя, ни другу
Царя не верь, когда они злословят.
Глаза свои ты опусти на землю
И тысячу ресниц приподними!
Глаза твои пусть глянут благосклонно,
И на царя взгляни благим ты взглядом,
О Солнечное Божество Земли!
Склони к царю ты уны благосклонно!

Словам молитвы ты моей внимли!
Пределы жизни ты царю раздвинь,
От зла его храни! В благое место
Царя поместишь — расцветет страна.
Пусть расцветет страна, пусть урожай
В ней будут, и достанутся богам
Тогда в обилье жертвоприношения.
Будь милостиво, Божество-Защитник,
Ты Солнечное Божество Земли
Хранишь! Пусть все по слову твоему
Свершается! А ты и ешь и пей!
Прими ты жертвы и вином и хлебом!
А Солнечному Божеству Земли
По-дружески ты о царе скажи!
И назови царя благое имя
Ты Солнечному Божеству Земли!
А если мать царя, его отец,
Брат и сестра, и свойственник, и друг
О нем злословить будут — ты не слушай!

Будь милостиво, Божество-Советник!
Ты Солнечному Божеству Земли
Даешь советы. Пусть свершится все
По слову твоему. И ешь и пей!
Вы смиростивьтесь надо мною, слуги,
Что Солнечное Божество Земли
Ведут в постель и поднимают снова.
По слову вашему пусть все свершится!
Вы ешьте! Пейте! Принимайте жертвы!
Будь милостив, о Тару! Все свершится
По слову твоему! Ты ешь и пей!
И Солнечному Божеству Земли
Ты о царе по-дружески скажи!
И назови царя благое имя
Ты Солнечному Божеству Земли.

А если мать царя, его отец,
Брат и сестра, и свойственник, и друг
О нем злословить будут — ты не слушай!

МОЛИТВА КАНТУЦИЛИСА

...Если пойдешь в Нижний Мир, Солнечное
Божество,
То моему ты тогда богу сказать не забудь
То, что услышишь сейчас от Кантуцилиса ты.

Как родила меня мать, ты меня, боже, растил,
Дал мне веревку, чтоб я сбиться с пути не посмел.
Ты средь хороших людей, боже, меня воспитал.
Ты научил меня, что делать мне в трудные дни.
Стал я слугою души — сердца слугой твоего;
Так Кантуцилиса ты верным слугою назвал.
В детстве своем я не знал милости, боже, твоей,
Боже, тогда я еще мудрости не понимал.

Вырос когда, я узнал мудрость и милость твою.
Если я клялся тобой, клятвы я не нарушал.
Пищу святую твою — пищу, что не для меня,
Я для тебя оставлял. Не прикасался я к ней.
Тело свое никогда, боже, я не осквернил.

В хлеве быка от тебя, боже, я не утаил,
Как и в загоне овец не утаил от тебя.
Был я умерен в еде — часто не ел я совсем!
Был я умерен в питье — не пил я часто совсем!
Можно ль здоровье вернуть, боже, по воле твоей?
Можно ль мне силы вернуть, боже, по воле твоей?

К смерти привязана жизнь. К жизни привязана
смерть.

Вечно никто не живет. Годы для нас сочтены.
Если же вдруг человек вечно живущим мог стать,
Мы б не боялись болеть, смерть не грозила бы нам!

Сердце и душу свою ты мне, о боже, открой!
Боже, мой грех обличь, чтобы его я признал!
Ты мне во сне Расскажи, боже, в чем я согрешил!
Сердце свое мне открой. Все мне поведай во сне!
Боже, мой грех обличь, чтобы его я признал!
Скажет оракул пускай о прегрешенье моем,
Или по печени пусть мне нагадают о нем.
Сердце и душу свою ты мне, о боже, открой!
Боже, мой грех обличь, чтобы его я признал!

Волю свою мне открой! Свой приговор измени!
Боже, не вижу тебя! Смиловись надо мной!
Я истомился, молясь, но безответна мольба.
Только уходит беда, новую плешь ты взамен!

Пусть же, мое божество, сердце смягчится твое!
Дай избавленье, мой бог, ты от несчастий моих!
Солнечный Бог, ты велик! Предки могучи твои!
Боже, родили тебя некогда Син и Нингаль!
Твой Кантуцилис, слуга, милости просит твоей.

Солнцу пою я хвалу. Я, Кантуцилис, молюсь!
Я непрерывно молюсь. Пусть же услышит мой бог!
Жертвы тебе приносил в прежние я времена,
...Ты мне богатство давал, силу давал мне тогда!

Жертву тебе приношу я, Кантуцилис, теперь!
Держит торговец весы перед тобою — и лжет!
Но неужели тебе я неугоден, как он?
Чем я обидел тебя, Солнечное Божество?

Из-за болезни моей дом мой стал домом тоски,
Из-за печали моей им тяготится душа —
Кровлю худую пробьют слезы, как капли дождя.
Словно я годы уже — десятилетия болел,
Выросла в сердце печаль, стал тяжелее недуг.
Должен признаться тебе в этом, мое божество!

Ночью в постели томлюсь. Сладкого сна не видать!
К ложу ночному тогда вести дурные идут.
Бога-Защитника мне мощного в помощь впряги!
Раз до рожденья еще ты начертал мне болезнь,
То почему не сказал через оракула мне?

Перед тобой, божество, я о пощаде молюсь!
Боже, услышь ты меня и от несчастий избавь!
Царский дворец омрачить бедами я не хочу!
Пусть же несчастье мое не оскорбляет людей!
Те, кому делал добро, молятся ли за меня?
Ты как отец мне, как мать! Кроме тебя, божество,
Матери нет и отца, нет никого у меня!..

ПОЭМА О ЦАРСТВОВАНИИ НА НЕБЕСАХ

1. ПЕРВЫЕ ТРИ ПОКОЛЕНИЯ БОГОВ. СРАЖЕНИЕ КУМАРБИ С АНУ

Пусть слушают прежние боги!
...Да слушают боги большие!
Бог Нарас-Напсарас рассказ пусть
услышит!

И боги Минкис и Аминкис
Пусть слышат, и пусть Аммецадус
Рассказу на небе внимает.
Нас боги-отцы да услышат!

Пусть слышит Исхарас — отец наш,
Пусть слышат Энлиль и Нинлиль!
Пусть вечные боги услышат:
Прежде, в минувшие годы,
Был Алалу на небе царем.
Алалу сидел на престоле,
И даже бог Ану могучий,
Что прочих богов превосходит,
Склоняясь у ног его низко,
Стоял перед ним, словно кравчий,
И чашу держал для питья.

И девять веков миновало,
Как царствовал в небе Алалу.
Когда же настал век десятый,
Стал Ану сражаться с Алалу,

И он победил его, Ану.
Алалу бежал от него
В далекую Темную Землю.
Он вниз убежал от него —
В далекую Темную Землю.
Бог Ану сидел на престоле.
Сидел на престоле бог Ану,
И даже Кумарби могучий,
Склоняясь у ног его низко,
Стоял перед ним, словно столтник,
Еду он ему подавал.

И девять вѣков миновало,
Как царствовал на небе Ану.
Когда же настал век десятый,
Стал с Ану сражаться Кумарби.
Кумарби, потомок Алалу,
Стал на небе с Ану сражаться.
Тот взгляда Кумарби не вынес,
Из рук его вырвался Ану,
И он ускользнул от Кумарби.
Бог Ану бежал от Кумарби,
Взлетая все выше на небо.
Кумарби, его настигая,
Схватил его за ноги крепко,
Вниз с неба он Ану стащил.

И он укусил Ану в ногу,
Откусил ему силу мужскую,
И стала, как бронза, литьем
Она у Кумарби во чреве.
Когда проглотил бог Кумарби
Всю силу мужскую врага,
Он радостно захохотал.
Но Ану, к нему повернувшись,

Сказал ему речи такие:
«Ты радуешься, проглотив
Всю силу мужскую мою.

Но радуешься ты напрасно!
Я тяжесть в тебе оставляю,
Во-первых, теперь ты чреват
Отважнейшим Богом Грозы.
Чреват ты теперь, во-вторых,
Рекою огромной Аранцах,
И, в-третьих, теперь ты чреват
Отважнейшим богом Тасмису.
Родятся три бога ужасных,
Как тяжесть в тебе их оставлю.
Теперь ты беременен ими:
Придется тебе головою
Удариться об гору Тассу,
Разбиться о камни придется!»

Так Ану слова свои кончил
И взмыл он в высокое небо,
Невидимым стал в вышине.
И тотчас Царь, мудрый Кумарби,
Выплевывать стал все, что было
Еще у Кумарби во рту
И что не успел проглотить он.
Он выплюнул все, что осталось,
Скорей изо рта своего.
И выплюнутое Кумарби
Вдруг стало горою Канцура —
Огромной Горою Богов.

Кумарби в невиданном гневе
Отправился к богу Энлилю
В Ниппур за советом поспешно.

Он дружески встречен Энлилем.
Тот месяцы будет считать,
Оставшиеся до рожденья.
Вот месяц седьмой настает,
А боги — во чреве Кумарби...

2. РОЖДЕНИЕ БОГА ГРОЗЫ

Бог Ану теперь закликает
Богов у Кумарби во чреве:
«О, выйди из тела Кумарби!
О, выйди из духа Кумарби!
О, выйди из места благого!»

Из чрева Кумарби в ответ
Вещает ему Бог Грозы:
«Да будет тебе долголетье,
Властитель высокий, премудрый!
Я вышел бы скоро отсюда,
Когда бы я выход нашел.
Я — часть твоя та, что была
Откусана богом Кумарби.
Земля подарила мне силу,
А доблести дало мне Небо,
Бог Ану мне мужество дал,
И дал мне Кумарби премудрость.
Бог Нарас уменье мне дал,
Могущество дал мне Энлиль!
Мне боги премудрость дарили,
Достоинствами наделили!
Но то, что все боги мне дали,—
Во чреве и в духе Кумарби!

...Бык Серри поможет мне в битвах,
Его мне дадут с колесницей!

Враги меня не остановят,
И я за тебя отомщу!
Мне только совет получить бы,
Как выйти скорее отсюда!»

...Бог Ану теперь закликает
Богов у Кумарби во чреве:
«О, выйди из тела Кумарби!
О, как за тебя я боялся!
Я — Ану, я жизнь тебе дал!
О, выйди из чрева Кумарби!
Как женщина, пусть он родит!
А ты изо рта его выйди,
Из уха ты выйди его!
Грозы Бог великий, отважный!
Пусть будет во всем тебе благо,
Ты выйди из места благого!»
В ответ Бог Грозы нерожденный
Из чрева Кумарби воззвал:
«Как место найти мне благое,
Чтоб выйти из чрева Кумарби?
Едва появлюсь, как тростник,
Кумарби меня переломит.
Как выйти из тела Кумарби
И не оскверниться при этом?
Из уха Кумарби я б вышел,
Но ухо меня осквернило б!
Как выйти из места благого?
Родятся же дети у женщин!
О, как бы на свет мне родиться?»
Ответную речь он услышал:
«Назначено место, где выйдешь:
Ведь Богу Грозы надлежит
Пройти через череп Кумарби,
Пробьет его камень большой,

И в это отверстие он выйдет,
Родится на свет Бог Грозы,
Грозы Бог великий, отважный».

Кумарби отправился в путь
И к Эа приходит в покой.
Так низко склонился пред Эа
Кумарби, что на пол упал:
Он сам был не свой, бог Кумарби,
Искал божество он Намхэ.
Он к Эа тогда обратился,
Сказал он такие слова:
«Бог Эа, отдай мне ребенка!
Когда он родится, бог Эа,
Я съем его сразу — ребенка,
Что женщиной сделал меня.
Кто против меня замышляет,
Тот Бога Грозы породил.
Я съем его сразу — ребенком,
Его, как траву, затопчу!»
Бог Эа ему возразил:
«Ты знаешь, тебе надлежит
Родить божество, бог Кумарби!»
Бог Эа на этом окончил.
На пир пригласили Кумарби
И видел Бог Солнца небесный:
Кумарби к еде приступил,
Но камень большой Кункунуцци
Во рту его был, и внезапно
Он зубы о камень сломал.
Он выплюнул зубы, и громко
От боли вскричал бог Кумарби,—
Пробил ему череп тот камень!
И тут же Кумарби промолвил:
«Чего я сейчас испугался?»

Бог Эа ответил Кумарби:
«Пусть молятся камню теперь,
Он будет положен во храме,
Тот камень большой Кункунуцци,
Что ты отшвырнул от себя.
Пусть сразу свершают обряд,
Пусть все и к тебе воззовут,
Богатые люди приносят
Пусть в жертву героев и войско,
Быков и овец пусть даруют
Богатые люди для жертвы.
А бедные люди муку
Пускай принесут для обряда.
Пусть выплюнутый изо рта
Кумарби прославится камень,
Пусть все совершают обряд,
Пусть Нижние страны в обряде
Участвуют вместе со всеми,
Пусть Верхние страны в обряде
Участвуют вместе со всеми».

Богатые люди для жертвы
Даруют быков и овец.
А бедные люди муку
Несут для свершенья обряда.
Обряд посвящают Кумарби
И череп его освятили.
Из черепа бога Кумарби —
Из места благого выходит
Грозы Бог могучий, великий!

Богини-Защитницы взяли
Ребенка из места благого,
Как будто подняли с пелен.

Вторым был рожден бог Арандах,
А третьим — могучий Тасмису.
Богини-Защитницы стали
Помощницами для Кумарби,
Как если бы женщиной был он,
Ему помогали рожать.
Рожденные боги пошли
К горе поднебесной Канцура.
Отправился в скалы Канцура
Грозы Бог могучий, великий.
И Ану увидел с небес,
Как бог отправляется в горы...

3. БОГ ГРОЗЫ ПРОКЛИНАЕТ ЭА

...«Нам надо его уничтожить!
Сын Ану ужасный грозит нам.
Должны мы врагов уничтожить!
Намхэ — божество уничтожим!
Мы Бога Грозы уничтожим!
Его, как тростник, переломим!
Ведь Ану его породил,
Чтоб он уничтожил Кумарби
И сел на престоле его.
Мы Бога Грозы уничтожим,
Пока он не вырос еще!»
И боги готовились к битве,
Но Эа, властитель премудрый,
Сказал: «Ты послушай, Кумарби,
Оставь его лучше в покое,
Кумарби, не трогай его!
Царем его лучше ты сделай!...»

...Грозы Бог великий, могучий
Услышал слова боевые,

Он в духе своем помрачился,
И Серри-быку он сказал:
«Со мною готовят сражение,
Но не победит нас Кумарби,
Бог Эа его не смирил!
С ним Солнечный Бог заодно!
Тех, кто на сражение спешил,
С Кумарби кто был заодно,
Я проклял богов тех навеки!
Так проклял я бога Забаба,
В свой город привел я его!
Но боги другие теперь
Со мною готовят сражение!»

Бык Серри ему возражал:
«О мой господин и властитель!
Зачем проклинаешь ты их?
Зачем проклинаешь богов?
О мой господин и властитель!
Ты Эа зачем проклинаешь?
Бог Эа услышал тебя!
Он с властью твоей был согласен!
Он отдал большую страну
Тебе, чтобы ты ею правил!..
Зачем ты его проклинаешь?
Зачем оскорбляешь ты Эа?»

...Бог Эа те речи услышал,
Он в духе своем помрачился
И слово такое сказал:
«Проклятий ты не говори!
Тот, кто проклиняет меня,
Не знает, что делает сам!..

Зачем ты меня проклинаешь?
Напрасно меня проклинаешь!
Наполнен был пивом сосуд,
Вдруг вдребезги он разобьется!»

4. РОЖДЕНИЕ ДЕТЕЙ ЗЕМЛИ

...Приехал Возница небесный
На Звездной своей Колеснице...

...Шесть дней миновало. Возница
Тогда сочетался с Землею
И семя свое в ней оставил...
Вернулся Возница небесный
Назад к себе. Был он в Апсуве,
Где мудрость он в душу вобрал.
Там царствует Эа премудрый.
Земля приезжает в Апсуву.
Все знает бог Эа премудрый,
Он месяцы ей сосчитает:
Первый месяц идет — и второй.
Третий месяц идет — и четвертый.
Пятый месяц идет — и шестой.
Вот и месяц седьмой — и восьмой.
Вот и месяц девятый — десятый.
На месяц десятый кричит
От боли ужасной Земля.

Когда же Земля закричала,
Она родила близнецов.
Посланник приходит с известьем.
Бог Эа, на троне сидящий,
Внимает ему с одобреньем:
«Я слышу известье благое:

Земля близнецов родила»
Услышав известье благое,
Царь Да отправил подарки,
* Он им посылает одежду,
Он их одарил серебром,
Волшебное веретено
Он им посылает в подарок.

Конец первой таблицы песни. Переписал с испорченной таблички писец Асхапала.

ПЕСНЬ ОБ УЛЛИКУММИ

ПЕРВАЯ ТАБЛИЦА

...Кумарби, отца всех богов, я пою.

ЗАЧАТИЕ УЛЛИКУММИ

Кумарби в душу свою мудрость вбирает.
Как злодей, он день дурной породит.
Он против Бога Грозы зло замышляет:
Он соперника Богу Грозы породит.

Кумарби в душу свою мудрость вбирает,
Как драгоценный камень, мудрость на нее
надевает.

Когда Кумарби в душу свою мудрость вобрал,
С трона своего вверх он быстро взлетел.
Взял он в руку жезл,
А ноги обул
В буйные ветры, как в саног.
Из города Уркиса он отправился в путь,
И к Холодному Озеру он прилетел.
А в Холодном Озере том
Большая лежала Скала —
Три версты в длину, полторы в ширину,
То, что было внизу, в полверсты!
У Кумарби подпрыгнуло сердце.

Со Скалой сочетался Кумарби,
И оставил он семя в Скале.
Сочетался пять раз со Скалою,
Десять раз со Скалой сочетался...

ДЕТСТВО УЛЛИКУММИ

...Повивальные бабки родиться ему помогли,
И Богини Судьбы, и Богини-Защитницы взяли
Малыша, на колени Кумарби его положили.
Тут начини Кумарби ему радоваться,
Тут начини Кумарби его покачивать,
Ему имя придумывать поласковее.

Тут начини Кумарби со своей душой говорить:
«Как мне сына назвать,
Что Богини Судьбы и Богини-Защитницы
дали мне?»
Он из чрева родного, как меч, при рождении
прыгнул,

Пусть идет он. Его назову Улликумми.
Пусть на небо идет он и станет царем.
Славный город Куммию Улликумми растопчет,
Улликумми ведь Бога Грозы поразит,
Как мякину развеет, наступит пятою,
И раздавит его он, как муравья!
Позвоночник Тасмису, как тростник, он ломает!
Всех богов распугает на небе, как птиц,
Как пустые горшки, разобьет их!»
Только кончил Кумарби ту речь свою,
Снова начал с душой своей он говорить:
«Кому же мне сына дать?
Кто же сына возьмет моего как дар?
Кто на Темную Землю его отведет?

Чтоб никто не увидел его —
Ни Бог Солнца, ни Бог Луны,
Чтоб не видел его Бог Грозы, мощный Куммии
царь,
Чтобы тот не убил его!
Чтоб Иштар не видала его, Ниневин царица,
Чтоб она, как тростник, не сломала
ему позвоночник!»

Обратился тогда к Импалури Кумарби:
«Импалури! К словам, что скажу я тебе,
Пусть внимателен будет твой слух!
Жезл ты в руку возьми,
А ноги обуи
В буйные ветры, как в сапоги!
Ты к богам Ирсиррам иди,
И скажи ты Ирсиррам-богам
Это веское слово: «Приходите!
Вас Кумарби, отец всех богов, в дом богов
призывает,

Но зачем он зовет вас,
Не знаете вы.
Приходите скорей!»
Пусть Ирсирры возьмут малыша,
Отведут его в Темную Землю,
Пусть невидим он будет великим богам».
Как услышал ту речь Импалури,
Взял он в руку жезл,
А ноги обуи
В буйные ветры, как в сапоги,
И отправился в путь Импалури,
И к богам он Ирсиррам пришел.
Импалури Ирсиррам-богам повторил:
«Приходите!

Кумарби, отец всех богов, вас зовет.

А зачем он зовет вас,
Не знаете вы.
Приходите скорей!»
Как услышали слово Ирсирры,
Заспешили и заторопились,
Поднялись они с тронов своих,
Путь мгновенно они совершили,
И к Кумарби Ирсирры пришли.
Ирсиррам Кумарби так стал говорить:

«Этого сына возьмите,
Сына как дар вы примите,
На Темную Землю его отведите!
Торонитесь! Летите быстрее!
Пусть на правом плече Упеллури лежит он, как
меч! Положите

Вы его на плечо Упеллури.
Каждый день пусть растет он на сажень,
Пусть за месяц растет он на четверть версты.
Но тот камень, что в голову брошен ему,
Пусть глаза одевает его».

Как услышали речь ту Ирсирры,
Сына взяли они у Кумарби с колен,
Подняли сына Ирсирры
И прижали к груди его, как украшеньё.
Подняли сына, как ветры,
На колени к Энлилю его положили.
Поднял глаза Энлиль,
Посмотрел он на мальчика —
Тот перед богом стоял,
Тело его — Кункунуцци — из камня.

Начал Энлиль со своею душой говорить:
«Кто же он, этот сын,

Что Богини Судьбы и Богини-Защитницы
вырастили?

Кто же он? Не ему ли пойти суждено
На тяжелые битвы великих богов?
Лишь Кумарби один
Мог замыслить подобное зло:
Он, кто Бога Грозы породил,
Породил и соперника Богу Грозы». .
Только кончил Энлиль говорить,
Положили Ирси́рры на правом плече Упеллури
ребенка, как меч.

Кункуну́ци, он рос,
И могучие боги растили его.
Каждый день вырастал он на сажень,
Вырастал он за месяц на четверть версты.
Но тот камень, что в голову брошен ему был,
Одевал ему очи.

ГНЕВ БОГА СОЛНЦА

На пятнадцатый день
Вырос Камень высоко.
Словно меч, на коленях он в море стоял.
Из воды поднимался он, Камень,
В вышину был огромен,
Море было как пояс на платье его.
Он, как молот, вздымался, тот Камень,
Храмов он достигал и покоев богов в небесах.

Солнца Бог посмотрел с неба вниз
И увидел внизу Улликумми:
Улликумми, казалось, на бога глядел.
Солнца Бог начал так со своею душой говорить:
«Что за бог это в море растет не по дням —
по часам?

Телом он не похож на богов».
 Повернулся Бог Солнца небесный,
 И направился к морю Бог Солнца,
 И когда он до моря дошел,
 Руку он положил на чело,
 Он узнал: Улликумми из камня,—
 Исказилось от гнева лицо у него.

Как увидел Бог Солнца небес Улликумми,
 Через горы он снова пошел
 И направился к Богу Грозы.
 И, увидев его приближенье,
 Тасмису стал так говорить:
 «Почему приходит Бог Солнца небесный,
 царь страны великой?
 То, из-за чего он к нам приходит, важно.
 Этим мы не можем просто пренебречь.
 Тяжело сраженье,
 Тяжко столкновенье.
 Это — на небе мятеж,
 А в стране и смерть и голод».
 Бог Грозы начал так говорить, обращаясь
 к Тасмису:
 «Чтоб мог сесть он, вы трон приготовьте,
 Чтоб мог есть он, накройте на стол!»

•

Но пока говорили они меж собою,
 Солнца Бог в их покои пришел.
 Чтоб мог сесть он, поставили трон.
 Но не сел он на трон.
 Чтоб мог есть он, поставили стол,—
 Не притронулся к пище.
 Дали чашу ему для питья,
 Но к губам не поднес ее он.

Бог Грозы Богу Солнца так стал говорить:
«Уж не тот ли прислужник плох,
Что поставил трон,
Раз ты не хочешь сесть?
Уж не тот ли стольник плох,
Что поставил стол,
Раз ты не хочешь есть?
Уж не тот ли кравчий плох,
Что чашу тебе предложил,
Раз ты не хочешь пить?»

ВТОРАЯ ТАБЛИЦА
БОГ СОЛНЦА И БОГ ГРОЗЫ

Бог Грозы как услышал речь Бога Солнца,
Исказилось от гнева лицо у него.
Бог Грозы Богу Солнца небес говорить снова
начал:

«На столе хлеб да будет сладким,
Ешь теперь!
В чаше вино да будет сладким,
Пей теперь!
Ешь теперь и насыщайся,
Пей теперь и угощайся,
А потом ты поднимайся,
К небу вверх лети потом!»
Как услышал слова те Бог Солнца небесный,
Сразу развеселился душою,
На столе хлеб ему стал сладким,
Он поел.
В чаше вино ему сладким стало,
Он попил.
И поднялся потом Бог Солнца,
К небу вверх он отправился сразу.

Как Бог Солнца небесный ушел,
Бог Грозы в свою душу стал мудрость вбирать.
Бог Грозы и Тасмису за руки взялись,
Из покоев своих и из храма они полетели,
А сестра их Иштар полетела отважно с небес.
И Иштар начала со своею душой говорить:
«Но куда же летят они, братья мои?
Я должна полететь, посмотреть!»
И отправилась быстро Иштар,
Перед братьями встала она.
И взялись они за руки тут же.
Полетели к горе они Хаззи.
Царь Куммини лицо свое к морю тогда обратил,
Повернулся к ужасному он Кункунуци,
И увидел ужасного он Кункунуци,
Исказилось от гнева лицо у него.
И тогда Бог Грозы сел на землю,
Потекли его слезы тогда, словно реки.
Весь в слезах, Бог Грозы тогда слово сказал:
«Кто же выстоит в битве с чудовищем этим,
Кто же сможет сражаться?
Кого же чудовище не устрасит?»
И сказала Иштар тогда Богу Грозы:
«Брат мой! Ничего он не знает совсем,
Хоть дано ему мужество десятикратно...
Я пойду к нему!..»

•

ИШТАР ПОЕТ ПЕСНЮ ПЕРЕД УЛЛИКУММИ

...И взяла она лютню и бубен,
Запела Иштар перед ним.

И пела Иштар перед ним
На острых камнях побережья.
И встала из моря большая волна.

Большая волна обратилась к Иштар:
«Перед кем ты поешь, о Иштар?
Перед кем ты свой рот наполняешь
звучанием сладким?

Человек этот глух,
Ничего он не слышит.
Человек этот слеп,
Ничего он не видит.
Милосердия нет у него!
Уходи, о Иштар,
Брата ты отыщи поскорее,
Пока воином страшным не стал этот Камень,
Пока череп его не разросся еще!»
Как услышала это Иштар,
Сразу петь перестала
И отбросила лютию и бубен,
Украшенья с себя сорвала золотые,
Плача в голос, ушла она прочь.

ПРИГОТОВЛЕНИЕ БОГА ГРОЗЫ К БИТВЕ

«...Приготовят пусть корм для быков!
Благовонное масло пускай принесут!
Пусть натрут благовоньями Серри рога!
Хвост у Теллы пусть золотом будет покрыт!
Дышло в упряжки бычьей пускай повернут!
Прикрепят эту упряжь к могучим быкам,
А снаружи на упряжь пусть камни паднут!
Поскорее пусть вызовут грозы такие,
Что за верст девяносто скалу разбивают,
Покрывая обломками области верст за восемьсот.
Ветры вызовут пусть вместе с ливнями быстро,
И те молнии, что ужасают сверканьем,
Пусть из спальных покоев скорее выводят».

Как Тасмису слова те услышал,
Заснешил он и заторопился.
Он приводит с настбица Серри,
И приводит он Теллу с Имгарру-горы,
Помещает во висшнем дворе их.
Благовонное масло приносит,
Натирает он Серри рога,
Хвост у Теллы он золотом стал покрывать,
Дышло в упряжи бычьей тотчас повернул,
А снаружи на упряжь он камни надел,
Грозы вызвал на помощь такие,
Что за верст девяносто скалу разбивают...

...Боевое оружие он взял,
Колесницы он взял боевые,
С неба тучи привел грозовые.
Бог Грозы к Кункунуцци лицо свое вновь
обратил,
И увидел его Бог Грозы:
В двести раз стал он выше...

ТРЕТЬЯ ТАБЛИЦА

ПЕРВОЕ СРАЖЕНИЕ БОГОВ С УЛЛИКУММИ

...Как услышали боги то слово,
В колесницы свои они встали.
Гролом грянул тогда бог Аштаби,
Громышая, он к морю понесся,
И с ним семьдесят было богов.
...С Улликумми он сладить не мог,
И Аштаби низвергнут был в море
И с ним семьдесят вместе богов.
...Кункунуцци потряс небеса,
Небесами, как платьем порожним, встряхнул он.
Кункунуцци все рос,

Если прежде на две тысячи верст возвышался
он в море,

То теперь Кункунуцци стоял на земле,
Он был поднят, как меч, Кункунуцци,
Достигал он покоев и храмов богов,
Высотой он был в девять тысяч верст,
Шириною же был в девять тысяч верст.
И стоит Улликумми в воротах Кумми,
Он стоит над Хебат и над храмом Хебат,
Так, что весть о богах до Хебат не доходит,
Так, что мужа не может увидеть Хебат.

И Хебат говорить тогда стала Такити:
«Я о Боге Грозы слова больше не слышу,
Я о всех богах важной вести не слышу,
Может быть, Улликумми, о ком говорили они,
Одержал на беду нам победу в сраженьях
с супругом моим».

И Хебат говорила, опять обращаясь к Такити:
«Слово мое услышь!
Жезл ты в руку возьми,
А ноги обуи
В буйные ветры, как в сапоги!
Ты на поле сраженья лети!
Он, быть может, убил его,— Кункунуцци убил
его,—

Бога Грозы, царя, моего супруга,
Так теперь принеси мне весть!»

Как услышала слово Такити,
Заспешила, и заторопилась,
И отправилась было в путь,
Но нет для Такити пути,
И Такити вернулась обратно,
И вернулась Такити к Хебат...

...Как Тасмису услышал слово Бога Грозы,
Быстро вверх поднялся,
В руки взял он жезл,
А ноги обул
В буйные ветры, как в сапоги.
На высокую башню взлетел он вверх,
Место занял на ней он напротив Хебат,
И сказал тут Тасмису, обращаясь к Хебат:
«Бог Грозы мне велел уходить из Куммии,
Место мне он велел отыскать поскромнее,
Будем там, пока наш не исполнится срок».
А когда увидала Тасмису Хебат,
Чуть она не упала с крыши тогда.
Если б сделала только шаг,
То упала бы с крыши она.
Но дворцовые женщины все
Подхватили тогда ее
И не дали ей упасть.
Как Тасмису слово свое сказал,
Вниз он с башни тогда слетел
И к Богу Грозы пошел.
И Тасмису так Богу Грозы начал тогда
говорить:
«Где же сесть нам? Не сядем ли мы на вершине
Кандурна?
Если сядем мы там, на вершине Кандурна,
А другие решат сесть на Лалападува,
...Не останется больше царя в небесах!»

БОГ ГРОЗЫ И ТАСМИСУ
ОТПРАВЛЯЮТСЯ К ЭЛ

И Тасмису опять тогда к Богу Грозы обратился:
«О Бог Грозы, господин мой!
Услышь мое слово!

И словам, что скажу я тебе,
 Пусть внимателен будет твой слух!
 В Аpsу пойдем и предстанем пред Эа.
 Там мы спросим таблички древних слов.
 Но когда подойдем мы к воротам дворца,
 Поклониться пять раз мы должны,
 А потом подойдем мы к покоям, где Эа живет,
 И еще поклониться должны мы пять раз
 перед дверями,
 И когда мы до Эа дойдем,
 Мы отвесим пятнадцать поклонов.
 И тогда только Эа до нас низойдет,
 И тогда только Эа захочет нас слушать,
 И тогда пожалеет он нас
 И вернет нам могущество прежнее, Эа».
 Бог Грозы, когда эти слова от Тасмису услышал,
 Заспешил он и заторопился,
 С трона своего вверх он быстро взлетел.
 Бог Грозы и Тасмису за руки взялись,
 Путь мгновенно они совершили,
 Прилетели вдвоем они в Аpsу.
 Бог Грозы подошел ко дворцу,
 Поклонился пять раз он воротам,
 Подошел он к покоям, где Эа живет,
 Поклонился еще он пять раз пред дверями.
 Бог Грозы и Тасмису до Эа дошли,
 И пятнадцать они совершили поклонов...

ЭА И УПЕЛЛУРИ

...Эа в душу свою мудрость вобрал,
И поднялся Эа тогда,
Вышел Эа во внутренний двор,

Боги все перед ним тогда встали,
Бог Грозы, царь Куммии отважный, встал перед
Эа тогда...

...Эа начал Энлилю тогда говорить:
«Ты не знаешь разве, Энлиль?
Разве весть не донес до тебя никто?
Разве ты не знаешь его?
Как соперника Богу Грозы Кумарби
его сотворил —
Кункунуцци, что вырос в воде,
Девять тысяч верст — высота его,
Он, как молот, вздымается к небу».

...Когда Эа окончил ту речь,
К Упеллури отправился он,
Упеллури глаза свои поднял,
Начал так Упеллури тогда говорить:
«Эа, жизни желаю тебе!»
И поднялся тогда Упеллури,
И в ответ на слова Упеллури пожелал ему
благоденствия Эа:
«Упеллури, живи ты на Темной Земле,
Ты, на ком боги строили Небо и Землю!»

Эа начал тогда Упеллури опять говорить:
«Упеллури, не знаешь ты разве?
Разве весть не донес до тебя никто?
Разве ты не знаешь его?
Бога, что быстро рос, сотворенный Кумарби,
чтобы против богов он сражался?

Ты не знаешь, что смерти Богу Грозы Кумарби
желает —

Он соперника Богу Грозы сотворил.
Кункунуцци, что вырос в воде,
Разве ты не знаешь его?
Поднят он, словно молот,
Небеса он, и храмы богов, и Хебат закрывает
собою!

Далеко ты, на Темной Земле,
Оттого и не знаешь его, бога, что быстро растет!»
Упеллури тогда начал так говорить:
«Когда Небо с Землею построили боги на мне,
Я не знал ничего.
И когда Небеса от Земли отделили они резаком,
Я ведь этого тоже не знал.
Вот что-то мешает на правом плече мне теперь,
Но не знаю я, что там за бог».
Когда Эа слова те услышал,
Повернул Упеллури он правым плечом,
И на правом плече Упеллури, как меч,
Кункунуцци стоял.

Эа богам минувшего начал тогда говорить:
«Услышьте, боги минувшего, слово мое!
Вы, те, кто знаете древних времен дела!
Снова откройте склады родителей ваших
и дедов!

И отцов минувшего пусть принесут печати!
Пусть запечатают снова потом эти склады!
Пусть достанут из них пилу минувших
давнишних лет!

Той пилой отделили тогда Небеса от Земли,
А теперь Улликумми мы от подножья пилою
отпилим.

Мы подпилим того, кого породил Кумарби
как соперника всем богам!..»

ПОСЛЕДНЕЕ СРАЖЕНИЕ БОГОВ С УЛЛИКУММИ

...Эа Тасмису стал так говорить:

«С сыном моим уходи,
Передо мной не вставай!
Стала душа моя злою.

Мертвых я видел своими глазами на Темной
Земле,

Праху подобны они...»

...Эа Тасмису начал так говорить опять:

«Я поразил его, Улликумми,
Теперь вы идите и поразите его.
Больше уже, как меч, он не сможет стоять».

Тасмису начал тогда веселиться в душе,
Трижды он прокричал,
Вверх к небесам он взлетел,
Боги слышали все.
Бог Грозы, царь Кумми отважный, услышал.
К месту собрания боги пришли,
В ярости на Улликумми
Боги ревели тогда, как быки.

На колесницу, как птица, взлетел Бог Грозы,
С громовыми раскатами к морю понесся,
И сразился тогда Бог Грозы с Кункунуцци...

ИЗ ПОЭМЫ О ЦАРСТВОВАНИИ БОГА-ЗАЩИТНИКА

ПОБЕДА БОГА-ЗАЩИТНИКА НАД БОГОМ ГРОЗЫ

...Иштар увидала сражение,
Бог Грозы великий, могучий
Оружье, как скипетр, держал,
И брату сказала Иштар:

«О брат мой, что делать теперь нам?
Те двое осият тебя.
Я брату на помощь приду!»
Едва так сказала Иштар,
Как Бога-Защитника стрелы
Мгновенно за ней полетели
И обе сй груди пронзили.
А на колеснице стояли
Противники Бога Грозы.
Их стрелы его поражали.
Но он не склонялся пред ними
И с поля он не уходил.

Решил Бог-Защитник сначала
Расправиться с Богом Грозы:
Он снова напал на него,
И Камень напал на него,
И Небо напало на бога —
Бог Грозы подняться не мог,
Бог Грозы устал, обессилен.
Тогда Бог-Защитник поводья
Из рук его выхватил мигом.

Бог Грозы тогда повернулся
К нему и стал так говорить:
«Из рук моих взял ты поводья!
Но эти поводья чисты
И надо обряд совершить,
Чтоб эти поводья очистить.
Пусть в жертву овцу принесут,
Но женищина пусть ни одна
Той жертвенной пищи не тронет!..»

ЦАРСТВОВАНИЕ НА НЕБЕСАХ БОГА-ЗАЩИТНИКА

...Бог-Защитник услышал слова,
Которые сказаны Эа,
И обрадован был Бог-Защитник.
Вволю ел он, и вволю он пил.
И поднялся он вверх — в небеса.
Стал вверху, в небесах, он царем.

И долгие годы потом
Бог-Защитник на небе царил.
И не были волки опасны,
Из шерсти овечьей наткали
Немало одежд дорогих.
И приготавливали съестное,
И пиво лилось, и вино,
А ночью светильник он жег
С бесценным оливковым маслом.
Как пиво лилось и вино,
Так в доли довольство лилось...

ССОРА БОГА-ЗАЩИТНИКА С ДРУГИМИ БОГАМИ

...Бог-Защитник Кубабе сказал:
«Что делать с большими богами?
Они предо мною гордятся.

Им будто бы есть не дают!
Но путь, по которому боги
Идут, путь, которым приходят,
Он мною, тот путь, предначертан,
Защитником-Богом небесным,
Царем и Владыкой богов!»
И Бога-Защитника речи
Подхвачены ветром могучим,
Что к Эа те речи отнес.
Стал Эа тогда говорить:
«Кумарби, ко мне приходи!
Придется обратно идти нам!
Как Бога-Защитника мы
Царем и Владыкой небесным
Поставить могли, о Кумарби!
Он стал непослушным, строптивым,
И страны строптивыми стали,
Ни хлеба богам не дают,
Ни жертвенных сладких напитков!»

Отправились Эа с Кумарби.
Бог Эа в Апсуву пошел,
Кумарби же — в город Дуддулу.
И вестника вызвал бог Эа
И начал посланье писать.
И вестнику так он сказал:

«Отнеси ему слово мое:
«Поставили боги тебя
Царем и Владыкой небесным,
Ты ж не сотворил нам обряда,
В молении к нам не воззвал...
Не будешь царем ты на небе!»
И вестник от Эа пошел
И Богу-Защитнику слово,

Что Эа ему написал,
Он в точности передает.

Бог-Защитник услышал посланье
И с душою своей говорил.
А Эа тем временем речи
Свои обращает к Изумми:
«Ты в Темную Землю ступай,
И то, что теперь говорю,
Ты Нарас-Напсарас скажи,
Ты брату скажи моему:
«Слово мое да услышишь!
Бог-Защитник прогневал меня,
Я его низлагаю с престола,
Он уже не царит в небесах!
Бог-Защитник, которого мы
Поставили на небесах
Царем и Владыкой небесным,
Стал нам непослушным, строптивым,
И страны строптивыми стали,
Ни хлеба богам не дают,
Ни жертвенных сладких напитков!
Брат мой Нарас, услышь мое слово,
Всех животных, что есть на земле,
Собери на горе ты Насалма...»

•
НИЗЛОЖЕНИЕ БОГА-ЗАЩИТНИКА

...Стал им так говорить он тогда:
«Слово мое да услышьте!
Слух свой склоните ко мне!
Расчлените на части его!
По спине колесница проедет!
Перережьте вы голень ему!...»

Бог Грозы и Тасмису схватили
Бога-Защитника крепко,
И они распластали его,
И его расчленили на части,
По спине колесница прошла
И ему перерезала голень.

И воззвал Бог-Защитник тогда:
«Бог Грозы! Господин мой великий!
Раньше я был покорен тебе
И теперь покоряюсь опять!..»

ИЗ ЭПИЧЕСКОГО ЦИКЛА ПЕСЕН О КУМАРБИ

I

РЕЧЬ ЭА НА СОБРАНИИ БОГОВ

...Бог Эа, царь мудрый, речь стал говорить
на собрание богов.

К богам и к Кумарби он так обратился:

«Зачем уничтожить людей вы хотите?

Обряды богам не свершат и в жертвенник кедр
не положат!

И если людей уничтожите вы,

То празднеств священных не будет,

Ни хлеба нам не принесут, ни жертвенных

сладких напитков,

Придется и Богу Грозы, тому, кто в Куммии царит,

За плуг самому тогда взяться.

Придется тогда, о Иштар и Хебат,

Зерно вам обеим молоть, взяв мельничные

жернова!»

Бог Эа, царь мудрый, Кумарби стал так говорить:

«Кумарби, ты зла человечеству не замышляй!

Коль сын человеческий не соберет урожая,

Кумарби, тогда и тебе жертвоприношения не будет!

И в храме на радость тебе, богов прародитель

Кумарби,

Обряда уже не свершат.

В стране человеческой нас по имени не назовут,

Ни Бога Грозы, ни меня

Царями никто не сочтет.
Всю мудрость вложил я в тебя, о Кумарби!
Ты крови людской не желай и слез ты людских
не желай!»

ОКЕАН В ГОСТЯХ У КУМАРБИ

...«Путь держи под землей,
Чтобы ни Солнечный Бог, ни Бог Лунный
Тебя не могли бы увидеть!
Под землею пройди и наверх приходи ты
к Кумарби!»

Ту речь Мукисану услышал и быстро
отправился в путь.
Прошел он подземной дорогою водной,
И ни Солнечный Бог, и ни Лунный
Увидеть его не могли.
И вниз к Океану пришел он.

И передал тут Мукисану
Кумарби слова Океану:
«Приди! Тебя зовет отец богов Кумарби!
По делу он зовет, и он велел спешить!
Иди же поскорей! Подземною дорогой
Иди, чтоб не видали ни Солнце, ни Луна!»
Океан слова те услышал великий,
И быстро отправился в путь Океан,
Прошел он подземной дорогою водной
И вышел наружу к престолу Кумарби.
Престол принесли Океану, чтоб сел он,
И сел Океан на престол.
И стол накрывали ему,
И кушания принесли,

И чашник вино для царя наливал.
И богов прародитель Кумарби сел за стол
с Океаном великим,
И они стали есть, стали пить...

КУМАРБИ И ДОЧЬ ОКЕАНА

...Дали рог Океану с вином для питья.
Начал тут Океан говорить, обращаясь к Кумарби:
«Я истинно так говорю, богов прародитель Кумарби,
Семь дней пусть пройдет. Приходи ты в мой дом,
И тебе я отдам ее, о богов прародитель Кумарби!
Я отдам тебе дочь мою Сертапсурухи.
Вышина ее в три версты,
Ширина ее в две версты,
И сладка она, как древесный сок!»
Как увидел Кумарби Сертапсурухи,
Был доволен Кумарби, и ночью он с ней сочетался.
Океану великому шлет он дары...

II

СЕРЕБРО И СИРОТА

...Серебро ударяет жезлом Сироту.
Сирота говорит ему слово дурное:
«Серебро, для чего ты ударил меня?
Ты зачем убиваешь меня, Серебро!
Сирота я. Услынь меня, мать!
Он ударил меня для чего?»
И стал жаловаться Сирота.
Серебро возвращается в дом свой,
И такие слова говорит Серебро:
«У ворот я ребенка ударил.
Тот мне слово сказал. Было так:

Я ударил ребенка жезлом,
А ребенок ко мне обратился,
И сказал Сирота мне такие слова:
«О услышь меня, мать! Для чего ты ударил
 меня, Серебро?..»
Ты зачем убиваешь меня, Серебро?..»

СЕРЕБРО И КУМАРЫН

...Жезл он взял у него,
И, к нему обратясь, Серебру он промолвил:
«Ты зачем убиваешь меня, Серебро,
О, не бой, Серебро, ты меня!
Я ему о тебе расскажу!
Он — Кумарби, отец и властитель Уркисы!
Он сидит на престоле в Уркисе.
Суд вершит он над всею страной.
А твой брат — Бог Грозы, что на небе царит,
На земле же, в Уркисе, Кумарби царит.
А сестра у тебя, что царит в Ниневии,—
Иштар!

Никого из богов ты не бойся,
Одного лишь Кумарби ты бойся!
Ты не бойся врагов ни из Нижней страны,
Ни из Верхней страны! Одного лишь Кумарби
ты бойся!»

Как услышал слова его бог Серебро,
Он отправился в город Уркиса,
Но Кумарби в дворце не нашел он.

СЕРЕБРО УГРОЖАЕТ СОЛНЦУ И ЛУНИЕ

...Бога Солнца и Бога Луны станцил он рукою
своею с небес,
И когда он станцил их с небес,
То склонились они перед ним,

Преклонились они перед ним,
Стали так говорить:

«Ты зачем убиваешь нас, о Серебро!
Мы же свет лучезарный. Светильники мы!
Если нас ты обоих убьешь,
Будешь править ты темной страной!..»

III

ПРОЖОРЛИВОСТЬ ХЕДАММУ

...Его город боялся Куммня
И город Дуддул боялся,
Когда Хедамму родился,
Все перед ним трепетали
И в страхе его растили.
...Маслом его натерли
И в воду его поместили.
Козлятами он закусил,
Как яблоками освежился,
Потом приступил он к еде.
Ему на обед давали
Тысячи две быков.
Ягнятам же и барашкам,
Которых проглатывал он,
• Тем не было числа!
Он тысячи ел лошадей.
Злых ящериц он и лягушек
С земли всех в воду тащил
И там отпускал их плавать.
Но змей — этих рыб земных —
И выдр — как собак речных —
Он тысячами глотал, —
Они ему сладки как мед...

...И голод в стране наступил,
И жажда в стране наступила...

ИШТАР ГОТОВИТСЯ К ВСТРЕЧЕ С ХЕДАММУ

...И боги так говорили:
«Он ящериц сотни тысяч
Выкопал из земли,
И скот он весь пережрал.
Но только Иштар свое тело
Перед Хедамму поднимет,
Тогда дух у Хедамму займется.
Пора Иштар это сделать:
Брюхом огромным своим
Хедамму накрыл городов
Не менее ста тридцати,
А семьдесят городов
Он предназначил для жертвы!»

...Чуть кончили говорить,
Иштар в купальню пошла,
Совершила она омовенье,
Благоговониями натерлась,
И украсилась дивно Иштар.
А за ней, как любимые псы,
Повсюду бегут Красота
Со Страстью — Кулитта, Никатта.

И Иштар говорит Кулитте:
«Я к морю пойду, где Хедамму,
И буду играть я на лютне,
Быть может, он что-то услышит,
И весть до него дойдет!»

ИШТАР И ХЕДАММУ

...Вниз к морю пошла Иштар,
И видит она Хедамму,
Он в волнах глубоких плавал.

Но Хедамму голову поднял
И стал смотреть на Иштар.
А Иштар обнаженное тело
Обратила навстречу Хедамму.

И сказал ей тогда Хедамму:
«Ты что за богиня такая?»

И сказал ей тогда Хедамму:
«Скажи, кто же ты такая?»
Ему отвечала Иштар:
«Я в услуженье у Кель.
Она меня и послала.
Мне надо было бы в горы
Идти по своим делам,
Чтоб готовить столы для жертвы.
Но Кель мне сказала, что я
Плохо справляюсь с этим,
И она мне сказала:
«Иди, попроси Хедамму скорее,
И тебе поможет Хедамму,
И даст он тебе напиться...»

•

ПОБЕДА ИШТАР

И больше Хедамму не пьет,
И больше Хедамму не ест...

О том рассказали Энлилю,
Что все удалось Иштар,
Что после встречи с богиней
Хедамму не пьет и не ест...

ГНЕВ ВЕЛИКОГО БОГА

Бог Грозы Тешшуб устроил пир. И он позвал на него всех других богов грозы.

И Хебат он позвал, чтоб она пришла из своего дворца. Он позвал всех богов, но Великого Бога он не позвал.

И Великий Бог рассердился. Он пошел в дом гончара, и девять горшков он разбил. И он пошел к Океану, и Океан он смутил. А у сына человеческого он тело и голову рассек пополам.

И он пошел на поле слоновой кости. И там сапог у него порвался. И из сапога высунулся палец и показался ноготь. А там огонь горел вверх.

И палец он себе обжег. И голову сына человеческого в огонь бросил. И огонь горел там вверх.

Бог Солнца в раскаленном небе услышал об этом и слова сказал, обратившись к Камрусепе: «Что там такое?» Богиня-Защитница начала рассказывать своему отцу, Богу Солнца: «Бог Грозы Тешшуб устроил пир. И он позвал на него всех других богов грозы...»

СОЛНЦЕ И ОКЕАН

СОЛНЦЕ В ГОСТЯХ У ОКЕАНА

...«Чтоб мог сесть он,
Престол для него пусть готовят,
Пусть слоновою костью украсится стол!
Пусть поест он, попьет,
Пусть насытится он,
Утолит пусть он жажду,
А потом мы попросим его нам помочь!»

Пока так говорили они меж собою,
Солнце-Бог к ним отправился в путь.
И когда он пришел к Океану,
Сел Бог Солнца тогда на престол.
Принесли ему есть,
Принесли ему пить.
А потом Океан начал так говорить:
«Не пришел к тебе, Солнце, служитель!
Не пришел к тебе, Солнце, гадатель!
И нужны тебе слуги, о Солнце!»
А Солнце, спустившееся в Океан,
Внимало словам Океана.

Бог Солнца ответил потом Океану:
«Нет ни в чем недостатка. Никто мне
не нужен...»

ОТЧАЯНИЕ ОКЕАНА

...Так сказал Импалури,
Океана советник,
И выслушал речь Океан.
Он в духе своем омрачился,
И сделался сам он не свой.
Поник Океан головою
И жаловался на судьбу,
И слезы из глаз его тут потекли,
Как воды текут по каналам!

И с душою своей говорил Океан,
Он ей жаловался на судьбу:
«Что станется с телом моим?
Собаки и свиньи его растерзают!
О, кем же я стану теперь!
И тот, кто укусит меня, не будет растоптан,
Не будет растоптан пятой божества!
Тело мое — того, кто был Львом и Героем,—
Птицы и лисы съедят!..»

ИЗ ПОВЕСТЕЙ О ГОРАХ

ВАШИТТА, ГОРА-РОЖЕНИЦА

...И тело свое прикрыла одеждой гора.
И знал Кумарби о том, что будет с горою.
Начал он дни считать, и месяцы стал
он считать,
Став записывать он, как проходили дни.
Первый месяц идет — и второй.
Третий месяц идет — и четвертый.
Пятый месяц идет — и шестой.
Месяц седьмой идет,
И месяц восьмой идет,
Месяц девятый идет, и месяц десятый
приходит.
Начинает рождать гора.

Гора Вашитта рожала.
 Кумарби в доме своем услышал крики горы.
 Гора Вашитта рожала.
 Горы все пришли посмотреть, что случилось
 с горою Вашитта.

Горы все говорили ей так:
«Гора Вашитта, почему рождаешь ты?
О родах ты, гора, не знала с детства!
И не было начертано тебе
Богинями судьбы, чтоб ты рождала,
Не для того сама ты родилась!»
Всем богам отвечала Вашитта-гора:

«О родах я совсем не знала с детства,
Мне не было начертано никак
Богинями судьбы, чтоб я рожала.
Не для того сама я родилась!
Но в горы человек пришел чужой,
И он со мною ложе разделил,
И я с тех пор беременною стала,
И девять месяцев прошло с тех пор.
Десятый месяц наступил. Пришла
Пора рожать...»

БОГИНЯ ИШТАР И ГОРА ПИШАЙШАС

...Как увидел Пишайшас тело нагое Иштар,
У него подпрыгнуло сердце,
Захотел он с Иштар сочтаться.
И покамест Иштар спала,
К ней он на ложе лег и сочетался он с нею.
Но проснулась Иштар и от него отшатнулась.
Тело свое прикрыла одеждой она.
«Кто это в час такой
Мой потревожил покой?
Тому, кто сюда пришел,
Бог Грозы станет злейшим врагом!»
Говорила гневно Иштар.
И гневную речь Иштар
Услышал Пишайшас тогда.
Испугался он и на колени
Перед нею, как яблоня, встал.
«Не убивай меня, Иштар, не убивай меня!
Тебе открою я, каким оружием Бог Грозы
Осипил Океан, когда с ним горы воевали...»

РАССКАЗ ОБ ОХОТНИКЕ КЕССИ

Кесси взял себе в жены сестру Удубсария. Эта женщина по имени Синтальмени была ослепительна и прекраснее всех одета. И Кесси думал только о своей жене. Поэтому Кесси перестает оставлять богам их долю мягкого хлеба и жертвенных напитков. В горы на охоту больше он не ходит. Мать его Кесси стала так говорить: «Только жену свою ты любишь. А в горы на охоту ты больше не ходишь. И мне ты ничего не приносишь». Тогда Кесси взял свое деревянное копье. Он позвал с собой свою собаку. И пошел он охотиться в горы Натара. Боги сердились на Кесси, потому что он им жертвенных напитков не возливал. И они сделали для него невидимыми всех диких животных...

...Когда рассвело и Бог Солнца показался из-за гор, Кесси встал с ложа своего сладкого сна и ночные сны стал рассказывать своей матери...

...Четвертый сон ему снился: тяжелый камень Кункунуцци упал с неба и придавил домашних служителей и человека богов.

Пятый сон ему снился: боги-отцы Кесси все время старались поддержать огонь.

Шестой сон ему снился: ожерелье было на его груди, на ногах у него были женские браслеты.

Седьмой сон ему снился: Кесси шел на львиную охоту. И он подбежал к воротам дома. У ворот же он увидел Змеев и женщин-демонов...

РАССКАЗ О ГУРПАНЦАХУ

...Внезапно выстрелил из лука Гурпаранцаху. И снова стрелы ему принесли. И в той же охоте участвовало шестьдесят царей и семьдесят героев. А Импакру в той охоте всех превзошел. И снова он пошел на охоту в поле.

...И тогда убил медведя в берлоге Гурпаранцаху. Гурпаранцаху внезапно убил того медведя. Охотясь, они поднялись высоко в горы. И теперь они вошли в город Аккад. В город Аккад пришли Импакру, шестьдесят царей и семьдесят героев.

Импакру за стол сам сел. И он велит садиться Гурпаранцаху, своему будущему зятю. Они ели и пили и насытились вполне. И тогда они захотели стрелять из лука. Лук, колчан и стрелы были украшены, и их положили перед Гурпаранцаху. И он выстрелил из лука, Гурпаранцаху. И стрела из лука полетела подобно стреле. Шестьдесят царей и семьдесят героев он превзошел в стрельбе.

Импакру пошел спать и улегся в постель. Гурпаранцаху тоже пошел спать. Перед ним пути окропляют благовонным маслом и устилают путь коврами. И в спальные покои по помосту, умащенному благовоньями, он идет. Татицули женой ему быть определена на другой день. И к нему она приблизилась и говорит: «Не бойся! Мы здесь в спальнях покоях одни!..»

СКАЗКА ОБ АППУ И ДВУХ ЕГО СЫНОВЬЯХ

Если хорошие люди одни не живут и если плохие люди с ними вместе оказываются, то плохие люди начинают нападать на тех, кто знал добро, и те погибают.

Есть город по названию Шудул в стране Луллу в стороне моря. Там в горах жил человек по имени Аппу. Богатством своим он был известен в стране, у него было много быков и овец.

А золота и драгоценных камней у него были целые кучи.

Ни в чем у него не было недостатка. Одного у него только не было. У него не было ни сына, ни дочери. Старейшины шудулийские садились перед ним для общей трапезы, и один давал своему сыну хлеб и сало, другой же давал своему сыну пить, а у Аппу не было никого, кому бы он мог дать хлеб.

А из-за чего может не быть ребенка, то можно сказать только перед алтарем божества. Аппу встал из-за общего стола и пошел в свой дом. В спальнях покоях же он, как был в своей обуви, лег на постель.

Жена Аппу стала спрашивать домочадцев своих: «Почему никогда ему со мной ничего не удавалось? Наверное, и теперь не удастся ничего?» Она пошла, эта женщина, и одетая легла на ложе к Аппу.

Наутро Аппу совершил обряд очищения после сна. Тогда жена его стала спрашивать: «Почему никогда тебе со мной ничего не удавалось? Навер-

ное, тебе теперь снова ничего не удалось?» Аппу услышал ее слова и так стал ей говорить в ответ: «Ты — женщина, и все у тебя как у женщины! Ничего ты не понимаешь!»

Тут встал Аппу с постели. Он взял белого ягпепка и пошел, чтобы принести его в жертву Богу Солнца. Бог Солнца посмотрел с небес вниз. И он обернулся юношей и подошел к Аппу. И стал его спрашивать: «В чем у тебя недостаток? Могу ли я тебе помочь?»

Аппу услышал его слова и стал ему так отвечать: «Боги дали мне добро, и нет у меня ни в чем недостатка. Одного только у меня нет: у меня нет сына». Бог Солнца услышал его слова и стал ему так отвечать: «Иди! Пей! Напейся вволю! И иди в свой дом, и с женой своей, как подобает, ложись на ложе. Тогда тебе боги дадут сына!»

Аппу выслушал его слова и пошел обратно в свой дом. А Бог Солнца поднялся вверх на небо. За три версты Бога Солнца увидел Бог Грозы и так стал говорить своему советнику: «Смотри! Это он там идет, Бог Солнца, пастух страны! Из-за его заступничества страна не погибла, города не опустошены, войску враги не нанесли поражения.

Дай распоряжение повару и кравчему. Дайте ему поесть и попить!» И он пришел, Бог Солнца. И они накрыли для него стол, и он стал есть, и он стал пить...

...А жена Аппу забеременела. Прошел первый месяц, прошел второй месяц, третий месяц, четвертый месяц, пятый месяц, шестой месяц, седьмой месяц, восьмой месяц, девятый месяц прошел, десятый месяц настал, и жена Аппу родила сына. Повивальная бабка подняла ребенка и положила его на колени к Аппу. Аппу тут начал ему радоваться,

Аппу тут начал его покачивать. Аппу тут начал ему имя давать, подобающее первенцу. Имя ему он дал Злой, сказав: «Пока я был молодым, боги не выбирали для меня благого пути. Они мне определили злой путь. И имя у него пусть будет: Злой!»

Во второй раз жена Аппу забеременела. Настал десятый месяц, и жена Аппу родила сына. Повивальная бабка поднесла ребенка, и Аппу ему дал имя Благой: «Пусть его зовут по имени Благой!»

Когда настал у меня возраст зрелости, боги мне определили благой путь. Пусть так и идет он по тому пути, и имя ему пусть будет: Благой!»

И сыновья выросли и возмужали, и достигли они возраста мужей.

Когда же сыновья Аппу выросли и возмужали и достигли возраста мужей, они отделились от Аппу, и хозяйство стали они делить между собой.

Сын Злой стал так говорить своему брату Благому: «Мы друг от друга отделились! И жить мы станем раздельно!» Брат Благой стал тогда говорить брату Злому: «Что за смысл в твоих речах? Я не уразумел». Брат Злой в ответ сказал брату Благому:

«Так, как горы стоят разделенные,
Так, как реки плывут разобщенные,
Так, как боги разделены,
Так же и я тебе скажу:

У Бога Солнца свой город — Сиппар, у Бога Луны свой город — Куципа, у Бога Грозы свой город — Куммия, у Иштар же — Ниневия, у божества Наная — Кишшина, Вавилоном же владеет Мардук. Так же как боги разделены, так же и мы разделим между собою имущество!»

Тогда начали Злой и Благой делить между собой дом. А Бог Солнца с неба смотрел на них вниз.

И себе Злой взял бóльшую часть имущества, а меньшую он дал Благому...

...Хороших коров себе взял Злой, а одну тощую корову он дал Благому, брату своему. Но Бог Солнца сверху, с неба, посмотрел, увидел это и сказал: «Пусть будет так: корова, которая досталась Благому, станет благой и она Благому принесет телят, и скота у него будет много!»

Первая таблица рассказа об Аппу: это еще не конец...

СКАЗКА О БОГЕ СОЛНЦА, КОРОВЕ И РЫБАЧЬЕЙ ЧЕТЕ

...Там на луг под оливами корову выгоняли пастись. Корова ела нежные побеги зелени. И она была очень раскормленная и гладкая. Бог Солнца посмотрел вниз, на землю. Сердце в нем подпрыгнуло: им овладело влечение к корове. Он превратился в юношу. Он спустился с небес и стал так говорить корове:

«Кто ты такая? Почему ты все время пасешься на нашем лугу? На нем нежные побеги зелени, а ты все ешь их! Так ты весь наш луг потравишь!»

Корова стала ему возражать...

...После того корова забеременела. Прошел первый месяц, второй месяц, третий месяц, четвертый месяц, пятый месяц, шестой месяц, седьмой месяц, восьмой месяц, девятый месяц. Десятый месяц настал, и корова родила сына. Корова к небу воззвала и на Бога Солнца гневно посмотрела. И Богу Солнца она стала так говорить: «Я прошу о милости! У меня самой четыре ноги. Почему же я родила этого сына с двумя ногами?» Корова разинула свою пасть подобно льву, и она ринулась на ребенка, чтобы его съесть. Корова вздымалась, как высокая морская волна, чтобы проглотить ребенка.

И Бог Солнца посмотрел вниз. Он спустился с неба и подошел к корове, чтобы не дать ей проглотить ребенка...

...Когда же Бог Солнца поднялся обратно в небо, он взял с собой ребенка. И он погладил его по го-

лове. Бог Солнца стал так говорить своему советнику: «Возьми жезл в руку и скорее отправляйся. В буйные ветры, как в саногы, обуь себе ноги. Вручи ребенка птицам, пусть они его унесут. И пусть они скалы, как колышки, вокруг него вобьют, чтобы его оградить. И пусть чудовищный Змей его сторожит...»

...Рыбак увидел это и обо всем, что видел, рассказал своей душе:

«Вот что, оказывается, я вижу. Там, в горах, был Змей. Оттуда ребенок пришел. И там птицы его сторожили, они высоко взлетали. И скалы встают там к небесам.

Змей там вдали извивался. И ребенка он породил». И рыбак душе своей стал так говорить: «Наверное, боги меня увидели, и они у меня со скалы взяли волшебный хлеб, который я им принес. Бог Солнца меня увидел. Он разве унесет от меня прочь ребенка? Ты же знаешь, что у меня нет ребенка, и не станешь его у меня отнимать? Тому, кто угодил Богу Солнца, Бог дает волшебный хлеб». Рыбак поднял ребенка с земли. И тут начини рыбак его покачивать, тут начини рыбак ему радоваться. И он положил ребенка себе за спину и унес его.

Рыбак пришел в город Уршу, и он вошел в свой дом и уселся на стул. И рыбак начал так говорить своей жене: «То, что я тебе скажу, слушай внимательно. Возьми сейчас ребенка и ступай с ним в спальню покои. Ложись на постель и кричи! Тогда весь город услышит твой крик, и скажут тогда так: «Жена рыбака принесла ему ребенка. И нам один из них принесет хлеб, другой пиво, третий же принесет нам масло. У женщины ум короткий. От власти ей ничего нельзя дать... Нужно, чтобы она слову мужа верна была!»

И слову мужа она повиновалась. Она пошла в спальню, и улеглась на постель, и закричала. И когда люди города слышали ее крик, они стали так говорить: «Жена рыбака родила сына». Так говорили люди города, и начинали они им приносить: один хлеб, другой масло и пиво...

Конец второй таблицы...

МИФ О БОГИНЕ АШЕРТУ

ССОРА АШЕРТУ С ВААЛОМ

...И сказала богиня Ашерту Ваалу:
«Если мне воспротивился ты,
То и я воспротивлюсь тебе.
Словом своим я тебя оскорблю!
Веретеном своим я тебя уколю!
Ненависть к тебе я свою утолю!»
Услышал Ашерту слова Ваал,
В путь отправился он к истокам Мала.
Он пришел к Элькунирше, супругу Ашерту.
Он вошел к Элькунирше в шатер.

Элькунирша увидел Ваала.
Элькунирша Ваала спросил:
«Почему ты пришел, о Ваал?»
И Ваал отвечает ему:
«Как пришел я к тебе и в твой дом,
Ашерту служанок прислала ко мне —
Приходи, мол, со мною спать!
И когда отказался я,
Угрожать стала мне Ашерту,
Так она говорила мне:
«Если мне воспротивился ты,
То и я воспротивлюсь тебе.
Словом своим я тебя оскорблю!
Веретеном своим я тебя уколю!»
Вот почему, отец мой, я пришел!

И в сову она превратилась,
Что сидела над ним на стене.
И слова, которые он
Говорил супруге своей,
Все услышала их Иштар.
Элькунирша с женою на ложе ушел,
Разделила жена с ним ложе.
А Иштар как птица летит по пустыне,
И в пустыне Иштар находит Ваала,
И ему говорить начинает Иштар...

ИЗ АННАЛОВ ТУДХАЛИЯСА

Так говорит Табарна Тудхалияс, Великий царь. Когда я уничтожил город Ассуву и вернулся в Хаттусас, тогда я совершил обряды для богов. И меня все люди города Хаттусаса стали прославлять, и мне они так говорили:

«Солнце, наш господин! Ты подлинный воин! Но по суду ты ничего рассудить не успел. Смотри! Из-за этого плохие люди хороших людей совсем уже прикончили!..»

НОВОХЕТТСКОЕ ЦАРСТВО

*Перевод с хеттского
и лувийского языков*

ИЗ ЛЕТОПИСИ СУППИЛУЛИУМАСА.
РАССКАЗ О СВАТОВСТВЕ ВДОВЫ ФАРАОНА
К ХЕТТСКОМУ ЦАРЕВИЧУ

Кочевые племена пришли в несметном множестве и ночью начали нападение на войско моего брата. Тогда боги моего отца помогли моему брату, и он разбил кочевые войска неприятеля и убил врагов. И когда он победил кочевников, страна врага увидела его силу, и все области стран Арция и Кархемыша с ним заключили мир, и город Мармурига тоже с ним заключил мир.

В стране Кархемыша только сам город Кархемыш не заключил с ним мира. И тогда Жрец — мой брат — оставил шестьсот человек, и колесницы, и Лупаккиса, начальника десятских в войске, в стране Мармурига, а сам пришел в Хаттусас повидаться с отцом. Но мой отец был в городе Уда и совершал религиозный обряд. Там он его и встретил.

Но когда хурриты увидели, что Жрец ушел, войска и колесницы хурритской страны пришли, и Такухли, амумикуни, был среди них, и они окружили Мармуригу. И их было больше по числу, чем войск и колесниц хеттов, что были там. К стране Кинца, которую мой отец завоевал, пришли воины и колесницы Египта, и они напали на страну Кинца. И отцу моему принесли слово: «Тех воинов и колесницы, что в стране Мармурига, хурриты окружили!» Тогда отец мой собрал войска и колесницы и пошел в страну хурритов. И когда он пришел в город Тегарамма, он сделал смотр своим войскам и колесницам в городе Тальпе. Тогда он послал

сына своего Арнувандаса и Цидаса, главного пад придворными — мешеди, из Тегараммы вперед, в страну хурритов. И когда Арнувандас и Цидас пришли в страну хурритов, противник вышел им навстречу. Тогда боги моего отца помогли ему, и они разбили врага... Когда отец мой пришел сам в страну хурритов, он не встретил врагов из хурритской земли. И тогда он спустился к городу Кархемышу и окружил его с одной стороны и с другой.

Когда отец мой был в стране города Кархемыша, он послал Лупаккиса и Тархунтацалмаса в область Амка. И они отправились, и напали на Амка, и привели захваченных военнопленных, быков и овец к моему отцу. Когда же люди Египта услышали о нападении на Амка, они испугались. А кроме того, их господин Нибхутурияс как раз в это время умер, поэтому царица Египта, которую звали Дахамунзус, послала гонца к моему отцу и так ему написала: «Мой муж умер. Сына у меня нет. А у тебя, говорят, много сыновей. Если бы ты мне дал из них одного твоего сына, он стал бы моим мужем. Никогда я не возьму своего подданного и не сделаю его своим мужем! Я боюсь такого позора!» Когда мой отец услышал это послание, он созвал по этому поводу Совет великих сановников и сказал им: «Прежде со мной ничего похожего не случилось!» И так вышло, что мой отец послал в Египет Хаттусацитиса, постельничего, наказав ему: «Иди! Принеси мне назад слово о том, что там на самом деле! Уж не обманывают ли они меня? Может быть, в действительности у них есть сын их господина? Принеси мне назад слово о том, что там на самом деле!»

Тем временем, пока Хаттусацитис еще не вернулся из Египта, отец мой победил город Кархе-

мыш. Он его осаждал семь дней, а на восьмой день он дал сражение. И в жестоком бою на восьмой день он покорил город. А когда он покорил город, из-за того, что отец мой боялся богов, он никому не позволил подойти к образам богов Кубабы и Божества-Защитника, и ни к одному из храмов богов близко он не приблизился. Нет, он даже поклонился им и принес подношение. Но из нижнего города он увел военнопленных, серебряные, золотые и бронзовые изделия и отправил их в Хаттусас. А военнопленных, что он отправил в царский дворец, было три тысячи триста тридцать. А тем, что хетты увели с собой в страну хеттов, не было счета. Тогда он призвал своего сына Саррикусуха и дал ему страну Кархемыш и город Кархемыш в правление. И он сделал его отдельным царем.

Но после того, как он учредил царство Кархемышское, он пошел назад, в страну Хатти, и в стране Хатти он перезимовал.

А когда настала весна, Хаттусацитис вернулся из Египта, и посланник Египта Хани, господин, пришел с ним. Отец мой, когда посылал Хаттусацитиса в Египет, так ему наказывал: «Может быть, у них есть сын их господина? Уж не обманывают ли они меня? Может быть, они вовсе и не хотят, чтобы мой сын у них царствовал?» Поэтому царица Египта так написала в ответ моему отцу на клинописной табличке: «Почему ты так говоришь: «Они меня-де обманывают»? Коли у меня был сын, разве стала бы я писать в чужую страну о своем собственном унижении и унижении моей страны? Ты мне не поверил и даже сказал мне об этом! Тот, кто был моим мужем, умер. Сына у меня нет. Но я никогда не возьму своего подданного и не сделаю его моим мужем. Я не писала ни в какую дру-

гую страну, только тебе я написала. Говорят, у тебя много сыновей. Так дай мне одного своего сына! Мне он будет мужем, а в Египте он будет царем».

А отец мой был милостив, поэтому он внял словам женщины и начал приготовления к женитьбе своего сына.

...Он сказал Хани, послу Египта: «Я был к вам благосклонен. Но вы мне внезапно причинили зло. Вы напали на человека Кинца, которого я защитил от царя страны хурритов. Когда я услышал об этом, я прогневался. И я послал воинов, и колесницы, и военачальников. Они отправились и вторглись в ваши пределы, в страну Амка. И когда они напали на страну Амка, то вы, должно быть, испугались. И поэтому вы все просите у меня моего сына, будто я должен его вам дать. Но он же будет у вас как заложник, а царем вы его так и не сделаете». Так отвечал тогда Хани моему отцу: «О мой господин! Это унижение нашей страны! Если бы у нас был сын нашего царя, разве пошли бы мы в чужую страну, разве стали бы мы просить господина прийти к нам править нами? Тот, кого звали Нибхурурияс, умер, а сына у него не было. Вдова нашего господина одинока. Мы просим, чтобы сын нашего господина стал царем в Египте, мы просим, чтобы он стал мужем женщины, нашей госпожи. Больше ни к какой другой стране мы не обращались. Только сюда мы пришли. Теперь, о наш господин, дай нам своего сына!» И тогда для них отец мой занялся делом женитьбы своего сына. Тогда мой отец попросил, чтобы ему снова дали клинописную табличку, где говорилось, как прежде Бог Грозы взял людей Курустама, сыновей Хатти, и послал их в Египет, и сделал их египтянами; и как Бог Грозы

заключил договор между странами Египта и Хатти, и как они постоянно были дружны между собой. И когда клинописную табличку перед ними прочитали, отец мой сказал так: «В прежние времена страна Хатти и Египет были дружны между собою, и теперь между ними также установится согласие. Страна Хатти и Египет пусть постоянно будут в согласии друг с другом!»

...А когда принесли глиняную табличку, они сказали так: «Люди Египта убили Цанпанцаса». И слово принесли: «Цанпанцас умер!» И когда отец мой услышал об убийстве Цанпанцаса, он стал жалеть о Цанпанцасе и к богам обратился так: «О боги! Я не совершал зла, но люди Египта его совершили, и они напали на границы моей страны».

ИЗ ЛЕТОПИСИ МУРСИЛИСА II

КАК ПИХУНИЯ СТАЛ ПРАВИТЬ У КАСКАЙЦЕВ

...И пока отец мой был в стране Митанни, Пихуния выступил и совершил нападение на Верхнюю страну. И далее он достиг Цациса. И Верхнюю страну он взял и передал ее стране каскайцев. А всю страну Иститина он взял себе и сделал ее местом, где он сам пасся.

Правил же там Пихуния не по обычаю страны каскайцев. Потому что в стране каскайцев не было правления одного человека. А этот Пихуния внезапно стал править по обычаю царской власти...

ПОХОДЫ В ОБЛАСТИ ПИГГАЙНАРЕССУ И АЦЦИ

...И когда я привел в порядок страну города Кархемыша, я из страны города Кархемыша поднялся вверх, и я вошел в страну города Тегараммы. И я вошел в страну города Тегараммы. И когда я достиг города Тегараммы, ко мне Нуванцас, главный виночерпий, и все военачальники пришли в город Тегарамму. И они меня там нашли. Я собирался было пойти и в страну Хайясу, но год для этого был слишком коротким. И военачальники мне сказали: «Год для тебя слишком короток. Господин наш, не ходи в Хайясу!» И я в Хайясу не пошел. Я пошел в Харрану. И мое войско достигло города Харраны.

И там я устроил смотр войску. А мне в то время были враждебны области Ияхресса и Пиггаинаресса. И я поэтому пошел к городу Ияхрессу. И я превратил дни в ночи. И я заставил войско идти быстрыми переходами. И я, Великий царь, шел со своими пешими воинами и колесницами никем не видимый. И мне на помощь могущественный Бог Грозы, господин мой, позвал бога Хасамиля, господин моего. И он спрятал меня от взоров. И меня никто не видел. И так вышло, что я напал на город Пиггаинарессу, когда его жители были все в постели. И я там город Пиггаинарессу сжег. На следующий же день я пошел обратно в город Ияхрессу. И я его сжег дотла, этот город Ияхрессу. И в нем я взял военнопленных, быков и овец. На следующий же день я пошел дальше, к городу Таптине. Но когда я достиг города Таркумы, я его сжег дотла. И навстречу ко мне вышли люди города Таркумы, люди города Таптины, люди города Хурсамы, люди города Пикурци. И они встали передо мной на колени. И они сказали так: «Господин наш! Не губи нас! Возьми нас в свое подданство! И сделай нас своими пешими воинами и колесничими! И вместе с тобой мы будем ходить в походы!» И я взял их в свое подданство. И я сделал их своими пешими воинами и колесничими. На следующий же день я пошел дальше. И я сжег дотла города Хаисехлу и Кантиссу. Потом я вернулся в город Хакписсу. И я вернулся в Хаттусас... И в городе Анкуве я зимовал.

Когда же настала весна, я пошел во второй раз в страну Ацци. И в городе Инглаве я сделал смотр пешим войскам и колесницам. Люди города Ацци прежде тревожили войска Моего Солнца. Поэтому под городом Каннуварой Нуванцас, главный вино-

черпий, их разбил. И со мной сразиться днем они никоим образом не отваживались. Но они на меня стали нападать ночью. И они обо мне говорили: «Ночью мы его тесним!» Я, Мое Солнце, услышал такие речи: «Люди Ацци ночью на середину твоего войска стали нападать!» И я, Мое Солнце, отдал тогда распоряжения своим войскам. Я велел, чтобы днем воины шли в легкой одежде, а ночью вооружались бы как следует...

ПОХОД НА ГОРОД АРИПСУ

В город Арипсу я шел на сражение. Этот город Арипса лежит на большом озере. И то население, что было в городе, ушло в горы и скалы. А горы там очень высокие. И вся эта страна очень высоко расположена. И они собрали целое войско. Но я, Мое Солнце, с ними сразился. И передо мной вперед устремлялись, мне споспешествуя, могущественный Бог Грозы, господин мой, Богиня Солнца города Аринны, госпожа моя, Бог Грозы города Хатти... и все другие боги. И город Арипсу я взял без труда. И всю добычу я предоставил городу Хаттусасу. И мои пешие воины и колесничие нашли там много добычи, доставшейся им во взятой крепости,— военнопленных, быков, овец. И я, Мое Солнце, в тот день остановился на ночлег в городе Арипсе. На следующий же день я долго шел в город Дукамму для сражения. Когда же люди города Дукаммы лишь завидели меня издали, они вышли ко мне навстречу. И они передо мной стали на колени. И они мне сказали: «Господин наш! Не допусти, чтобы у нас все разграбили для города Хаттусаса, как это было в городе Арипса... И нас не отводи в город

Хаттусас! А ты нас сделай своим пешими воинами и колесничими!» И тогда я, Мое Солнце, не дал разграбить город Дукамму. Те три тысячи военнопленных, которых из Дукаммы взяли для царского дворца, я сделал своим пешими воинами и колесничими.

МОЛИТВЫ МУРСИЛИСА ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ

ПЕРВАЯ МОЛИТВА

О вы, все боги, все богини... вы, все боги минувшего, вы, все богини! Вы, боги, которых по этому случаю я созвал на совет, чтобы вы были свидетелями, вы, горы, реки, источники, сторожевые башни!

Смотрите, молюсь вам я, Мурсилис, Великий царь, ваш жрец и раб! А по какому случаю я вам совершаю молитву, вы о том мое слово услышите!

Вы, боги, мои господа! В стране Хатти случилась чума. И страна Хатти чумоюотягощена. И она очень страдает от чумы. Тому идет уже двадцатый год. И оттого, что страна Хатти вся умирает, надомною стало тяготеть давнее дело Тудхалияса Младшего, сына Тудхалияса. И я спросил о нем у божества с помощью оракула. И божество ответило, что нужно вспомнить о деле Тудхалияса Младшего. Тудхалияс был господином страны Хатти. И ему присягнули царевичи Хаттусаса, полевые начальники тысяч, сановники, все пешие воины и колесничие. И мой отец ему присягнул.

Но мой отец стал оттеснять Тудхалияса, и в городе Хаттусасе все царевичи, полевые начальники тысяч и сановники встали за отца моего. И боги, которыми клянутся, взяли себе Тудхалияса. И его убили. И какие у него были братья, которые ему

помогали, тех убили; других сослали на остров Аласия, и те там остались. И какие у них были дома, те у них взяли. И так все они нарушили клятву богов...

...Но боги, господа мои, вы охраняли отца моего. Потому что раньше Хаттусас был сожжен врагом и в пределы страны Хатти вошел враг, а мой отец отправился в поход и поразил вражеские земли, и он их разбил, и земли страны Хатти он взял у них обратно, он взял у них земли прочь и заселил их заново. Потом он побеждал и другие чужие страны во время своего царствования. И страна Хатти процветала, и для нее он завоевывал все новые и новые земли. И при нем в стране Хатти дела шли хорошо. И при нем умножилось число людей, быков и овец. И все больше военнопленных он приводил из вражеских стран. И люди процветали. И никто не погибал. Но тут так случилось, что вы, боги, господа мои, стали тогда мстить отцу моему за дело Тудхалияса Младшего. И тогда отец мой умер из-за пролитой крови Тудхалияса. И те царевичи, полковые начальники тысяч и сановники, которые встали когда-то за отца моего, и те умерли по той же причине. И это случилось со всей страной Хатти, и из-за этого же страна Хатти начала умирать, и страна Хатти с тех пор погибает. А теперь чума свирепствует еще пуще. Страна Хатти чумою крайне оглощена. И все меньше людей остается в живых. Я же, Мурсилис, ваш раб, с волнением в сердце своем никак не справлюсь. И со страхом в сердце своем я никак не справлюсь.

Вы, боги, мои господа, которые слышали мои молитвы, придите ко мне на помощь! Вы, боги, которых по этому случаю я созвал на совет, чтобы вы были свидетелями!.. Вы на суде прежде не поки-

дали тех, кто кровью Тудхалияса осквернил присягу, а теперь вы, боги, господа мои, стали жаждать той крови!..

Я признал перед вами грех отца своего: мой отец убил того Тудхалияса Младшего. И отец мой свершил жертвоприношение, когда он убил его, но город Хаттусас не совершил тогда жертвоприношения. Так случилось, что я теперь совершил это жертвоприношение. Страна же раньше не совершила этого жертвоприношения, и никто не совершил этого для страны.

А теперь страна Хатти очень отягощена чумою, и страна Хатти умирает. И дело Тудхалияса тяготеет над страной. Это определило божество посредством оракула, а я об этом и спрашивал оракула — какое жертвоприношение вам, богам, господам моим, и вашим храмам должно быть определено из-за присяги, нарушенной страной, что и привело к чуме. И перед вами, богами, совершают сейчас жертвенный обряд, чтобы искупить нарушение присяги, которое и привело к чуме. И я возмещу вам, боги, мои господа, то, что возмещают, когда нарушена клятва.

Вы, боги, мои господа, жаждете отомстить за кровь Тудхалияса. Те, кто убил Тудхалияса, возместили уже эту кровь. И эта кровь страну Хатти привела к гибели. Уже прежде страна Хатти возместила за эту кровь. А теперь я, царь Мурсилис, сам возмещу своим имуществом то, что возмещают, когда паршена клятва. И пусть у вас, богов, господ моих, смягчится душа. Смиловитесь надо мною вы, боги, мои господа! И пусть вы меня увидите! А когда я вам буду молиться, услышьте меня. Потому что я не совершил никакого зла. А из людей, живших в те дни, кто совершил зло, тех

никого уже нет в живых, все они давно умерли. Но меня коснулось дело моего отца. И вот смотрите! Я вам, боги, господа мои, за страну по причине чумы вам дам то, что возмещают, когда нарушена клятва, и вам все возмещу. И то возмещение, и то искушение, которое я принесу, возьмите его, о боги, господа мои, и смилостивьтесь надо мною!.. Из-за того, что страну Хатти отягощала чума, жрецы, приносящие в жертву хлеб, и жрецы, совершающие жертвенные возлияния, приносили жертвенный хлеб и жертвенные возлияния вам, боги, господа мои! Но страну Хатти очень отягощает чума, и от чумы кругом умирают. И если чума не уменьшится и люди будут умирать по-прежнему, то и те немногие жрецы, приносящие в жертву хлеб и совершающие жертвенные возлияния, что еще остаются в живых,— тогда и они умрут, и некому будет приносить вам в жертву хлеб и возлияния.

И вы, боги, господа мои, ради этого жертвенного хлеба и жертвенных возлияний, которые я вам приношу, смилостивьтесь надо мною. И пусть вы меня увидите! Изгоните чуму из страны Хатти! И те немногие жрецы, приносящие в жертву хлеб и совершающие жертвенные возлияния, что еще остались в живых, пусть их не тронет чума, пусть они не умрут! И пусть они останутся у вас как жрецы, приносящие хлеб и совершающие жертвенные возлияния! Пусть так случится, о боги, господа мои, что вы чуму повернете прочь от страны! И все, что есть плохого, изгоните отсюда во враждебные страны! То, что из-за Тудхалияса случилось в стране Хатти, вы, боги, господа мои, прочь из нее изгоните во враждебные страны! А к стране Хатти будьте милостивы! И пусть в ней чума пройдет! Вы же меня

видите — вашего жреца и слугу. Так будьте ко мне милостивы. И изгоните из сердца моего волнение, и изгоните из души моей страх!

Конец первой таблицы: «Как Мурсилис по случаю чумы молился богам».

ВТОРАЯ МОЛИТВА

Бог Грозы города Хатти, мой господин, и вы, боги города Хатти, господа мои! Меня послал Мурсилис, Великий царь, ваш раб, сказав мне: «Иди и так скажи Богу Грозы города Хатти, господину моему, и богам, моим господам: вот как вы поступили! В страну Хатти вы чуму допустили. И чумой страна Хатти отягощена». Еще во времена правления отца моего и брата моего от чумы умирали, а с тех пор, как стал я жрецом богов, и перед моим лицом умирают, и этому уже идет двадцатый год. Ту чуму, от которой умирают в стране Хатти, никто прочь из этой страны не уводит. И с волнением в сердце своем я никак не справлюсь. И со страхом в сердце своем я никак не справлюсь.

Когда я совершал обрядовые праздники, я служил всем богам, и входил я в разные храмы. По поводу чумы я совершал моления всем богам, и всем вам я совершил жертвенные возлияния, так говоря: «Услышьте меня вы, боги, господа мои, и изгоните чуму прочь из страны Хатти! Город Хаттусас чумы сам никак не осилит! По какой же причине умирают в стране Хатти, это пусть будет открыто посредством оракула, или пусть во сне я это увижу, или пусть человек, знающий волю богов, об этом скажет!» Но меня боги не услышали. И в стране

Хатти чума не кончилась. И страна Хатти была крайне отягощена.

И умирали уже и те немногие жрецы, приносящие в жертву хлеб, и те немногие жрецы, совершающие жертвенные возлияния, что еще оставались в живых. И мысль об этом тяготела надо мной. И о причинах гнева богов я стал спрашивать у оракулов. И я нашел две старинные таблицы. Одна таблица была о жертвоприношении у реки Мала. Прежние цари всегда совершали жертвоприношения у реки Мала. Но теперь, с тех пор как со дней отца моего в стране Хатти умирают, мы ни разу не совершили жертвоприношение у реки Мала.

Вторая же таблица — о городе Курустамме. В ней говорилось, как Бог Грозы города Хатти привел людей Курустамма в Егинет, и как Бог Грозы города Хатти между ними и людьми Хатти заключил договор, и поклялись в том договоре именем Бога Грозы города Хатти. И люди Хатти, и люди Египта были связаны клятвой перед Богом Грозы города Хатти. Но так вышло, что люди Хатти повернули все по-иному. И клятву перед божеством люди Хатти разорвали. И мой отец послал пешие войска и колесницы. И они нанесли удар по границам Египта, вторглись в страну города Амка. И снова он послал войска, и снова они наносили удары. Когда же люди Египта испугались, они пришли и просили у отца моего сына его на царствование. Но когда отец мой дал им своего сына и они его увели с собой, там они его убили. Мой же отец разъярился. И он пошел в Египет. И он поразил пешее войско и колесницы Египта. И тогда Бог Грозы города Хатти, господин мой, по суду возвысил отца моего. И он победил пешее войско и колесницы Египта. И он их разбил. Но тех военно-

пленных, которых он захватил там, он их вел с собой назад, в страну Хатти, а среди них началась чума, и они начали умирать.

Когда же взятые в плен были приведены в страну Хатти, тогда военнопленные привели с собой чуму в страну Хатти. И с того дня в сердце страны Хатти продолжают умирать от чумы.

И когда я нашел ту таблицу о стране Египта, я стал спрашивать у божества с помощью оракула: «Этот вопрос надлежит решить, узнав у Бога Грозы Хатти. Потому ли он рассердился, что люди Египта и люди Хатти были связаны клятвой перед Богом Грозы Хатти; потому ли, что демоны были в святилище Бога Грозы Хатти, господина моего, и что слово свое люди Хатти нарушили? Не по этой ли причине Бог Грозы Хатти, господин мой, рассердился?» Такой вопрос был задан оракулу.

И относительно жертвоприношения у реки Мала я спросил у оракула, не было ли его отсутствие причиной чумы. И оракул тогда определил, что я должен обратиться к Богу Грозы Хатти, господину моему. Смотрите же! Я признал свою вину перед Богом Грозы: «Это истинно так, мы это сделали». Но это не перед моим лицом совершилось, а произошло еще во время отца моего, и об этом я узнал теперь. Вот причина чумы: Бог Грозы города Хатти из-за того рассержен и оттого в середине страны Хатти умирают... Услышьте мою молитву. И уведите чуму прочь из страны Хатти!

Когда я задал вопросы оракулу и на них мне был дан ответ, тогда я стал давать возмещение за содеянное. И я постоянно буду давать возмещение.

С тех пор как оракул ответил о причине гнева божества, ставшего причиной чумы, я совершал жертвоприношения Богу Грозы города Хатти... Тебе,

Бог Грозы города Хатти, и совершал жертвенные обряды и буду их совершать. А что касается жертвоприношения у реки Мала, о котором оракул дал ответ, что и оно было причиной чумы, так я как раз иду сейчас походом к реке Мала, и позвольте мне, Бог Грозы города Хатти, и вы боги, мои господа, возместить тогда за не совершенное прежде жертвоприношение у реки Мала. Я совершу жертвоприношение у реки Мала, и я его выполняю, как должно. Я его совершу по причине чумы, и вы, боги, смиростивьтесь надо мною, и пусть в стране Хатти чума пройдет.

Бог Грозы города Хатти, господин мой, и вы, боги, господа мои, так все и совершается: кругом грешат. Вот и отец мой согрешил. Он нарушил слово, данное Богу Грозы города Хатти, господину моему. А я ни в чем не согрешил. Но так все совершается: грех отца переходит на сына. И на меня перешел грех отца моего. Но смотрите! Этот грех я признал воистину перед Богом Грозы города Хатти, господином моим, и перед богами, моими господами: «Это истинно так, мы это сделали».

Но после того, как я признал грех отца своего, да смягчится душа Бога Грозы, моего господина, и богов, господ моих. Смиростивьтесь теперь надо мной и изгоните чуму прочь из страны Хатти! И те немногие жрецы, приносящие в жертву хлеб, и те немногие жрецы, совершающие жертвенные возлияния, что еще остались в живых, пусть у меня больше не умирают.

Видите, из-за чумы я совершил молитву Богу Грозы, господину моему. Услышь меня, Бог Грозы города Хатти, господин мой, и оставь меня в живых! Я так тебе скажу об этом: «Птица возвращается в клетку, и клетка спасает ей жизнь. Или если

рабу почему-либо становится тяжело, он к хозяину своему обращается с мольбой. И хозяин его услышит его и будет к нему милостив: то, что было ему тяжело, хозяин делает легким. Или же если раб совершит какой-либо проступок, но проступок этот перед хозяином своим признает, то тогда что с ним хозяин хочет сделать, то пусть и сделает. Но после того, как он перед хозяином проступок свой признает, хозяин его смягчится, и хозяин этого раба не накажет. Я же признал грех отца моего: «Это истинно так. Я это сделал». Если же нужно возместить, то возмещение давно уже было сделано: эта чума и была многократным возмездием. Военнопленные, которых привели из Египта, и земледельцы, которых привели из Египта, с них все и пошло. То, чем город Хаттусас во время чумы возместил за грех, было двадцатикратным возмездием. И это совершается уже с давних пор. Но все же у Бога Грозы города Хатти, моего господина, и у богов, моих господ, душа не смягчилась. Если же вы от меня хотите особого возмещения, то скажите мне об этом посредством сна, и я вам дам это возмещение».

Услышь меня, я тебе молюсь, Бог Грозы города Хатти, господин мой. Оставь меня в живых! А если по этой же причине — потому, что возмещение еще не дано, — кругом умирают, то до тех пор, пока я не совершу всего необходимого, те немногие жрецы, приносящие в жертву хлеб, и те немногие жрецы, совершающие жертвенные возлияния, что еще остались в живых, пусть больше не умирают. Если же и по какой-либо другой причине кругом умирают, то пусть я это либо во сне увижу, либо пусть это будет открыто посредством оракула, либо пусть человек, одержимый богами, об этом скажет,

либо же я поручу всем жрецам, чтобы они спали на обрядово чистом ложе, дабы им это открылось. Бог Грозы города Хатти, господин мой, оставь меня в живых! И пусть боги, мои господа, явят мне божественное чудо. И пусть это чудо кто-нибудь из жрецов увидит во сне. По какой причине кругом умирают, пусть это станет известно. И на разящий серп мы наденем тогда чехол. Бог Грозы Хатти, господин мой, оставь меня в живых! И пусть чума будет уведена из страны Хатти.

Конец второй таблицы: «Как Мурсилис по поводу чумы молился богам».

РАССКАЗ МУРСИЛИСА О ТОМ, КАК ОН ПОТЕРЯЛ И ВЕРНУЛ СЕБЕ ДАР РЕЧИ

Так говорит Мурсилис, Мое Солнечное Божество, Великий царь. Я паправлялся в разрушенный город Кунну. Разразилась гроза. Бог Грома ужасающе прогремел. Я испугался. Слов, что были в моем рту, стало меньше, и слово с трудом выходило из моего рта. Но я не обратил тогда внимания на это свое состояние. Потом пришли и прошли годы. И так случилось, что это мое состояние стало мне сниться. И во сне меня коснулась рука бога, и дар речи от меня ушел. Я обратился к оракулу. Оракул ответил, что это был Бог Грозы города Мануцци. Соответственно этому я обратился к оракулу Бога Грозы города Мануцци. Тот мне ответил, что боже-ству надо дать обменного быка, дабы сжечь его в огне, и птиц, чтобы сжечь их. Тогда я обратился к оракулу с вопросом по поводу обменного быка. Оракул мне ответил, что его надо привести в назначенное место в стране Куманни в храм божества. Тогда обменного быка украсили. И я, Мое Солнце, положил свою руку на него. И быка повели в страну Куманни. Я же, Мое Солнце, перед ним склонился. В тот самый день, когда украшали обменного быка, я, Мое Солнце, совершил омовение. Перед этим же, в предыдущую ночь, я, Мое Солнце, избегал женщины. Когда же наутро рано я, Мое Солнце, совершил омовение, после того только я, Мое Солнце, наложил руку на обменного быка.

Когда же обменного быка увели, я, Мое Солнце, после отправления обменного быка семь дней совершал омовения в обрядово чистой воде. Когда я наложил руку на обменного быка, тогда же были отправлены прочь те праздничные одежды, которые я в тот день, когда прогремел Бог Грома ужасающе, надевал, а вместе со всеми этими одеждami были отправлены прочь пояс, кинжал и обувь. И их унесли прочь. Также и запряженную колесницу вместе с луком, колчаном и конями они отправили. И их увели прочь. Тот стол, за которым я обычно ел, ту чашу, из которой я пил, и то ложе, на котором я обычно лежал, и тот кувшин для воды, которым я пользовался при умывании, и вся та утварь, какую только можно назвать, всем этим впредь нельзя было пользоваться,— так определил оракул божества. Праздничные одежды, колесницы и кони были взяты прочь по этому слову божества. Те же одежды, в которых я был в тот день, когда Бог Грома прогремел ужасающе и когда разразилась гроза, и ту колесницу, на которой я в тот день стоял, все те одежды и ту запряженную колесницу, все это отправили прочь...

АВТОБИОГРАФИЯ ХАТТУСИЛИСА III

Так говорит Табарна Хаттусилис, Великий царь, царь страны Хатти, сын Мурсилиса, Великого царя, внук Суппилиумаса, Великого царя, царя страны Хатти, потомок Хаттусилиса, царя города Куссара.

Я говорю о божественном чуде Иштар. Да услышит о ней человечество. И в будущем среди богов Моего Солнца, сына, внука и потомства Моего Солнца да будет оказываться почтение Иштар.

Отец мой Мурсилис породил нас четверых детей — Хальпасулуниса, Муваталлиса, Хаттусилиса и дочь по имени «Рабыня богов». Из них всех я был самым младшим. И когда я еще был ребенком и у меня была придворная должность конюшего, богиня Иштар, госпожа моя, Мурсилису, отцу моему, посредством сна послала брата моего Муваталлиса с такой вестью: «Года Хаттусилиса коротки. Не жить ему. Но мне отдай его. И да будет он моим жрецом. Тогда он останется в живых». И мой отец взял меня еще ребенком и отдал меня боже-ству в услужение. И, служа боже-ству как жрец, я совершал жертвенные возлияния. И так, когда в руку свою меня взяла богиня Иштар, госпожа моя, я увидел благоденствие. И Иштар, госпожа моя, взяла меня за руку, и она мне являла свое божественное чудо.

Когда же отец мой Мурсилис стал богом и мой брат Муваталлис сел на трон своего отца, я перед лицом своего брата стал военачальником. И брат

мой поставил меня главным над придворными — мешеди, и он мне дал в управление Верхнюю страну. И тогда я стал править Верхней страной. Но передо мной Армадаттас, сын Цидаса, правил ею. И оттого что богиня Иштар, госпожа моя, оказывала мне милость и брат мой Муваталлис был ко мне расположен, когда люди увидели милость ко мне Иштар, госпожи моей, и расположение брата моего, они мне позавидовали. И Армадаттас, сын Цидаса, и другие люди начали строить козни против меня. И они зло мне причинили. И я попал в беду. Брат мой Муваталлис предназначил меня к испытанию у колеса. Иштар же, госпожа моя, мне во сне явилась, и мне она посредством сна сказала вот что: «Злому божеству разве я тебя отдам? Ты не бойся». И я от наваждения злого божества очистился. И оттого, что меня богиня, госпожа моя, держала за руку, она никогда не отдавала меня ни злому божеству, ни злому суду. И оружие врага моего меня не могло поразить. Иштар, госпожа моя, оберегала меня от всех напастей. Если я заболел, даже больной я видел божественную власть Иштар. Богиня, госпожа моя, всегда держала меня за руку. Я был тем человеком, кому была явлена власть богини, и перед лицом богов в божественном чуде я шел. Мне не случалось делать дурного дела человеческого. Божество, госпожа моя, оберегала меня ото всех напастей. Разве не так это было? Иштар, госпожа моя, мимо меня не проходила во время, когда было страшно. Врагу меня она не оставила, и тому, кто со мной по суду тягался, завистникам моим она меня не оставила. Кто бы ни угрожал мне — враг, противник по суду или решение царского двора, — Иштар, госпожа моя, держала щит ото всех. И она от всего оберегала меня. Врагов

моих и завистников Иштар, госпожа моя, в руку мне положила, и я покончил с ними.

Когда же брат мой Муваталлис увидел, в чем было дело, и по поводу меня никаких дурных мыслей у него не осталось, он призвал меня обратно. И он дал мне под начало пешее войско и колесницы страны Хатти, и я правил всем войском страны Хатти. И меня мой брат Муваталлис часто отправлял в походы. А оттого, что Иштар, госпожа моя, ко мне благоволила, я свой взгляд храбро обращал на враждебную страну, а на меня враг не смел взглянуть. И я побеждал все новые и новые вражеские страны. Со мной было благоволение Иштар, госпожи моей. И какой бы враг ни был тогда в пределах земель Хатти, я его изгнал из земель Хатти. А о всех тех вражеских странах, что я победил, пока еще был молодой, об этом я составлю особую клинописную табличку, и я ее помещу во храме перед лицом божества.

Когда же мой брат Муваталлис по слову божества, своего покровителя, пошел в Нижнюю страну и оставил Хаттусас, мой брат взял с собой богов Хатти и изображения мертвых царей, и он перенес их в Нижнюю страну. И снова тогда страна Каска, страна Писхуру, страна Исхунитта и страна Даистинасса восстали. И они взяли себе страну Ландас, страну Марикта и укрепленные города. И враг перешел реку Марассанда... и стал нападать на страну города Канес. Жители городов Курустамас и Гацпурас в своих областях против страны Хатти стали воевать, и они стали нападать на опустошенные города Хатти. Враг же из страны Дурмитта начал нападать на страну Тахуиния. А из-за того, что страна Иппассанема была опустошена, враг оттуда стал совершать набеги на страну Суватара.

И только два города —...и Истахараса — избежали этой участи. Но в тех областях, которые были отторгнуты врагом, десять лет еще потом не сеяли. Далее, в те годы, когда брат мой Муваталлис был в стране Хатти, все области страны Каска стали вести войну, и они разорили страну Садупна и страну Данкува. И тогда брат мой Муваталлис послал меня в бой и определил мне ставку в Паттияриге. Но он мне дал мало пешего войска и колесниц. Но я взял с собой немного вспомогательных отрядов из запасных войск страны. И я пошел в поход, и я оттеснил врагов в город Хахху, и я дал им сражение. И Иштар, госпожа моя, мне споспешествовала, и я их разбил. И я увековечил себя той победой. И каждого хетта, которого враг держал у себя, я взял от него прочь и снова поселил его на прежнем месте. А помощников врагов я взял и отправил их к моему брату. И это был мой первый подвиг мужа. Иштар, госпожа моя, в этом походе в первый раз возвестила мое имя.

Так случилось, что враг из Писхуру снова вторгся, и Карахна и Маришта были посреди враждебной земли, и с одной стороны Таннаста была его границей, а с другой стороны Тальмалня был его границей. Колесниц у него было восемьсот, а его пешему войску не было счета. Но меня мой брат Муваталлис послал ему навстречу, и мне он дал сто двадцать колесниц. А из пеших воинов со мной не было ни одного. И мне тогда Иштар, госпожа моя, споспешествовала. И теми лишь силами, что у меня были, я победил врага. Когда я поубивал каждого, кто помогал врагу, враг бежал. Жители же городов, которые были отторгнуты от страны Хатти, снова выступили, и они стали нападать на врага. И я увековечил себя победой в Виставанде. Со мной

было благоволение Иштар, госпожи моей. Оружие же, которое у меня было в том сражении, я украсил золотом богато, и я его положил перед богиней, моей госпожой.

За мной следом пришел мой брат Муваталлис и отстроил заново города Анциллию и Тапикку. И он ушел прочь, близко ко мне он не подошел. Войска и колесницы страны Хатти, которые он перед тем прислал, он увел прочь. Потом он собрал вместе в одном месте богов города Хатти и изображения мертвых царей и отправил их вниз, в город Даттассу, после того, как он взял этот город Даттассу, а потом он в нем расположился. Но он не пошел к городам Дурмитте и Курустаме. В тех странах меня он оставил. Он отдал мне эти разоренные земли, чтобы я ими управлял. Я правил страной Исхупитта, страной Мариста, страной Хиссасхапа, страной Катапа, страной Ханкана, страной Драхна, страной Хаттена, страной Дурмитта, страной Пала, страной Тумана, страной Гассия, страной Саппа, страной Желтой Реки, всеми колесницами и всеми людьми золотого копья. Страну же Хакписса и страну Истахарас он мне отдал в подданство, и в стране Хакписса он сделал меня царем. И в тех разоренных землях, которые он мне отдал из-за того, что Иштар, госпожа моя, меня за руку взяла, одних врагов я покорил, другие заключили со мной мир. И Иштар, госпожа моя, мне помогала. Эти опустошенные земли я сам вновь заселил, и я их снова сделал хеттскими.

Когда так случилось, что брат мой однажды пошел походом на Египет, тогда население, пешее войско и колесницы этих земель, которые я снова заселил, я повел в поход против Египта на помощь своему брату. Перед лицом своего брата я ведал

пешим войском и колесницами страны Хатти, и ими я правил. Когда же Армадаттас, сын Цидаса, увидел благосклонность ко мне Иштар, госпожи моей, и моего брата, он несколько не стал мне содействовать. Напротив, он вместе с женой своей и сыновьями меня стал околдовывать. Самуху, город божества, он наполнил колдовством. Когда же я шел походом обратно из Египта, я пошел в город Лаванцию, чтобы совершить жертвенные возлияния богине, и я поклонился богине. И по слову богини я взял в жены Пудухепу, дочь Пентисарриса, жреца. И мы соединились с нею, и нам божество дало любовь мужа и жены. И у нас родились сыновья и дочери. Потом богиня, госпожа моя, мне сказала: «Ты со своим домом иди ко мне в услужение». И вместе с домом я перешел под защиту божества. И к нам в дом, который мы устроили, божество пришло.

Когда же Хакписса восстала, я изгнал прочь людей страны Каска, и я их покорил. И я стал царем страны Хакписса, а ты, Пудухепа, стала царицей страны Хакписса.

Когда же так случилось, что из царского дворца пришло судебное обвинение, Иштар, госпожа моя, знамением своим явила в то время божественное чудо. И она на судебное обвинение послала ответное обвинение. Армадаттаса вместе с его женой и сыновьями уличили в колдовстве, и ему представили обвинение. Он наполнил колдовством Самуху, город божества. И его передо мной богиня, госпожа моя, унизила. Брат мой его передал мне и сказал: «Сиппацитис в этом не замешан». И оттого, что мой брат меня, невинного, сделал победителем в судебном споре, я Армадаттасу в ответ не сделал зла. И поскольку Армадаттас был моим родственником,

и он был уже стариком и был больным человеком, я его отпустил. Я отпустил и Сипнацитиса. Отпустив их и ничего им не сделав, я послал Армадаттаса и его сына на остров Аласия, я взял половину его имущества, а половину отдал назад Армадаттасу.

...И мой брат умер. Из почтения к своему брату я тогда не сделал ничего дурного. В то время у моего брата не было законного сына. Я взял Урхитессупа, сына второй жены брата, и я его поставил господином в стране Хатти. И я дал ему в руки все войско. И в землях Хатти он был Великим царем. Я же был царем в Хакписса. И я ходил в поход с пешим войском и с колесницами. И поскольку город Нерик с дней Хантилиса был разрушен, я его взял и отстроил заново. Все страны, что соседствуют с Нериком и граничат с городами Нерой и Хассурой, все те страны я покорил и их сделал данниками.

...Когда же Урхитессуп увидел такое расположение божества ко мне, он мне позавидовал и стал чинить мне зло. Он отнял у меня всех моих подданных. Он отнял у меня Самуху. Опустошенные земли, что я заселил снова, все их у меня он отнял, и он меня унизил. Но по слову бога Хакписсу он у меня не отнял. Потому что я был жрецом Бога Грозы города Нерика, поэтому он не взял его прочь от меня. А я не сделал ничего дурного из почтения к своему брату. Семь лет я все терпел. Но он по слову бога и по слову человека стремился меня погубить. И он отнял у меня город Хакписсу и город Нерик. Тогда уже больше я не стерпел. И я с ним стал воевать. Но когда я с ним стал воевать, я не сделал ничего, что оскверняет. Разве я восстал против него в колеснице или во дворце восстал против

него? Я объявил ему войну, как подобает врагу: «Ты со мной враждовал. Теперь ты Великий царь. Я же царь одной крепости, что ты мне оставил. Иди! Иштар города Самухи и Бог Грозы города Нерика рассудят нас по суду». Когда я так писал Урхитессуну, если бы кто-нибудь в это время сказал мне: «Зачем раньше ты его поставил на царствование? И почему сейчас ему ты пишешь о войне?», то я бы ответил: «Если бы со мной он сам не стал враждовать, разве боги унизили бы праведного Великого царя перед малым царем? Но теперь из-за того, что он враждовал со мной, боги по суду его унизили передо мной». И когда эти слова я ему объяснил — «Иди!» — он перешел Марассанду и прошел в Верхнюю страну. И с ним был Сиппацитис, сын Армадаттаса. И он ему велел собрать войска Верхней страны. Но из-за того, что тот был ко мне дурно расположен, он не имел успеха.

Богиня Иштар, госпожа моя, еще до того мне обещала царствование. А в то время Иштар, госпожа моя, явилась моей жене во сне и сказала ей: «Я помогу твоему мужу. И всю страну Хатти поведет твой муж. Я его возвысила. Я его никогда не отдавала ни злomu суду, ни злomu божеству. Теперь я его вознесу. Я его поставлю жрецом Солнечной Богини Аринны». И Иштар, госпожа моя, богиня-покровительница, мне помогала. И что она мне сказала, так все и случилось. И Иштар, госпожа моя, многими знаменьями являла мне божественное чудо. Тем сановникам, которых Урхитессун когда-либо отстранил, им она являлась во сне, говоря: «Ваша сила вам возвращается. Я, Иштар, повернула все земли Хатти на сторону Хаттусилиса». И тогда я много раз видел проявления божественной власти Иштар. Раньше она никогда не оставляла Урхитес-

супа, а теперь она заперла его в городе Самухе, как свинью в хлеву. А меня поддерживали даже те люди из племен Каска, что были прежде враждебны. И весь Хаттусас поддерживал меня. А я из почтения к своему брату не сделал ничего дурного. В город Самуху к Урхитессупу я пошел, и его как пленника я вниз доставил, и я ему дал укрепленные города в земле Нухассе, и он там остался. Он было замыслил другой замысел и чуть было не отправился в страну Карадуния, но я об этом деле услышал, и я его схватил, и я послал его на ту сторону моря. А Сиппацитиса отослали за границу, и я взял его владения и передал их Иштар, госпоже моей, со словами: «Это я дал Иштар, госпоже моей; Иштар, моя госпожа, вела меня вверх от почести к почести».

Я был царевичем, и я стал главой придворных — мешеди. Я был главой придворных—мешеди, и я стал царем Хакписса. Я был царем Хакписса, и я стал Великим царем. Иштар, госпожа моя, мне моих завистников, врагов и противников по суду в руки отдавала. Кто из них умер, сраженный оружием, кто умер в назначенный ему день, но я с ними со всеми покончил. И мне Иштар, госпожа моя, дала царскую власть над страной Хатти, и я стал Великим царем. Она меня взяла царевичем, и меня, Иштар, госпожа моя, к царствованию допустила. И те, кто был хорошо расположен к царям, правившим до меня, те и ко мне стали хорошо относиться. И они стали мне посылать послов и посылать мне подарки. Но те дары, что они посылают мне, они не посылали ни моим отцам, ни моим дедам. Те цари, которые должны были меня почитать, меня почитали. Те страны, что были мне враждебны, я покорил. Край за краем я присоединил к землям Хатти. Кто враждовал с моими отцами

и дедами, те со мной заключили мир. И оттого, что Иштар, госпожа моя, ко мне благоволила, я из почтения к своему брату не сделал ничего дурного. Я взял сына своего брата и поставил его царем в том самом месте, в Даттасе, который был владением моего брата, Муватааллиса. Иштар, госпожа моя, ты меня малым ребенком взяла, и ты поставила меня царствовать на престол страны Хатти. Я же дал Иштар имущество Армадаттаса. Я его отнял у Армадаттаса и ей передал. Что было у него раньше, то я ей передал. Что у меня было, я ей тоже отдал. Я взял это от себя и отдал божеству. Имущество Армадаттаса я дал ей, а в городах, что принадлежали Армадаттасу, устроят посвященные ей храмовые хозяйства, где будут потрясать сосудами для возлияний. Иштар — моя богиня, и да будут совершены жертвенные возлияния в честь прославляемой Иштар. И какие царские усыпальницы с их храмовыми хозяйствами я ни построил, я их передал богине. И сына моего Тутхалияса я передаю тебе в услужение. Пусть сын мой Тутхалияс правит домом богини Иштар. Я раб богини, пусть и он будет рабом богини. В храмовых хозяйствах, что я дал богине, пусть богине он все совершает обряды.

Если кто в будущем отстранит потомка Хаттусилиса и Пудухепы от службы Иштар или пожелает амбаров, кладовых, владения, утвари, гумна, принадлежащего Иштар из Самухи, то пусть Иштар из Самухи будет его противником по суду. Пусть никто не облагает потомка Хаттусилиса и Пудухепы налогами и не требует от него повинности.

В будущем тот сын, внук или потомок Хаттусилиса или Пудухепы, кто взойдет на престол, пусть среди богов почитает Иштар.

МОЛИТВА ПУДУХЕНЫ

Молитва Солнечной Богине города Ариины, моей госпоже, хозяйке страны Хатти, царице Неба и Земли.

О Богиня Солнца города Ариины, царица всех стран! В стране Хатти тебя зовут именем Богини Солнца города Ариины. Но в той стране, которую ты сделала Землей кедров, тебя зовут именем Хебат. Я, Пудухена, издавна твоя служанка, я телка из твоего коровника, я камень в основании твоего храма! Ты, госпожа моя, воспитала меня, а Хаттусилис, твой слуга, за которого ты меня выдала замуж, был предан Богу Грозы города Нерика, твоему любимому сыну. Место, которое ты, Богиня Солнца города Ариины, моя госпожа, определила для нас, было святилище Бога Грозы города Нерика, твоего любимого сына. Ты знаешь, Богиня Солнца города Ариины, моя госпожа, что прежние цари пренебрегли тем святилищем. Прежние цари допустили опустошение тех земель, которые ты, богиня Солнца города Ариины, моя госпожа, дала им.

...Когда Хаттусилис был царем только в области города Нерика и в области города Хакписса, он сам и его пешие воины сражались, пока Муваталлис вел войну с Египтом.

Но когда Муваталлис, твой слуга, стал богом, Хаттусилис взял Урхитессупа, сына Муваталлиса, и сделал его царем. Ты знаешь, моя госпожа, Сол-

печная Богиня города Аринны, как Урхитессун оградила власть Хаттусилиса городом Периком. Ты знаешь, Солнечная Богиня города Аринны, моя госпожа, как Урхитессун изводил господина и как он собрал всех военачальников: «Пошли! Идем на Перик!»

Этот человек не боялся тогда разорения и запустения Нерика: «Пусть будет смерть в Нерике! Пусть Нерик опять будет в запустении!»

...Так, как подобает совершать очистительные жертвоприношения, так, как вы, боги, хотите, чтобы вам поклонялись, так, как подобает присутствовать на ваших праздниках, мы и будем совершать очистительные жертвоприношения, мы и будем поклоняться вам, боги, мы будем присутствовать на обрядах и праздниках, что вам положены, боги. А те ваши праздники, боги, которыми было пренебрегали, те старые праздники, ежегодные и ежемесячные, их для вас будут праздновать, боги! Вашими праздниками, боги, никогда впредь не пренебрегут! Все дни наши мы, ваш слуга Хаттусилис и ваша служанка Пудухепа, будем поклоняться вам!

Вот о чем я, Пудухепа, твоя служанка, молюсь перед тобой, Солнечная Богиня города Аринны, госпожа моя, хозяйка земель страны Хатти, царица Неба и Земли! Солнечная Богиня города Аринны, моя госпожа, смилостивься надо мной, услышь меня! Люди говорят: «Божество исполняет желание женщины, когда она мучится при родах». А я, Пудухепа, женщина, мучаюсь при родах, и я посвятила себя твоему сыну, так смилуйся надо мной, Солнечная Богиня города Аринны, госпожа моя! Исполни то, о чем я прошу! Подари жизнь Хаттусилису, твоему слуге! Пусть долгие дни и годы ему дадут Богини Судьбы и Богиня-Матерь. Ты же,

высокое божество, среди богов выше других, и все боги тебя слушают, и никто не обратится к тебе безответно.

В собрании всех богов попроси у них жизнь Хаттусилису! Пусть твою просьбу встретят благоприятно. Ты же, Богиня Солнца города Аринны, моя госпожа, показала мне свою милость, а добро страны и всей земли нашей близко твоему сердцу, мы всей моей семьей будем тебя чтить и тебе поклоняться. Я хочу смягчить твою душу, Богиня Солнца города Аринны, моя госпожа, услышь же то, о чем я тебе молюсь сегодня! Сделай же то, о чем я прошу! Пусть боги не отвергнут мольбы моей!..

НАЗИДАТЕЛЬНЫЙ РАССКАЗ О МАСТУРИСЕ

Не поступай подобно Мастурису. Тот самый Мастурис был царем страны реки Сеха. Муваталлис его взял и сделал своим зятем. Он ему дал в жены свою сестру по имени «Рабыня богов», и он его поставил на царствование в стране реки Сеха. Но когда Муваталлис стал богом, тогда Урхитессупа, сына того Муваталлиса, который его взял и сделал своим зятем, он его не защитил, но он замыслил заговор, и он выступил в поддержку своего отца. А я ему говорю: «Мой побочный сын — мой наследник, так защищай же моего побочного сына, смотри, ты не поступай подобно Мастурису!»

СОН ХЕТТСКОЙ ЦАРИЦЫ

Сон царицы, приснившийся ей в городе Анкуве: «Во сне в мои покои вошел кто-то, похожий на царевича, и ко мне он обратился так: «Подойди ко мне! Я тебе покажу, что в твоём доме неладно!» И он отвел меня в какое-то место. Там очень глубокие погреба. Но те погреба как прежде были опустошены, так и остались пустыми. И там стояло что-то похожее на лари. В тех ларях старые сыры, старые смоквы, старый изюм сгнили совсем. А тот царевич мне и говорит:

«То, что раньше было здесь,

Все уже опустошили

И очистили потом».

И там все на самом деле опустошили, а потом очистили по обряду.

Потом он меня повел еще в какое-то другое потайное место. Там, где обычно богам совершают жертвенные возлияния и где богам накрывают стол, там тоже лари оказались не в порядке. В одном ларе что-то подобное сосуду аганни, но он был наполнен запасами шерсти. В другом ларе камень кириини и драгоценные камни. А в следующем ларе очень большая овца, которая вся светится. А маленькая овца совсем тощая. Маленькая овца величиной с пальчик. И царица перед ней сказала: «Что это?»

РАССКАЗ СУППИЛУЛИУМАСА II О БОЕ ЗА КИПР

И моря быстро достиг я, Суппилулиумас, Великий царь.

И против меня трижды корабли страны Аласия посередине моря выходили на бой. И я их уничтожил. Корабли же я захватил и их посередине моря сжег.

Когда же с оружием в руках на берег с кораблей мое войско высадилось, тогда вражеские силы страны Аласия все вместе вышли на битву со мной. И я их поразил.

ЗАКЛИНАНИЕ

Если ребенок страдает болезнью желудка или если кто-нибудь из взрослых страдает болезнью, то тогда такое заклинание говорят по-лувийски:

«В реке за хвост связали змей,
В реке одетых жен связали.
Друзей связали там за платье!»

ИЗ НОВОХЕТТСКИХ И ЛУВИЙСКИХ РИТУАЛОВ

РИТУАЛ СТАРОЙ ЖЕНЩИНЫ

1

...Старая Женщина берет две фигурки из теста и держит их перед Богом Солнца. Она совершает жертвенное возлияние и говорит такое заклинание: «О Господин Божественный, ты освободил этого человека от врагов, от ненавистников, от колдунов, от злоречья всех жителей страны, от заклятия. Человека, для кого мы совершаем обряд, ты освободил ото всех, кто его запятнал, ото всех, кто его загрязнял. Пусть это изображение — вместе с ним плоть этого человека, кости его, имя его, возраст его, юность его — по нитке цветной шерсти пройдет дорогой богов. И пусть врага, что ему грозил колдовством и заклятием, если он живой, поразит вверху Бог Солнца, а если враг мертвый, то врага поразит Земное Солнце...»

2

...Я избавила его ото всего этого. Я, Старая Женщина, все это стерла прочь: гневный взгляд жителей страны, царя и царицы, города, отчего дома, главных людей в городе, градоначальника, правителя области, сыновей дворца, гневный взгляд

я взяла прочь. Я стерла прочь пристальный гневный взгляд совета, который было уже готов был собраться для суда, и я избавила его от сглаза домочадцев...

РИТУАЛ ТУННАВИ

Так говорит Туннави, Старая Женщина. Если человека, будь то мужчина или женщина, коснулась обрядовая нечистота, или кто-нибудь о нем сказал, что он осквернен, или у женщины дети постоянно умирают, или у нее рождаются недоношенные дети, или у мужчины или у женщины из-за обрядовой оскверненности нет потомства, если такой человек видит свою оскверненность, тогда такой человек, будь то мужчина или женщина, совершает обряд освобождения от нечистоты следующим образом.

Этот обряд называют обрядом Реки. И все, что следует дальше, это все один обряд.

...Когда Старая Женщина приходит на берег реки, она отламывает тонкий кусок хлеба для Божества Берега Реки, и она кладет его на берег реки, и она разбрасывает муку и куски пирога на берег, и льет на берег вино, и говорит:

«Божество Берега Реки! Смотри! Я пришла к тебе. И ты, Божество Реки, с берегов которой взята эта глина, возьми ее в свою руку, и очисти этого человека глиной; очисти все двенадцать частей его тела!» И жрица берет глину с берега реки. И потом она идет к источнику. Она отламывает тонкий кусок хлеба, и она кладет его на грязь возле источника, и она разбрасывает куски пирога и муку, льет на них вино и говорит:

«Как ты, Источник, уносишь грязь из Темной Земли, так же из тела этого человека, для которого совершается обряд, унеси злую нечистоту!»

...Потом она берет черную овцу и поднимает ее над человеком, для которого совершается обряд, и Старая Женищина, поднимая ее, произносит заклятие:

«Бог Грозы, о благосклонный,
С неба в гости к нам приди.
Сверху с неба, вниз на землю,
Бог Грозы, ты послени!»

Потом она поднимает маленького поросенка над ним, и она произносит заклятие, положенное при принесении в жертву поросенка. Потом она поднимает маленького щенка, и она произносит заклятие, положенное при принесении в жертву маленького щенка...

Потом она берет голубую шерсть и красную шерсть, которая намотана на тело заколдованного, и, разматывая, она говорит так:

«От колдовства тех, кто его сделал темным, кто тело его сделал жестким, оскверненным, или тех, кто сделал его нечистым перед богами, или тех, кто сделал его нечистым перед призраками мертвых, или тех, кто сделал его нечистым перед живыми людьми,— от их колдовства я его освобождаю, очищаю его.

И от него прочь я беру оскверненность, с двенадцати частей его тела я беру злую нечистоту, колдовство, грех, гнев богов я беру прочь, страх перед призраками мертвых я беру прочь, и злоречье всех живых людей я беру прочь».

И с этими словами она кладет на поднос голубую шерсть и красную шерсть...

Когда боги взяли Небо и Землю, они их разделили между собой, и боги Верхнего Мира взяли себе Небо, а боги Нижнего Мира взяли себе Землю и Нижний Мир. Каждый взял себе свое.

А ты, Бог Реки, взял себе очищение, жизнь потомства и силу плодородия. Если один человек другому скажет, что ему стало тяжело, то он придет к тебе, и к богиням Судьбы Берега реки, и к Богиням-Защитницам, которые создали человека...

ОБРЯД ДУХУ ЧУДЕС

Потом Старая Женщина совершает возлияние Духу Чудес. Она кладет сосновые шишки на большую сковороду, а поверх них разбрасывает зерна, и их поджаривает на сковороде. Потом она заливает загоревшиеся шишки водой и говорит: «Как я потушила этот огонь, так пусть зло погаснет и не вредит больше тому, ради кого мы совершаем обряд!»

Шарики из теста, лук с тугой тетивой, три стрелы и меховую одежду — все это она кладет на камышовый поднос.

Она берет веревку и набрасывает ее на того, ради кого совершают обряд,— веревка опутывает от ног его до головы. И веревкой она обвязывает его спину. Потом она снимает с него веревку, кладет ее на камышовый поднос и говорит:

«Расслабь напряжение у его головы, рук и ног, причиной чему было зло! Пусть это напряжение, причиной чему было зло, перейдет к его жестоким врагам! А ему самому дай жизнь, упорство и много-

летие!» Она совершает такой же обряд над тетивой лука и произносит такое же заклинание.

Потом она так же закликает меховую одежду и говорит: «Так же как скорняки скребут шкуру и очищают неровные места, и скребут до белизны, так пусть боги очистят этого человека и удалят болезнь с его тела!

Дух Чудес! Больше не терзай этого человека!
Перенеси все зло на эту меховую одежду!»

Она перевязывает маленький кусочек олова тетивой и привязывает его к правой руке и к правой ноге того, для кого совершается обряд. Потом она снимает кусок олова, перевязанный тетивой, с правой руки и с правой ноги человека и привязывает этот кусок к мышце, говоря:

«Я зло сняла с тебя
И привязала к мышце,
Пусть мышшь уносит зло,
Пусть мышшь уходит в путь,
В далекий путь — к горам,
За горы и за доли!»

И Старая Женщина отпускает мышшь, говоря: «Дух Чудес! Отправляйся за этой мышью! Я угощу тебя козленком!»

Она воздвигает алтарь из дерева и надламывает жертвенный хлеб для богов, покровителей Духа Чудес, она надламывает жертвенный хлеб для самого Духа Чудес, она надламывает жертвенный хлеб для Богини-Матери, и она кладет хлебы на алтарь.

Потом она приносит в жертву Духу Чудес козленка, говоря: «Угощайся!» Она закалывает козленка и отделяет от козленка правую лопатку. Она поджаривает ее на огне и кладет ее на алтаре поодаль от хлебов. И так же она приносит в жертву печень.

Левую лопатку козленка она тоже поджаривает и кладет ее на алтарь, посвященный богам Духа Чудес. Она кладет верхнюю часть ноги на алтарь Духа Чудес. А нижнюю часть — на алтарь Богини-Матери. И она совершает жертвенное возлияние.

Потом она так же приносит в жертву сердце козленка. Она помещает козлиную ногу и половину головы козленка на алтаре богов, покровителей Духа Чудес. Она кладет другую часть головы на алтарь самого Духа Чудес, а внутренности козленка — на алтарь Богини-Матери. И после этого она совершает жертвенное возлияние.

Потом варят козленка в котле, и все едят и пьют. А потом она рассыпает серебро, золото, лазурит, вавилонский камень, железняк, камень жизни, камень парасхи, железо, олово, медь и бронзу — всего понемногу, говоря:

«Дух Чудес! Я дала тебе серебро, золото, лазурит! Ступай же! Скажи обо мне доброе слово богам.

...Дозволь мне предстать перед тобою! А если кто-либо скажет обо мне дурное слово, ты, всесильный, скажи тогда обо мне доброе слово перед всеми богами!»

А когда она приходит домой, она берет вечно-зеленое дерево — наверху оно остается как было, а у корня его подрезает — и водружает его справа от первых ворот дома. А под деревом она ставит котел для жертвоприношений.

ОБРЯД ОЧИЩЕНИЯ БОГА И ЧЕЛОВЕКА ОТ ЗАКЛЯТИЯ

Ради царя жрица Старая Женщина и ее помощники лечат травами того, кто был заклят словами хулы. И ради того, чтобы утварь царицы была очи-

ицена, они лечат этого человека травами. Жрица Старая Женищина передает сорную траву тому, кто держит в руках во время обряда утварь царицы, и, передавая ему сорную траву, она говорит так:

«Если кто-либо перед лицом бога сказал в злости: «Пусть несчастье и хула войдут в этот храм и вырастут в нем как сорная трава! Пусть они расцветут здесь как сорняки и рассеются повсюду! И пусть никто не сможет вырвать их, как сорняки, с корнем!» — На это говорю я вот что:

Бог срезал цветущий сорняк,
Который разросся кругом.
Бог срезал цветущий сорняк,
Как злаки срезают серпом.
Развеян, как пепел, сорняк.
Как пепел, развеют пускай
Заклятья и злые слова,
Пусть не существуют они
Для бога и для человека!
Бог освободится от них
И освободит человека!
Бог в пепел сорняк обратил,
Пусть пеплом же станут заклатья!
Пусть будут свободны от злых
Заклятий и боги и люди!»

После этого жрица Старая Женищина вручает луковицу тому, кто держит утварь царицы, и, вручая ему луковицу, она говорит так:

«Если перед лицом бога кто-нибудь скажет так: «Как эта луковица состоит из частей, вложенных друг в друга так, что их нельзя разъединить, так же пусть будут зло, проклятие, хула и нечистота завернуты, как в луковице, вокруг этого храма».

Но смотри: я отделила части луковицы друг от друга, и от нее остался только жалкий стебель.

Так же пусть злое слово, проклятие, хула и нечистота будут сняты с храма бога! Пусть бог и человек будут от этого свободны!»

А потом жрица Старая Женщина вручает тому, кто держит утварь царицы, веревку, закрученную влево. И пока эту веревку ему передают, она говорит так:

«Если кто-нибудь посягнул на бога злым словом, закланием, хулой, проклятием и закрутил их, как части веревки, вместе, и если веревка та была закручена влево, я ее теперь раскрутила вправо.

Веревка закручена влево,
Я вправо ее раскручу.
Заклятья и злые слова
Пусть не существуют для бога!
Пусть будут свободны от злых
Заклятий и боги и люди!»

После этого помощники жрицы делают водоем перед храмом и прорывают небольшой канал, ведущий от водоема к реке. В водоем они пускают лодку, отделанную серебром и золотом. Они делают образы Клятв и Проклятий из серебра и золота и кладут их в лодку. Потом лодка плывет из водоема в реку по каналу. Когда лодка исчезает из виду, жрица Старая Женщина говорит так:

«Как лодку река унесла,—
Следов не найти ее больше! —
Так точно река унесет
Всех тех, кто виновен в закланьях,
Кто злые слова говорил,
Злословил в присутствии бога!
Как лодки следов не найти,

Зло не существует для бога!
Пусть будут свободны от злых
Заклятий и боги и люди!

Смотри же! Я нашла благовонного масла и меда
для них. След умащен благовониями и медом!

Пусть злые слова уплывут
В далекие страны, за море!
Вспять не обратится река,
Обратно пусть не приплывут
Заклятья и злые слова!»

После этого человек, для кого совершают обряд,
поднимает кусок серебра весом в три шекеля, и из
кувшина жрица льет воду на этот кусок серебра.
Пока это совершается, жрица Старая Женщина
говорит так:

«Где сказано слово дурное,
Земля да поглотит его,
Как в Темную Землю уходит
Вода, поглощенная ею!
Пусть будут свободны от злых
Заклятий и боги и люди!»

За царя тот, кто его представляет при соверше-
нии обряда, дает быка, а за утварь царицы — ко-
рову, овцу и козу. Пока приводят быка или корову,
жрица Старая Женщина говорит так:

«Каким бы злым словом, хулой, проклятием
и нечистотой бог ни был задет, пусть эти бык, ко-
рова, овца и коза унесут их от бога!

Пусть будут свободны от злых
Заклятий и боги и люди!»

После этого тот, кто представляет царя или ца-
рицу при совершении обряда, поет песню и совер-
шает жертву маленьким хлебцем и сыром.

ОБРЯД ИЗБАВЛЕНИЯ ОТ КОЛДОВСТВА

...Жрица Старая Женщина достает грязь с земли возле источника и прикладывает ее к больному. Потом мы снимаем эту грязь с него. Она бросает грязь в яму, вырытую в земле, со словами: «Так же как Источник принес эту грязь из Нижнего Мира, а люди передали ее больному, так же принеси ему теперь исцеление и силу!»

Потом она берет виноградное сусло, оставшееся после приготовления вина, и прикладывает его к больному, а сама она идет в виноградник, берет жертвенный хлеб, разбрасывает вокруг крошки и говорит так:

«Угощайтесь, Боги Деревьев! Как благодаря вам, боги, исчезает до конца виноградный сок, так пусть исчезнет и зло этого человека!»

Она берет по ветке с каждого дерева, слетает их и бросает в реку. Она идет назад, к глиняной яме, кладет в нее надломленный хлеб для Духов Глиняной Ямы и говорит им так:

«О вы, Духи Глиняной Ямы! Если жестокий колдун отдал образ этого человека глиняной яме или течению реки, верните ему его образ!»

Но все, что Жрица уносила с собой в открытое поле, она теперь несет обратно в город, и там прячет все эти вещи в тайник во внутреннем помещении храма. Старая Женщина выходит и кладет перед Лицом Солнца три куса вара, держит в руке бронзовый кинжал и зажигает огонь. Она бросает надломленный хлеб в огонь и говорит так:

«То, что сказал колдун,
То, что колдун связал,
То, что колдун запутал,
Что сделал там колдун,

О том он сам не знал.
Поставил колдовство
Колдун, как столб огромный,
Сплел колдовство, как нить.
Я колдовство разрушу,
Я повалю тот столб,
Я распущу ту нить!»

Старая Женщина берет куски вара, разбивает их и кладет в огонь. Старая Женщина берет веревку, раскручивает ее влево и раскручивает ее вправо и говорит так:

«Если колдун закрутил ее вправо,
Влево ее раскручу,
Если колдун закрутил ее влево,
Вправо ее раскручу,

Старая Женщина бросает нити в огонь и говорит так: «Так же как я сожгла эти книги и они больше не вернутся, так же пусть эти слова колдуна будут сожжены». И она гасит огонь водой.

Жрица говорит:

«Я победила слова колдовства.
Как ни сильны были чары,
Сила заклятья сильнее у меня.
Я победила вдвойне:
Плюнула на колдовство
И колдовство растоптала.
Бык и осел пусть растопчут,
Пусть уничтожат его.
А человек пусть не ходит
Мерзким путем колдовства,
Пусть он плюет на него!
Все пусть плюют на него,
На колдуна да плюют,
На колдовство да плюют!»

После этого жрица Старая Женщина плюет и говорит так:

«Пусть тысяча богов его проклянет, этого колдуна! Пусть Земля и Небо его проклянут!»

ОБРЯД ПРОТИВ ССОРЫ С РОДНЫМИ

Вот слова Мастиггас, женщины из Киццуватны:

«Если отец ссорится с сыном, или муж с женой, или брат с сестрой, когда я мирю их, я поступаю так, и так поступают другие жрицы.

Жрица Старая Женщина берет черную шерсть и погружает ее в бараний жир. Шерсть в бараньем жире — это языки для обряда. Жрица передает языки тому, ради кого делается обряд, со словами:

«То, что сказал ты ртом
И языком своим,—
Здесь, в этих языках.
Пусть от тебя отрежут
Все, что сказал твой рот
И твой язык в те дни!»

И эти языки она бросает в очаг.

Потом Старая Женщина берет соль, кровь, сало и воск. Она лепит языки из воска и размахивает ими над двумя поссорившимися родственниками. Она поднимает над ними сосуд с кровью и солью, водит над ними сосуд и льет кровь на них, дает им кровь, и они ее размазывают левой рукой.

Старая Женщина говорит так: «Какие бы проклятия вы ни произнесли, пусть Бог Солнца эти проклятия и эти языки унесет прочь влево!» И она бросает их в очаг.

Старая Женщина снимает красную шерсть и спину шерсть, что была положена на двух поссорив-

шихся. Она берет две фигурки из теста, которые положила перед ними, и руки и языки из теста, что она положила им на головы. Она разрезает путы, которыми привязали к поссорившимся эти образы, и жрица Старая Женщина разламывает эти руки и языки из теста.

Тогда она размахивает кусками теста над ссорившимися и говорит так:

«Пусть языки отрежут
Тех старых, прошлых дней!
И пусть слова отрежут
Тех старых, прошлых дней!»

И она бросает их в огонь.

После этого жрица Старая Женщина берет поднос и кладет на него семь языков и семь рук из теста. Она размахивает подносом над двумя ссорившимися и говорит так:

«Вот языки и руки
Тех старых, прошлых дней,
Они — источник зла.
Пусть повернет их влево
Бог Солнца для тебя!»

И она бросает их в огонь.

Жрица Старая Женщина берет тесто. Она брызжет водой на ссорившихся и очищает их. Потом она размахивает сосудом с тестом над ними и говорит так: «Очиститесь от вашего злого языка!» И она кладет тесто в очаг.

К ним приводят белую овцу, и жрица Старая Женщина подводит ее к ссорившимся и говорит так: «Это вам замена, замена ваших существ. Пусть этот язык и это проклятие останутся во рту овцы!» И они плюют овце в рот.

Жрица Старая Женщина говорит так: «Искупите эти злые заклятия!»

Они роют яму в поле, убивают овцу и кладут ее в яму.

Они кладут вместе с овцой жертвенный хлеб, совершают жертвенное возлияние вина, и они выравнивают землю.

Потом приводят черпую овцу. Жрица Старая Женщина подводит ее к ссорившимся и говорит им так: «Эта черная овца — замена ваших голов и частей ваших тел. В ее рту и в ее языке — язык проклятий». И она размахивает над ними овцой.

Оба ссорившихся родственника плюют в рот овце. Они закалывают овцу и разрезают ее на части. Они зажигают очаг и сжигают части овцы в очаге.

Они льют мед и оливковое масло над принесенной жертвой. Она разламывает жертвенный хлеб и бросает его в очаг. И она совершает жертвенное возлияние вина.

Старая Женщина берет поросенка, она его подводит к ссорившимся и говорит им так: «Смотри! Он был вскормлен на травах и зерне. Как этот поросенок не увидит больше неба и не увидит больше других поросят, так и злые проклятья не увидят этих поссорившихся родственников».

Жрица размахивает поросенком над ссорившимися, и они убивают его. Они роют яму в поле и кладут поросенка в яму. Они кладут вместе с ним жертвенный хлеб. Жрица совершает жертвенное возлияние вина, и она выравнивает землю.

Старая Женщина делает из глины сосуд, чтобы месить в нем тесто. Она кладет в него темного теста, а в тесто бросает черное зернышко. Она размахивает сосудом над двумя ссорившимися и говорит так:

«Так же как эта глина не вернется в глиняную яму, а черное зернышко не станет белым и не

пойдет на семена по второму разу,— как это тесто не пойдет на жертвенный хлеб для богов, так злой язык пусть не подобает двум поссорившимся родственникам!»

...Жрица Старая Женщина окропляет водой поссорившихся родственников и очищает их. И над поссорившимися жрица машет сосудом с тестом.

После этого она снова делает из глины сосуд, чтобы месить в нем тесто, и льет в него масло. Она разрывает голубую шерсть и достает разорванный конец мотка. И она прячет конец мотка под одеждой двух родственников. И она говорит так: «Это— сосуд, в котором месит тесто Иштар. Пусть добро для них сохранится в нем, а зло будет от них укрыто!»

...Они зажигают огонь справа и слева; посредине они ставят на землю семь столбов из камней, наложенных друг на друга. Жрица Старая Женщина дает жертвенный хлебец и сыр двум поссорившимся родственникам, и они касаются их своими руками.

Старая Женщина разламывает жертвенный хлеб, льет жертвенное вино и говорит так:

«Кто бы ни воздвиг здесь эти каменные столбы, смотри, сейчас они качаются! Что бы ни было сказано ртами и языками двух поссорившихся родственников в тот день, пусть эти слова так же качаются!»

Оба поссорившихся родственника переворачивают камни из каменных столбов своими ногами и бросают камни в огонь. Они сбрасывают с себя украшенные одежды, что на них были, и Старая Женщина берет эти одежды.

Она размахивает над поссорившимися горшком, снимает с них головные уборы и говорит так:

«Смотрите! Я сняла с вас головные уборы! Пусть также и злые слова будут унесены прочь!» Оба поссорившихся родственника разбивают ногами горшок, и она говорит так: «Пусть также они разобьют все слова, вылетевшие у них изо рта и сорвавшиеся с языка!»

Старая Женщина берет траву, называет ее травой Солнца и трет травой тело обоим родственникам.

Она приговаривает так: «Пусть злые слова рта и языка будут стерты с вас!»

Старая Женщина берет воду из чаши или сосуда и передает ее двум родственникам. В чашу бросают соль. Оба родственника льют воду на голову, они омывают ею себе руки и глаза.

Потом они наливают ее в бычий рог. Оба родственника запечатывают рог, и Старая Женщина говорит так:

«До дня, когда цари минувшего вернутся,
Чтобы узнать, что с их страной случилось,
Печать останется на этом роге,
Он будет распечатан лишь тогда!»

ОБРЯД ВЫЗЫВАНИЯ БОГОВ

Когда гадатели призывают богов, чтобы те пришли по девяти путям — с лугов, гор, рек, из морей, источников, из огня, из Нижнего Мира, с неба и из земли,— гадатели берут такие предметы: корзину, а в корзину кладут жертвенный хлеб из чистой муки, на хлеб кусок кедра, а к куску кедра привязывают красную шерсть.

Красную шерсть кладут на землю. Благовонное масло наливают в каменную чашу и этим маслом пропитывают шерсть. Сверху ее посыпают мукою

тонкого помола. На нее кладут тридцать тонких хлебцев из чистой муки. Колос божьего зерна, мякину от колосьев, крыло орла и руно белой овцы кладут вместе и связывают воедино.

Отдельно от них ставится кувшин с вином и кружка со смесью вина, меда и масла, кувшин с чистым маслом, кувшин с медом, а также плоды деревьев, фиги, виноградные лозы, оливы, чеснок, надломленный хлеб, блюдо со сладким печеньем.

Гадатели выходят из Хаттусаса через Тавинийские ворота и расставляют на дороге плетеный стол для богов Кедровых стран. На этот стол они ставят приготовленную ими корзину, и перед ним они строят очаг. Длинный кусок ткани свисает с плетеного стола: он как бы стал тропой, по которой ведет след. Перед этой тропой гадатели намечают другую тропу, разбрасывая чистую муку; с одной стороны от нее они намечают тропу медом, а с другой стороны — смесью из вина и чистого масла.

Потом один из гадателей надламывает тонкий хлебец, кладет на него сладкое печенье и кладет его на края дороги. Он надламывает тонкий хлебец, крошит его вдоль тропы и совершает жертвенное возлияние вином. Он отламывает тонкий хлебец, кладет на него сладкое печенье и кладет его на дорогу, он льет на дорогу вино. Один из гадателей берет красную шерсть, что была привязана к куску кедра, из каменной чаши, где шерсть лежала в масле, и тем маслом окропляет тропы. Один гадатель поднимает крыло орла, на котором лежит мякина, и он вскрикивает, потом он говорит молитву. Он кладет ткань на плетеный стол, убирает камешки с пути и с дороги и кладет их на стол. Он разбрасывает для богов хлеб и сыр, плоды и чеснок, совершает жертвенное возлияние вина и говорит так:

«О боги Стран кедровых! Я пути
Для вас устал узорчатою тканью!
Я окропил их маслом и вином!
Придите же на жертвоприношение!
Дорогу вам не преградят деревья,
Что падают на путника внезапно,
А камни, что ногам ступать мешают,
Вас не беспокоят! Даже горы —
И те должны склоняться перед вами!
Мы через реки наведем мосты!»

Гадатель разламывает тонкие хлебцы, разбирает сладкое печенье, совершает возлияние вина и говорит:

«О боги Стран кедровых! Угощайтесь!
Насытитесь! Утолите жажду, боги!
К царю с царицею вы повернитесь,
Вернитесь к нам! Где б ни были вы, боги,
В земле иль в небе, на горах иль в реках,
В стране Митанни или в Угарите...
...В Алалхе, на Аласии, в Египте,
Иль Вавилоне, иль в стране Хайяса,
В стране Лулува иль в стране Арцава,
...Из стран любых вы возвращайтесь в Хатти!
Кто бы ни увел вас прочь — хетт,
чужестранец,
Общинник или знатный человек,—
Кто б ни похитил вас, кто б ни заклил,
Мы призываем вас обратно, боги,
Вы слышите — мы жалобно скулим!
Спиною повернитесь вы к врагам
И от людей жестоких отвернитесь!
К царю с царицею вернитесь, боги!
Дадут они вам жертвоприношения!
Мы вас зовем! Придите же сюда!

Уйдите из враждебных стран обратно,
От злой нечистоты уйдите прочь!
Придите вы в страну святую Хатти,
Благословенную, где чудеса
Вас окружают! С собою приведите
Здоровье, жизнь и многолетье, боги!
С собою приведите силу жизни,
Во внуках длящуюся и в потомках!
Любовь вы к нам с собой приведите!
Царя с царицею освободите
От тысячи невзгод! На них взгляните
Вы благосклонно! Боги, к нам вернитесь!
Вернитесь вы к своим чудесным храмам!
Садитесь на престолы и на кресла!
Садитесь снова на свои места!
Царя с царицею вы одарите,
Вы дайте им здоровье, многолетье,
Во внуках длящуюся силу жизни,
Мужчинам мощь и мужество даруйте,
А женщинам вы дайте материнство!
Стране верните вы покой, порядок,
Любовь богов, во всем благополучье,
Успех в сражениях и процветанье,
Обилие скота, зерна, вина!
Царю вы дайте верность, послушанье
И войска пешего и колесничих!»

Гадатель окропляет пути маслом, пропитавшим красную шерсть, и говорит:

«Как этой шерсти придана яркость, так пусть яркость будет дана богам Кедровых стран!

Как это благовонное масло ублажает и как оно приятно богам и людям, так пусть царь и царица Хатти будут приятны богам! Пусть кедровый аромат, музыка струн и слова гадателя приманят богов, и пусть те придут сюда! Где бы вы ни были,

боги, придите сюда! Если вы не слышали в первый раз, услышьте во второй! Если вы не слышали во второй раз, услышьте в третий, четвертый, пятый, шестой, седьмой раз! Придите вновь к вашим дивным храмам, престолом и креслам! Обратите благосклонно свой взгляд на царя и царицу! Дайте им жизнь, здоровье, многолетье и долгие дни!»

К ногам богов они кладут хлеб и сыр, плоды деревьев и фиги. Они совершают жертвенные возлияния, смешивая вино, мед и благовонные масла. И гадатель говорит так:

«О боги Страп кедровых! Сыр и хлеб
Я положил у ваших ног, о боги!
Оставьте вражескую вы страну,
Вернитесь вы в страну святую Хатти!..»

ОБРЯД ВОИНСКОЙ КЛЯТВЫ

Жрец говорит: «Как эта птица прежде могла видеть и находить свою пищу, а теперь ее ослепили на месте совершения клятвы, так кто бы ни нарушил эту клятву и ни предал царя страны Хатти и ни посмотрел враждебным взглядом на страну Хатти, пусть тогда эти заклатья обернутся против него! Пусть воины этого человека ослепнут и оглохнут! Пусть они не видят друг друга, пусть они не слышат друг друга! Пусть судьба их будет тяжелой! Пусть ноги их по земле не двигаются, а руки их будут связаны и не двигаются в воздухе. Как боги клятвы связали руки и ноги войска страны Арцава и оно не могло двигаться, так же пусть они свяжут воинов и сделают их неподвижными!»

В руки воинов жрец кладет дрожжи, они их сдавливают в руках, и жрец говорит: «То, что у вас

в руках, разве это не дрожжи? Как люди берут немного дрожжей, смешивают их с тестом в сосуде и оставляют сосуд стоять день, чтобы тесто поднялось, так же если кто-нибудь нарушит эти клятвы, обнаружит непослушание царю страны Хатти и враждебным взглядом посмотрит на страну Хатти, пусть он будет во власти этих заклятий! Пусть его охватит болезнь! Пусть судьба его станет тяжелой!» И воины восклицают: «Да будет так!»

Тогда жрец кладет воск и бараний жир им в руки. Он бросает потом воск и бараний жир в огонь и восклицает: «Как этот воск тает и как этот бараний жир топится, пусть так же тот, что нарушит эти клятвы и покажет непослушание царю страны Хатти, растает, как воск, пусть его растопят, как бараний жир!» И люди восклицают: «Да будет так!»

Жрец кладет части жертвенных животных и соль воинам в руки. Потом он бросает части жертвенных животных и соль в огонь и говорит: «Так же как эти сочленения распадаются на части в очаге и так же как соль рассыпается в очаге, так же точно тот, кто нарушит эти клятвы, обнаружит непослушание царю страны Хатти и посмотрит на страну Хатти враждебным взглядом, тот будет во власти этих заклятий! Пусть он распадется на части, как сочленения, пусть он рассыплется, как соль! Как у соли нет семени, так пусть погибнет имя этого человека, его потомство, дом, быки и овцы!»

Он кладет солод и солодовые лепешки им в руки, они их сжимают и надламывают, и жрец говорит так: «Как эту солодовую муку трут мельничные жернова, как потом ее мешают с водой, пекут и надламывают, так же точно тот, кто нарушит эти

клятвы и причинит зло царю и царице, царевичам и стране Хатти, пусть он будет во власти этих заклятий! Пусть кости его перемелют на муку мельничные жернова! Пусть его пропитают водой! Пусть его надломают потом! Пусть судьба его будет тяжелой!» И люди восклицают: «Да будет так!»

«Так же как у этого солода нет больше способности расти, его нельзя взять в поле и посеять там, как семя, как нельзя его больше использовать, как хлеб, и хранить на складах, так же тот, кто нарушит эти клятвы и принесет зло царю, и царице, и царевичам, тот пусть будет уничтожен богами клятвы! Они разрушат его будущее! Его жена не принесет ему сыновей и дочерей! Его земля и поля не принесут урожая, а на пастбищах его не будет травы. Пусть у коров его и у его овец не будет телят и ягнят!»

Помощники жреца приносят утварь женщины, прялку и зеркало, они ломают лук, и жрец говорит так: «Разве не видите вы здесь женской утвари? Ее принесли для клятвенного обряда. Кто нарушит эту клятву и кто принесет зло царю, и царице, и царевичам, того эти клятвы из мужчины пусть превратят в женщину! Пусть воины станут женщинами, пусть они наденут на себя женские одежды и покроют головы тканями! Пусть они сломают свои луки и стрелы и разобьют палицы, а в руки пусть возьмут прялки и зеркала!»

Перед воинами проводят слепого и глухого, а жрец говорит так: «Смотрите! Вот слепой и глухой. Кто бы ни сделал зла царю и царице, пусть им овладеют эти заклятья! Пусть заклятья его ослепят! Пусть заклятья его оглушат! Пусть его ослепят как слепого! Пусть его оглушат как глухого!

Пусть его уничтожат вместе с женой его, его детьми и всем его родом!»

Он кладет старую каменную фигурку человека им в руки и говорит им так: «Разве этот человек, которого вы здесь видите, не клялся? Некогда он поклялся перед лицом богов и нарушил клятву. Заклятья овладели этим человеком, и его внутренности вышли наружу, вот он держит свои внутренности в руках». Тот, кто нарушит клятву, пусть будет во власти заклатья! Пусть все его внутренности выйдут наружу! Пусть черви — сыны духов зла — разъедят его изнутри!»

...Помощники жреца зажигают факел, а потом растаптывают огонь, так что искры мерцают здесь и там, и жрец говорит:

«Так же как этот огонь разлетелся и распался, так и нарушитель клятвы пусть будет лишен всего, и пусть у него отнимут людей, быков и овец!»

Перед воинами помощники жреца ставят очаг. И еще перед воинами они ставят плуг, повозку, колесницу. Когда все это ониломают, то жрец скажет так: «Кто нарушит эти клятвы, у того пусть Бог Грозы сломает его плуг! Так же как трава не вырастет из-под очага в доме, так ячмень и полба не вырастут на его полях, а вырастут лишь сорняки!»

Жрец льет воду на огонь и говорит им так:

«Так же как этот горящий огонь угаснет, так тот, кто нарушит клятву, пусть будет во власти заклатья. Пусть мужественность этого человека, его сила и будущее счастье будут погашены вместе со счастьем его жены и детей! Пусть клятва наложит на него злое проклятье! Пусть у него ни в амбаре, ни на складе, ни в стойлах не будет ни урожая, ни скота! А на поле его пусть и трава не растет и ни одно семя не прорастет — ни в одной борозде!»

Ночью царь вместе с теми, кто его заменяет в обряде, идет к святилищу Бога Луны. Царь посылает тех, кто его заменяет, Богу Луны и говорит: «О Син — Бог Луны, мой господин, послушай меня! Я уже тебе говорил об этом! Ты подал мне знак, явил мне дурное предзнаменование. Но если ты обнаружил какую-либо вину мою, смотри! Я даю их тебе в замену себе! Их возьми, а меня отпусти!» К святилищу подводят живого быка и приносят его в жертву... Царь идет к святилищу и говорит так: «О Бог Луны, ты подал мне знак, явил мне дурное предзнаменование. Но если ты обнаружил какую-нибудь вину мою, то увидишь своими глазами мое унижение: видишь, я сам, царь, пришел к твоему храму и даю замену себе! Видишь, они меня заменяют! Убей их! А меня не убивай!» Тех жертвенных животных, что заменяют царя, передают жрецу Бога Луны, и он их уводит. Когда жрец завершает обряд жертвоприношения, он читает над царем заклятие освобождения от беды.

Молодого и здорового пленного подводят к храму. Пленного умащивают благовонным маслом царствования, и жрец говорит так: «Этот человек — царь. Я ему дал царское имя. Я на него надел царские одежды. Я на него надел царский венец, Бог Луны! Помни вот о чем: это дурное предзнаменование означает краткость лет и краткость дней. Так пусть это все сбудется по отношению к нему, что стал заменой царю!» Один шекель серебра, один шекель золота, одну мину меди, одну мину олова, одну мину железа, одну мину свинца, все это снимают с его одеяний. Одного богатого пленного отпускают на волю, и жрец повелевает, чтобы его

отправили назад в его страну. Царь участвует в обряде прощания с ним, а потом приступает к очистительному омовению.

Когда рассветает, царь снова участвует в Обряде Прощания, а потом совершает Обряд Дома и Обряд Чистоты. Когда же наступает день, царь совершает Обряд Жертвы. А когда он возвращается к себе, он под открытым небом совершает омовение и приносит Богу Солнца в жертву овцу.

Слова молитвы он произносит так:

«О Солнечное Божество Небес!
Ты знаешь: знак мне подал Бог Луны,
Явив дурное предзнаменование.
Ты, Солнечное Божество Небес,
Вы, боги, смиростивьтесь! Отпустите
Меня на волю! А взамен возьмите
Того, кого я в жертву приношу!
Я Солнечное Божество Ариины
Прошу о том же! Отпусти меня!»

После этого он идет в подземное святилище и приносит одну овцу богу Нижнего Мира. Он молится при этом так: «О моя владычица! Тот знак, что мне дал Бог Луны, означает, что если он в чем-то увидел мою вину, тогда Боги Небес отдали меня в твои руки! Но ты возьми тех, кто меня заменил и кого я передал тебе, а меня отпусти! Я сам хочу еще видеть своими глазами Бога Солнца Небес». Жрецы приносят в жертву куски сырого и вареного мяса, и царь от себя самого совершает возлияния вина в чаши.

Когда же наступает ночь, царь под открытым небом приносит в жертву Богу Солнца одну овцу и говорит так: «Бог Луны, мой господин! Ты мне подал знак, что нашел в чем-то вину мою, и тем ты меня передал в руки богов Нижнего Мира. Но я уже

примирился с богами Нижнего Мира, и им я передал замену себе. Возьми эти замены, а меня отпусти! Я хотел бы явиться не перед тобой, а перед Богом Солнца небесным». Царь приносит в жертву куски сырого и вареного мяса и совершает возлияния вина в чаши.

ОБРЯД ИЗГНАНИЯ ЧУМЫ ИЗ СТРАНЫ

Это слова Уххамувы, жреца из Арцавы.

«Если люди в стране умирают, а вызвал это бог вражеской земли, тогда я поступаю так, и так поступают другие жрецы из Арцавы.

Приводят барана. Вместе связывают синюю шерсть, красную шерсть, желтую шерсть, черную шерсть и белую шерсть, сплетают из них венок и водружают венок на барана. Барана с венком на голове гонят по дороге, которая ведет к вражеской земле. И при этом говорят так: «О бог вражеской земли, вызвавший эту чуму, смотри! Мы гоним этого барана, украсив его венком, чтобы смягчить тебя, о бог! Так же как стадо баранов сильно, но оно хранит мир с вожаком — бараном, так и ты, о бог, что вызвал чуму, храни мир со страной Хатти! Повернись благосклонно к стране Хатти!» Жрецы гонят барана, украшенного венком, в сторону вражеской земли.

А потом жрецы приносят корм для священных коней и бараний жир, и, пока они несут им корм, они говорят: «Ты запряг своих коней, пусть они едят и пусть утоляют голод! Пусть твою повозку смажут этим бараньим жиром! Возвращайся в свою страну, Бог Грозы! Будь благосклонен к стране Хатти».

После этого к жрецу подводит козла и двух овец. Он приносит козла в жертву Семи Звездам созвездия Плеяд. А одну из овец приносят в жертву Богу Солнца. Другую же овцу они закалывают и готовят для пищи. Потом приносят сыр, творог, мед, хлеб, вино, пиво, плоды. Так они готовят еду для бога, чтобы ему было что поесть в долгом пути.

ОБРЯД ВОЗВРАЩЕНИЯ МУЖЕСТВЕННОСТИ

Таковы слова Пишшуваттис, жрицы из страны Арцавы, что живет в городе Парассе.

«Если у мужчины нет потомства и его не влечет к женщинам, ...тогда я строю ворота из камышей и совершаю обряд.

Я свяжу веревку из красной шерсти и из белой шерсти. Я помещу зеркало и прялку в руки мужчины. Он проходит под воротами. Когда он выйдет из ворот, я возьму у него прочь зеркало и прялку. Я дам ему лук и стрелы, и я ему скажу так: «Смотри! Я взяла у тебя женственность и дала тебе мужественность. Ты отбросил прочь пути женщины, покажи теперь пути мужчины!»

Потом я ему покажу скопца и скажу так: «Вот скопец! О нем можно спросить у оракула: что ему указано — пути мужчины или пути женщины? Если он пошел в опочивальню к женщине, то все равно ему незачем было идти туда. Он способен только испражняться. Пусть же с тобой так не будет!»

О Божество плодородия, смотри! Этот мужчина встал на колени и ищет тебя ради твоей божественной силы.

В горах ты или на лугах,
Ты в долах или в странах дальних,

Приди к нему на помощь ты!

Пусть дождь и ветер не мешают!

Он будет поклоняться тебе, о Божество! Он найдет для тебя землю, он построит тебе дом. Он даст тебе рабов и рабынь! Он даст тебе быков и овец! Он будет славословить тебя в песнопениях.

Смотри! Я тебя призываю! Приди!

И Нижнего Мира звезду —

Луну — приведи ты с собою!

Рабы и рабыни бегут пред тобою!

Богини и боги бегут пред тобою!

Приди же на помощь к нему!

Пусть жена этого человека родит ему ребенка, помоги ей! Повернись к этому мужчине и заговори с ним! Пусть женщина, посвященная тебе, о Божество Плодородия, будет в его власти и несет его ярмо! Пусть он станет властителем своей жены и пусть у него будут сыновья и дочери! А они пусть станут твоими слугами и служанками! Они всегда будут давать тебе жертвоприношения, жертвенные хлеба, еду и вино.

Ты видишь: этот мужчина не знал о тебе прежде. Ты видишь! Теперь он тебя ищет. Помоги же ему, о Божество! В том деле, где он ищет твоей поддержки, о бог, яви свою божественную силу и все пусть будет по-иному! Покажи этому человеку свою божественную власть, и он придет и будет тебе поклоняться!»

ОБРЯД ПЕРЕД БИТВОЙ

...И жрец говорит так: «О боги страны Каска! Мы вас вызвали перед лицом судебного собрания всех богов страны Хатти. Приходите, ешьте и пей-

те! И выслушайте, что по суду мы решаем против вас.

Боги страны Хатти ничего не сделали против вас, богов страны Каска. Они вас не притесняли.

А вы, боги страны Каскайской, начали войну. Вы изгнали богов страны Хатти из их пределов и сами заняли эти пределы.

И народ Каска тоже начал войну. У хеттов вы отняли их города, и вы их согнали из их полей, пастбищ и виноградников.

Боги страны Хатти и народа Хатти жаждут мести. Месть богов Хатти и месь народа страны Хатти падет на вас, боги страны Каска и народа Каска...»

Когда жрец кончает, он проходит перед богами Хатти, и жрецы съедают мясо и хлеб. Он совершает жертву богам Хатти, Богу Грозы войска и Богу Войны. Жрецы дают им пить вволю. Распорядитель божественных обрядов берет пиршественную утварь и шкуры жертвенных овец. Потом жрецы возвращаются к войску, и все они идут на битву.

ПОЗДНЕАНАТОЛИЙСКИЕ НАДПИСИ

*Перевод с иероглифического лувийского,
финикийского, ликийского и лидийского языков*

ЛУВИЙСКИЕ НАДПИСИ

1

...Хатанамас разбил статую Бога Грозы города Сапарги. И он унес от меня этого бога и других богов. Этих богов я себе возвратил... Бог Грозы города Сапарги и другие боги покарали Хатанамаса...

...И перед Богом Грозы Тархундасом я воздвиг жертвенник.

Я ему дал девятую долю всего, что в бою захватил. Я переселил жителей города Алатаханы. А перед Богом Грозы Тархундасом я воздвиг жертвенник, и ему я дал девятую долю всего, что в бою захватил.

И я прогнал прочь человека Хайи.

И когда я его победил, я вернулся в город моего деда...

Я установил статуи Бога Грозы и других этих богов. Когда я выходил в поход, то и эти боги выходили со мной в поход.

Иногда я брал с собой изображение одного бога из святилища, иногда я брал с собой изображение другого бога из святилища.

Когда я выходил в поход, со мной была моя любимая, чтимая жена моя Ватис.

И моему чтимому сыну Хальласулунису я повелел строить храмовые сооружения.

И я воздвиг для себя это храмовое шествие богов.

И я воздвиг этого могущественного Бога Грозы Тархундаса и этих других богов вместе с ним.

И я установил свое изображение...

...Тот, кто пастух овец, пусть принесет овцу к этому изображению.

И тот, кто сеет хлеб, тот пусть принесет хлеб и жертвенные напитки к нему.

И тот, кто почитит это изображение, пусть к нему будут милостивы эти боги.

А тот, кто к этому образу приблизится со злым умыслом, с тем пусть боги поступят так, как Бог Грозы города Сапарги обошелся с Хатанамасом.

Так пусть того, кто посмеет приблизиться к этому образу со злым умыслом, боги так же покарают!

2

Я — Ватис, чтимая жена Сухиса, правителя страны.
Кто почитит имя моего мужа,
Пусть достойно почитит и меня тоже.

3

Я — Катувас, правитель страны Кархемыша,
угодный богам.

...Моя госпожа Кубаба, Великая царица Кархемыша,
меня держала за руку. Она постоянно мне
давала помощь. И когда она давала мне помощь,
я с радостью ей поклонялся...

А кто приближался к ее храму со злым умыслом,
я того покарал.

Я снова ввел поклонение Кубабе, Великой царице Кархемыша. Она сама покровительствовала своим храмам.

4

Этот престол и этот жертвенник поставила Божеству я, Панамуватис, жена Суппилулиумаса-правителя. Кто бы ни был речным хозяином города Сукити, для его доли я их освятила. А принес их сюда еще раньше Амис, покорный Суппилулиумасу-правителю. Кто от злых чувств разобьет этот престол и этот жертвенник, или сотрет имя Панамуватис, или сотрет имя Амиса, того пусть покарает богиня Кубаба.

Титимувас-писец и Асатархвис-чиновник правителя Суппилулиумаса начертали эту надпись.

5

Я — Азитавадда, главный жрец Ваала, слуга Ваала, я тот, кого Аврику сделал могущественным, я царь данайцев.

Ваал сделал меня отцом и матерью для данайцев. Я возродил данайцев. Я расширил страну Равнины Адана от восхода до захода. В мои дни у данайцев было всякое имущество, они жили в избытке и довольстве. Я заполнил кладовые Пары. С помощью Ваала и других божеств я умножил число коней, щитов и воинов. Я усмирил жестоких. Я устранил все то зло, что было в стране. Мои царственные дома я привел в подобающий вид и достойно поддерживал основания моего царствования.

Я сидел на престоле отца своего. С каждым из других царей я заключил мир. Да, каждый царь считал меня своим отцом из-за моей справедливости, и мудрости, и доброго моего сердца.

Я построил укрепления во всех тех сторожевых местах на границах, где были злые люди и предводители шаяк, из которых никто не подчинялся Дому Мопса. Я, Азитавадда, их растоптал своими ногами. Я построил укрепления в этих местах, и теперь данайцы могут быть в спокойствии.

Я покорил могущественные страны и на заходе солнца, которые не могли покорить цари, что были до меня. Я, Азитавадда, покорил их. Я привел жителей этих стран вниз и поселил их в восточных пределах своего царства, а там, на западе, я поселил данайцев. И в таких местах, которых прежде опасались, где мужчина боялся пройти по дороге, в мое время спокойно могли гулять женщины и пряхь на своих прялках. И в мои дни было благополучие, и довольство, и раздольное житие, и в мире жила долина Адана и вся страна Адана.

И я построил этот город. Я дал ему имя Азитаваддия потому, что Ваал и Решеф-Цапарамы помогли мне построить его. С помощью Ваала и Решеф-Цапарамы я построил его так, чтобы у жителей всего было вдоволь, и все было в избытке, и жители были в благополучии и мире, и город стал надежной защитой Равнины Адана и Дома Мопса, потому что в мои дни страна Равнины Адана была в довольстве и благополучии и среди данайцев не было несчастных в мои дни.

Я построил этот город и дал ему имя Азитаваддии, и я установил в нем святилище Ваала. И был определен порядок жертвоприношений всем образам богов из металла: на ежегодном празднике за-

калывают быка, на празднике пахоты — овцу, на празднике урожая — овцу.

Пусть Ваал, чтимый в святилище города, благословит Азитавадду на жизнь, на мир и мощь, возвышающую его над любыми другими царями, и пусть Ваал, чтимый в святилище города, и все боги города дадут Азитавадде долготу дней, многолетие, крепкую власть и мощь, возвышающую его над любым другим царем! И пусть у этого города будет вдоволь всего для еды и для питья, и пусть у тех людей, кто живет в нем, будут и быки, и овцы, и вдоволь всего для еды и для питья! Пусть у них будет много детей, пусть жителей города будет множество, пусть все они во множестве служат Азитавадде и Дому Мопса с помощью Ваала и других богов!

А если среди царей найдется такой царь, или среди князей найдется такой князь, или среди людей найдется такой человек, который сотрет имя Азитавадды с этих ворот, а на них поместит взамен свое собственное имя, даже если у него будут благие намерения по отношению к городу, но если он снимет эти ворота, что поставил Азитавадда, а для новых ворот он сделает новую надпись и поместит там свое имя, если он снимет эти ворота (будь то с добрыми намерениями или из ненависти и злых побуждений), пусть Ваал, и Эль — Создатель Земли, и Вечное Солнце, и весь круг Детей Богов смятут этого правителя, и этого царя, и этого человека, которого только и можно назвать простым человеком! А имя Азитавадды пусть пребудет вечно как имя Солнца и Луны!

ИЗ КСАНФСКОЙ НАДПИСИ

Поставлен был камень, чтоб войско прославить
И чтобы воздать предводителям славу.
На благо им надпись начертана эта,
На труйском написанная языке.

Властителей в надписи этой мы чтим,
Свершающих суд справедливый над нами.
В свидетели мы призываем богов,
Которые все на совет соберутся.

Пусть надпись на камне тогда перечтут,
Когда для обряда сойдутся ликийцы,
И песни пусть подданные пропоют
О подвигах дивных ликийского войска.

О подвигах, запечатленных на камне,
И надписи и барельефы гласят.
Наш памятник изображает победу
Ликийского войска над павшим врагом.

Забвения доблести не допусти!
На камне слова о старинных походах
Начертаны будут, пусть их перечтут!
На изображения пусть все посмотрят!

На камне сражение изображено
Ликийских вождей с неприятельским войском.
Герои в сражение осилили тех,
Кто вторгся когда-то в ликийскую землю.

Разбили и тех, кто, уйдя от ликийцев,
К врагам их в сражении перебежал.
И жрец Аполлона вождя прославляет,
Который потомков Гистаспа разбил...

ЛИКИЙСКИЕ НАДПИСИ

1

Могильный памятник воздвиг Падрама
Для братьев и племянников своих,
На ложе жрец пускай лежит Падрама,
А больше здесь никто лежать не должен.

2

Строение построено Мерехи,
Кудалы-предводителя потомком,
Триятрба внуком, правнуком Папнуты,
Что дедов чтит и прадедов своих.
Он выстроил его для домочадцев,
И было то в правление Гергиса.

3

•
Был в Ликии сатрапом Пигесер,
Катамлы сын. Двоих тогда назначил
Он править над ликийцами: Ийеру
И Натрпийеми, и тогда он в Арне
Правителем поставил Эртимели.
Все жители и все соседи Арны
Тогда решили Господина Кавны
И Господина Арказуму чтить.

Жрецом они назначили Симню,
Того, что Кондурахи сын. Потомки
Симии в будущем жрецами станут.
Симия впредь налоги пусть не платит.
Поля, что городу принадлежат,
И те поля, где некогда Пигрес
И Кесентедис провели каналы,
И все, что ни построено на них,
И все, что только есть на этих землях,
Все отдано для Господина Кавны,
Для храма Господина Арказумы.
Пусть храму ежегодно платят дань,
Та дань — двенадцать с половиной ад.
А чтоб освободиться от налога,
Две драхмы с половиной пусть заплатят.
То, что начертано на этом камне,
Священным будет: Господина Кавны
И господина Арказумы чтим.
С полей пусть собирает храм доходы.
Пусть ежемесячно приносят в жертву
Овец, пусть каждый год быка приносят
От храма в жертву Господину Кавны
И Господину Арказумы в жертву.
Пусть Симия приносит эту жертву
Сейчас, а в будущем — его потомки.
То было клятвою освящено
Всех жителей и всех соседей Арны.
Они установили тот обряд.
Об этом и начертано на камне.
Пусть не посмеют отнимать поля
Ни у богов, ни у жреца богов.
Иначе перед божеством ответят!
Ответят перед Матерью Великой
И перед нимфами тогда ответят!
И Пигесер законы те скрепил!

ПОСВЯТИТЕЛЬНАЯ НАДПИСЬ ИЗ САРД

Владение посвящено Саристру —
Всех защищающему божеству.
В Аресе храм ему построил я.
Владелец пишет о своих правах.
И божеству владенье посвящает.
Так пипет Саркаст, Катовала сын,
Тот жрец, который храм ему построил.
Я покровительнице Артемиде
Свое владение передаю,
Чтоб в Сардах в будущем ты охранила
Меня и всех наследников моих.
А тем, кто надпись эту осквернит
И этот камень, — тем пусть плохо будет!

КОММЕНТАРИИ

Переводы с древних языков Малой Азии сделаны по изданиям: «Keilschrifturkunden aus Boghazköi», I—XLI, Berlin, 1921—1970; «Keilschrifttexte aus Boghazköi», I—XIX, Berlin, 1916—1970; E. Forrer. Boghazköi-Texte in Umschrift, 2, Leipzig, 1926; E. Laroche. Textes mythologiques hittites en transcription, partie 1, 2.—«Revue hittite et asianique», t. XXIII, fasc. 77, 1965; t. XXVI, fasc. 82, 1968; J. Friedrich. Hethitisches Keilschrift-Lesebuch, T. 1, Heidelberg, 1960; E. H. Sturtevant and G. Bechtel. Hittite Chrestomathy, Philadelphia, 1935; «Studien zu den Boğazköy-Texten», 1—17, Wiesbaden, 1965—1973; H. S. Schuster. Die hattisch-hethitischen Bilinguen, I. Einleitung. Texte und Kommentar, T. 1, Leiden, 1974; F. Sommer und A. Falkenstein. Die hethitisch-akkadische Bilingue des Hattušili I (Labarna II), München, 1938; H. Hoffner. A Hittite text in epic style about merchants.—«Journal of Cuneiform Studies», vol. XXII, 1968, Nr. 2, p. 34—45; H. G. Güterbock. Die historische Tradition und ihre literarische Gestaltung bei Babyloniern und Hethitern bis 1200.—«Zeitschrift für Assyriologie», Bd. 44, 1938, 1/2 Heft; H. Otten. Ätiologische Erzählung von der Überquerung des Taurus.—«Zeitschrift für Assyriologie» (Neue Folge), Bd. 21, 1963, S. 156—168; H. G. Güterbock. The Song of Ullikummi.—«Journal of Cuneiform Studies», vol. 5, 1951, Nr. 4; vol. 6, 1952, Nr. 1; H. G. Güterbock. The deeds of Suppiluliuma as told by his son, Mursili II.—«Journal of Cuneiform Studies», vol. 10, 1956, Nzs. 2, 3, 4; A. Götze. Die Annalen des Mursilis. Leipzig, 1933; A. Götze. Die Pestgebete des Mursilis.—«Kleinasiatische Forschungen», Bd. 1, Heft 2, 1929; A. Götze. The Hittite Ritual of Tunnawi (American Oriental Series, vol. 14), New Haven, 1938;

R. W e r n e r. Ein Traum einer hethitischer Königin.— «Festschrift Heinrich Otten», Wiesbaden, 1973, S. 327—330; H. O t t e n, J. S i e g e l o v a. Die hethitischen Guls-Gottheiten und die Erschaffung des Menschen.— «Archiv für Orientforschung», Bd. XXIII, Graz, 1970, S. 32—38; J. D. H a w k i n s. Building Inscriptions of Carchemisch.— «Anatolian Studies», vol. 22, 1972, p. 87—114; J. D. H a w k i n s. Hieroglyphic Hittite inscriptions of Commagene.— «Anatolian Studies», vol. 20, 1970, p. 69—110; E. K a l i n k a. Tituli Asiae minoris, vol. 1 (Tituli Lyciae lingua Lycia conscripti), Wien, 1901; E. L a r o c h e. Les épitaphes lyciennes.— «Fouilles de Xanthos», t. 5, Paris, 1974; E. L a r o c h e. La stèle trilingue récemment découverte au Létoon de Xanthos (le texte lycien).— «Academie des inscriptions et belles-lettres. Comptes rendus des séances de l'année 1974. Janvier—mars», Paris, 1974, p. 115—125; R. G u s m a n i. Lydisches Wörterbuch, Heidelberg, 1964.

Членение на строфы в стихотворных переводах и на абзацы в прозаических дается в соответствии с оригиналом, где в клинописных текстах такому членению соответствует горизонтальная черта, проводившаяся по глине писцом. Для удобства читателя добавлены отсутствующие в большинстве оригиналов заголовки, а иногда и подзаголовки. Многоточием обозначены пропущенные (чаще всего разрушенные или неясные) места.

ПАМЯТНИКИ ГОРОДА НЕСЫ И ДРЕВНЕЙ СТРАНЫ ХАТТИ

В этом разделе объединены тексты хатти и памятники древнехеттской литературы XVIII—XVI веков до н. э.

ПОВЕСТЬ О ДЕТАХ ЦАРИЦЫ КАНЕСА

Повесть сохранилась в качестве первой части цикла рассказов о городе Цальпе, древнехеттская копия которого была найдена во время раскопок в Богазкёе в 1970 году. Обрядовый фольклорный

источник повести виден в композиционном диалогическом построении с чередованием вопросов и ответов.

Об общендоевропейском характере этого мифа свидетельствует совпадение основного сюжета хеттского мифа о тридцати братьях с древнеирландским рассказом о трех братьях-близнецах Финдеамне, которых их сестра уговорила вступить с ней в брачную связь, и с индоиранским мифом о близнецах (ведийском Яме и его сестре), вступивших в кровосмесительный брак, в особенности с осетинским (и общекавказским, но возникшим под вероятным иранским влиянием) — повестью о ста нартах, рожденных одной матерью.

Она... поместила своих сыновей внутрь этих горшков...—Согласно обычаям многих народов, близнецы считаются детьми злых духов (часто духов животных), поэтому их кладут в горшки и отправляют в стихию этих духов — нередко в воду (так же поступают и с уродцами). Фольклорный источник, отразивший эти предания, использован в «Сказке о царе Салтане» Пушкина, как и в древнегреческой литературе и мифологии. Рождение близнецов считалось сверхъестественным; близнецов удаляли прочь из поселения, в то же время их почитали. Соединение обеих этих сторон близнечного культа можно видеть, например, в римском мифе о Ромуле и Реме.

Осел наш пришел сюда...—Осел указывает путь сыновьям царицы. Осел в древнем Канесе был священным животным, что видно из сцен почитания осла в изобразительном искусстве. Та же ближневосточная традиция отражена в словах пророка Захарии о том, что Царь (божество) придет на ослице.

В них боги вложили другую сердцевину...—«Вложить (положить) сердцевину» — выражение в хеттском и в других древних индоевропейских языках, обозначающее «дать другую сердцевину», то есть подменить человека, лишить его постоянных качеств, ему присущих.

Только последний сказал...—В хеттском мифе, как и в преданиях и сказках многих других наро-

дов, младший брат, в отличие от старших, играет роль героя — создателя законов. Наиболее близкой аналогией является роль То Кабинана в меланезийском мифе: этот герой вводит во втором поколении запрет на кровосмесительные браки между братьями и сестрами, которые в первом поколении осуществлялись после того, как мифологическая героиня родила героев и первых женщин.

Это не по нашему закону...— Согласно позднейшим хеттским текстам времени Нового царства, браки между братьями и сестрами не соответствовали «закону» и карались смертной казнью. Но в эпоху Среднего царства царица Асмуникал была одновременно и сестрой и женой царя.

НАДПИСЬ АНИТТАСА

Надпись Аниттаса — самый ранний, точно датированный (XVIII в. до н. э.) памятник хеттской литературы. Автор ее был уже знаком с древней месопотамской традицией составления царских надписей. В надписи отразилось взаимодействие туземного хаттского населения и хеттов.

...из сыновей города Несы — древний оборот, обозначающий жителей Несы — хеттов (точно так же в древнегреческом эпосе ахейцев именуют «сыновьями Ахайи» и т. п.).

...как со своими родителями. — Буквально: «с отцом и матерью». С городом Несой, древнейшей столицей хеттов, связывалось почитание родителей-предков, что видно и из древнехеттских обрядовых текстов.

...со стороны Богини Солнца — с востока, где обитали племена, враждовавшие с хеттами, и находились такие города (как Харкиуна), которые сопротивлялись расширению Хеттского царства.

Царь города Хатти — царь Хаттусаса, обитатели которого тогда, видимо, еще говорили на языке хатти, а не на хеттском (как жители Несы и Куссара).

...и его Бог-Наш отдал Богу Престола... — Древний несийский Бог-Наш отдал город Хаттусас во

власть Бога Престола, воплощение хеттской царской власти.

...и священных зверей.— Перечисление животных, входивших в царский священный зверинец.

Человек из города Салативары — обозначение правителя или царя города.

...занял область реки Хуланна...— Покинув свой город Салативару, царь этого города вторгся в область, заселенную хеттами.

Железный трон и железный скипетр — знаки царского достоинства, изготовленные из железа — главного священного металла хатти. Население хатти еще в 3-м тысячелетии до н. э. открыло способ изготовления железа из руды, потом перенятый у хатти хеттами.

...справа...— Почетная правая сторона отводилась царю Пурусханды, который ранее, видимо, считался главным среди местных царей отдельных городов с населением хатти, но во время Аниттаса подчинился хеттскому царю Куссара.

ЧУДОВИЩА И ХРАМ БОГА ГРОЗЫ

Имена богов и мифологических существ, язык и диалогическая форма текста позволяют отнести его к самым ранним образцам хеттской литературы, восходящим к индоевропейским прообразам, хотя он дошел до нас в составе значительно более позднего ритуала.

Чудовища — буквально: «люди чудовищного преступления» (хеттское слово, родственное русским словам «враг», «ворог», «ворожить» и древнегерманским названиям «изгой-волка»). Возможно, что «чудовища» хотят искупить свои преступления, совершив удивительные подвиги. Рассказ имеет некоторые отдаленные черты сходства с циклом греческих легенд о Геракле.

Поймайте Волка...— Упоминание волка приобретает интерес ввиду того, что подобные «чудовища» со сходным названием считались превратившимися в волков, в частности, у древних германцев.

В лидийской традиции в Малой Азии античного времени сохранился древний индоевропейский миф о герое Кандавле, удушившем чудовищного волка.

Поймайте Змея...— Это место можно истолковать как гротескное обыгрывание древнего мифа о Змее, угрожающем стране. Змея должны судить за его преступления царским судом.

ИЗ ДРЕВНЕХЕТТСКИХ ОБРЯДОВЫХ ПЕСЕН

Обрядовые песни, входящие в этот цикл, относятся к древнейшим образцам хеттской поэзии. Две первые песни, судя по употребляющимся в них именам богов и древним сочетаниям слов, воспроизводят раннюю индоевропейскую традицию ритуальных песнопений, сохранившуюся в царском обряде; первая песня упоминает царскую дружину, вторая исполнялась при похоронах хеттского царя, третья хеттская песня представляет собой перевод славословия царю и царице с подлинника хатти, который сохранился в составе хаттских гимнов.

1. Песня богу Пирве

...Пирва к сердцу их прижал.— Бог прижимает к сердцу воинов дружины, которым он покровительствует.

Благо мы несем Царю...— Пирва, как и другие древнехеттские боги и боги Хатти, именуется Царем.

Это войны дружины путь для Пирвы проложили...— В переводе передана основная особенность строения этой древнехеттской песни (как и других подобных стихотворений в древних литературах на индоевропейских языках), заключающаяся в подборе слов, повторяющих звуки имени бога, которому посвящено стихотворение: П (путь, проложили), И (дружины, проложили), Р (дружины, проложили), В (воины) и т. п.

...И собрание учредили...— то есть учредили народное собрание или совет дружины.

2. Царский похоронный обряд

Что ты для него ни делай...— Каждая часть обряда идет во благо древнехеттскому царю, ради которого совершается ритуал.

3. Песня хатти

...От моря одного // Идут к другому морю!— О расширении хеттских границ от одного моря (Черного — «моря Цальпы») до другого (Средиземного) говорится и в древнехеттских исторических сочинениях. Само это выражение, однако, встречается и в других литературах Древнего Востока.

ЯЗЫК БОГОВ И ЯЗЫК ЛЮДЕЙ

Текст сохранился в подлиннике хатти и в переводе на древнехеттский. Параллели к разграничению названий в языке богов («среди богов») и людей-смертных обнаружены в ряде древних литератур—египетской, древнегреческой, древнеисландской и древнеирландской поэзии. Сама возможность создания особого «языка богов» объясняется внутренними особенностями поэтического языка (М. М. Бахтин. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975, с. 100) и не имеет отношения к двуязычию: в переводимых текстах по два названия у каждого бога есть и в хатти и в хеттском.

Сохранилось несколько версий подобных однотипных обращений и к другим богам хатти и древнехеттского пантеона, где называются их имена на языке богов и на языке людей. Различение богов и смертных характерно и для самых ранних древнехеттских текстов мифологического характера.

Царевич — буквально: «сын» (в другом варианте «помазанник»).

...подобный Льву!— В языке хатти от слова «лев» образовано также название «герой».

Тиммет.— Этому имени в языке богов хатти соответствует в хеттском переводе имя богини — сестры хурритского Бога Грозы.

...Бог Грозы Полей — одно из многочисленных конкретных воплощений Бога Грозы.

СТРОИТЕЛЬНЫЕ ОБРЯДОВЫЕ НАДПИСИ

1. Дом Бога Солнца

Хаттский миф сохранился в составе обряда, который исполнялся особым священнослужителем — «чашником» (буквально: «тот, кто пьет») при закладывании фундамента нового царского дома.

...молот из железа!...— Изготовление из железа таких орудий, как молот (и клещи), характерно для века железа, который в древней Малой Азии в стране Хатти начался на тысячу лет раньше, чем в других частях Евразии.

...разверзлась Земля...— Бог-Кузнец Хасамиль выходит из подземного мира, где он обитает.

...очаг Льва...— Буквально в тексте: «принадлежащий Льву» (без обозначения того, что принадлежит Льву). Лев — обычное обозначение царя-героя.

...очаг Леопарда...— Леопард был главным священным животным обитателей древней Малой Азии, начиная с 6-го тысячелетия до н. э.

2. Заклинание при освящении дворца

Заклинание произносилось жрецом хаттского бога Цилипури при установке засова в новом дворце.

...благие камни...— Обряд строится на двойном противопоставлении благого и плохого: благое впускают в дом, плохое отправляют прочь.

...в Темную Землю...— Имеется в виду Нижний (Подземный) Мир. В хаттских и хеттских обрядах зло и предметы, приносящие несчастья, отправляют либо в далекие, труднодоступные места (горы или моря и болота), либо в Подземный Мир.

3. Воздвижение нового дворца

Ритуал бесспорно основан на более древних переводах обрядов хатти, связанных с символикой обновления священной власти царя. Эта сила, от которой, по поверьям хатти и хеттов, зависело плодородие и благополучие страны, с течением лет

исчерпывалась, и нужно было совершить особый обряд, чтобы вернуть ее царю, как бы заново при этом родившемуся.

...штукатурь долголетием...— При совершении обрядов по окончании строительства дворца и храма у хатти и древних хеттов главной целью была охрана хозяина дворца — царя — от всех бед и прежде всего от смерти.

...царь говорит Престолу...— Царь Несы и Престол хатти, высшее воплощение царской власти, связывались между собой отношениями взаимности.

...моим союзником! — Буквально: «взаимником-другом», древний термин, обозначающий людей, связанных между собой взаимными обязательствами, подкрепленными обрядом.

...вручили страну...— Родственный латинскому названию «руки» и «власти», хеттский глагол «вручать» означал, с одной стороны, отношения между царем и богами, с другой — между наместниками — правителями областей Хеттского царства и царем, который вручал правителям области так же, как ему самому вручали страну.

...в твой дом.— Имеется в виду Дом (храм) Бога Престола, упоминаемый и в надписи Анит-таса.

...Престол принес из-за моря.— По хеттским гимнам Солнцу, из-за моря встает Солнце — символ власти хеттского царя. Сам царь, как и его власть, и символ-повозка, также приходят из-за моря. В этих представлениях хеттов (которые в Малой Азии обитали к югу, но не к западу, от моря) иногда видят след их древних переселений из областей Закавказья к западу от Каспийского моря. Но более вероятно предположение, что речь идет о мифологическом Океане, с которым связана чудодейственная власть священного царя.

...открыли страну моей матери — город Несу.

Если во чреве вашем ребенок...— Сердцевина дерева уподоблялась чреву женщины. Во время обряда деревья — символы царя — теряют свои женские свойства, и их сердцевина, как и образ самого

царя, делается из самых дорогих и самых прочных металлов — олова и железа.

...деревья, которые там остались! — Часть деревьев пришла к царю вверх снизу, из страны возле Океана, часть осталась внизу, куда и летит орел.

...свойственники... — В обряде свойственники царя противопоставлены его союзникам.

Веретено — у хеттов символ женщины.

...зеркало... — В хеттском языке, как и в египетском, название зеркала образовано от названия жизни. Божества, держащие зеркало, видят в нем будущие годы жизни.

Опытных ткачих и умельцев делят на два ряда. — Два ряда участников обряда символизируют два божества Нижнего Мира. Ткачихи в обряде воплощают женское божество, держащее в руках веретено.

...с большой звездой — здесь: Солнцем, то есть речь идет о соперничестве гор (их названия перечисляются) с Солнцем.

...царь идет к горе, и он тягается с Солнцем... — Царь хатти, как и горы, ему покровительствующие, выступают в обряде соперниками Солнца. Позднее хеттские цари именовали себя «Солнцем».

...вечного покоя! — Место, где горит огонь, в котором сжигают трупы.

Страну обратно царю верните! — Когда священная сила исчерпывалась, царь как бы терял власть над страной, пока не был исполнен обряд, возвращающий ему власть.

...раздавят!.. — В дальнейших частях ритуала снова приводится заклинание, связанное с работой штукатуров, перечисляются жертвоприношения, связанные с окончанием строительства, и передаются священные слова, произносимые при освящении железного очага.

ЛУНА, УПАВШАЯ С НЕБА

Поклонение Божеству Луны составляло существенную черту религии древнего населения Анатолии.

РАССКАЗЫ О БОРЬБЕ БОГА ГРОЗЫ СО ЗМЕЕМ

Рассказы представляют собой две существенно отличающиеся друг от друга версии рассказа о Боге Грозы, который сперва был побежден Змеем, а потом одержал верх над ним благодаря тому, что он сам или богиня, его помощница, вступают в брак со смертным.

Не жалея меня! — Сын Бога Грозы, стоящий рядом со Змеем, просит своего отца не бояться поработить с неба Змея своим оружием — молнией.

ТЕЛЕПИНУС И ДОЧЬ ОКЕАНА

Миф относится к циклу, связанному с хаттским и хеттским Богом Плодородия Телепинусом и с исчезновением Солнца. Мотив связи Солнца с Океаном или морем выступает и в других мифах о Солнце, а также в хеттских гимнах Солнцу. Очевидно, эти мифологические представления основаны на предположении, что Океан поглощает заходящее Солнце, которое возвращается утром, спасенное Богом Плодородия.

Во второй половине мифа можно видеть отзвук древнехеттских обычаев, по которым невесту уже нельзя было просто умыкать, а за нее следовало платить выкуп родителям.

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ И ВОЗВРАЩЕНИЕ ТЕЛЕПИНУСА

Текст дошел в трех различающихся друг от друга версиях, ни одна из которых не сохранилась полностью. В переводе учтены все эти взаимодополняющие версии, оставшиеся (судя по наличию в них лувийских имен богов и слов) в новохеттских копиях. На основании их сделана попытка воспроизвести максимально полное (хотя, вероятно, и более пространное по сравнению с древнейшими) связное изложение. Характерной особенностью всех трех версий является переплетение мифа и обряда, иногда препятствующее связности рассказа; в переводе отражена и эта особенность текста, но с необ-

ходимой для понимания перестановкой ритуальных вставок, которые первоначально могли занимать в тексте другое место.

Имя хеттского Бога Плодородия и Растительности Телепинуса заимствовано из мифологии хатти, где этот бог носил имя Талипину (пину — «ребенок», «дитя»).

...левый сапог он надел на правую ногу...— Так в начале мифа образно живописуется гнев Телепинуса. Археологические находки глиняных моделей обуви из Богазкёя подтверждают, что у хеттов левая и правая сторона в обуви различались. Сходная замена правого башмака на левый характеризует главные божества во многих мифологиях, в том числе и русского лешего.

...в поля, в луга и в болота...— В этой формуле болота названы старым словом индоевропейского происхождения, представляющим собой удвоение термина, который в одних языках означает «море» (русск. море), в других — «болото», в древних фольклорных текстах на этих языках в моря и болота отправляли злых духов. Поэтому не исключено, что в данном случае в хеттскую версию мифа хатти вставлено древнее фольклорное словосочетание собственно хеттского (индоевропейского) происхождения.

...тысячу богов...— Обычное обозначение всех богов Хеттского царства вместе взятых.

...рукоятку своего молота...— Молот — главный атрибут хеттского Бога Грозы, как и других подобных персонажей в мифологиях разных народов.

Богиня-Мать послала пчелу...— Этот эпизод сопоставляется с аналогичным повествованием в финском эпосе «Калевала». В Малой Азии вплоть до эллинистической эпохи жрицы богини Кибелы (сходной с Богиней-Матерью) назывались пчелами. С женскими божествами связан культ пчел и у кавказских народов — абхазов и сванов, в обрядах которых сохранился след культа Телепинуса в его связи с медом.

...она принесла крыло орла...— Крыло (часто орлиное) в хеттских ритуалах — обычный атрибут жрицы.

Гнев... сердитость... вина... свирепость...— дурные силы, заклятию от которых посвящены многие хеттские обряды.

...баранов пасешь...— Представление о Боге Солнца как пастухе отражено в гимнах Богу Солнца.

...двенадцать...— Число двенадцать (особенно применительно к жертвенным животным) играло особую роль в хеттских обрядах: считалось, что у человека и животного двенадцать основных частей тела.

...и тысячу глаз я взяла!..— Ср. выше: «тысяча богов» Хеттского царства.

Сердитый дух... и его сердцевина!..— В обряде обыгрывается связь хеттских слов со значением «сердитый» и «сердцевина» (родственных русс. «сердце», «сердиться»).

...боги собрались на совет.— Термином «совет» в хеттских текстах обозначался совет главных («больших») людей царства, который мог судить царя (см. «Таблица Телепинуса»), и совет богов, на который собиралась вся тысяча богов Хеттского царства.

...долголетье богов...— Связь дерева с долголетием несколько раз повторяется в тексте обрядов вызывания Телепинуса.

Волшебный образ — специально изготавливавшаяся магическая фигура, воплощавшая в обряде «существо» злого духа или человека.

...блюдо вносят...— В этом ряду магических уподоблений жрица буквально говорит: «Если блюдо вносят, то чаша его обуздывает».

...опорный столб дома...— Обряд последовательного очищения разных частей дома начинается с опорного столба, который некогда был характерен для древних жилищ обитателей Малой Азии.

...бронзовые полые сосуды. Их крышки из свинца. На них замки из железа...— Бронза, свинец и железо — главные металлы, использовавшиеся хатти и древними хеттами. Изделия из этих металлов были прочнее всех других им известных предметов, что отразилось в хаттских мифах и обрядах.

...сахи и хапурияса...— хаттское и хеттское названия драгоценных деревьев.

В овечьей шкуре помещается...— В хеттском обряде друг в друга вкладываются различные животные, а в них — долголетие (это напоминает образ Кашеевой смерти в русских сказках: «...под дубом ящик, в ящике заяц, в зайце утка, в утке яйцо, в яйце моя смерть»).

Правый костец — древнее название части ноги жертвенного животного, вероятно, индоевропейского происхождения.

ИЗ МИФА ОБ ИСЧЕЗНОВЕНИИ БОГА ГРОЗЫ

...Ноги — Темной, как деготь, Земле...— Для древних магических текстов характерно рифмообразное сочетание созвучных слов.

В Океане сосуды из меди...— Сосуды из меди или бронзы в Нижнем Море упоминаются и в мифе о Телепинусе.

ИЗ ЦИКЛА МИФОВ О КАМРУСЕПЕ

1. Камрусена освобождает природу

Миф близок к другим туземным хаттским и хеттским рассказам о бедствии всей природы, прекращаемым благодаря вмешательству одного из богов, в частности Камрусепы (как в мифах о Телепинусе и о Луне, упавшей с неба). Миф сохранился в составе новохеттского обряда, где после рассказа о «развязывании» ранее связанной (остановленной) природы содержится заговор — просьба «развязать» также подробно перечисляемые связанные части тела больного.

Пастбище Бога Грозы...— В хеттской мифологии на особом пастбище паслись быки Бога Грозы.

Под священным деревом...— Звери у священного дерева жизни упоминаются и в других хеттских текстах. Сходный образ известен во всех древних культурах Евразии.

Волк в вышине связан.— Повешен на дереве.

2. Камрусепачешетовечьюшерсть

Текст, дошедший в копии новохеттского времени, отражает метрические и стилистические особенности древней поэзии сельскохозяйственных заговоров (в частности, наличие точных и глубоких глагольных рифм). С более ранней традицией хатти связывается и упоминание железного трона в сочетании с предметами из свинца.

ПАЛАЙСКИЙ ГИМН

Образец обрядовой поэзии страны Пала на северо-востоке Древнехеттского царства. В палайских обрядовых песнях, как и в древнехеттских, отражается старая индоевропейская традиция в сочетании со следами очень заметного воздействия культуры хатти.

ЛЕТОПИСЬ ХАТТУСИЛИСА I

Хеттский текст летописи, значительно более подробный, чем аккадский, некоторыми учеными рассматривается как вторичный по сравнению с аккадским. Но наличие явных следов хеттского влияния на аккадский текст заставляет предположить, что оригинал был составлен на древнехеттском языке.

В летописи описывается поход царя к Черному морю и последующие походы в хурритские земли, приведшие к покорению или завоеванию городов и областей на юге и юго-востоке от Малой Азии — и в Сирии, и в верховьях Евфрата — городов Алалха, Уршу, Иккали, Тасхиния, Ненасса, Ульма, Саллахсува, Санахвитта, Аппая, Уммая, Парманна, Царуна, Ципасна, Хассува, Хахха, Тимана.

...человек города Куссара. — По-видимому, Хаттусилис начинал свое царствование как царь или правитель города Куссара и лишь позднее стал Великим царем Хеттского царства, в связи с чем и перенес свою столицу в город Хаттусас.

...сын брата Тавананны.— Здесь отражен древний порядок наследования, при котором власть могла перейти к сыну царицы (матери царя, Тавананны) или к сыну ее брата (члену того же материнского рода, что и Тавананна).

...крытых повозок...— Аккадское слово, здесь использованное, буквально означает: «спальная повозка», «повозка-постель». Можно думать, что речь идет о крытых повозках, которые позднее служили передвижными домами у таких иранских племен, как скифы, но известных и во 2-м тысячелетии до н. э. по терракотовым моделям из Передней Азии и по находкам в гробницах в Лчашене (на обмелевшем берегу озера Севан).

Кулак — буквально: «кулак», «власть», «борьба».

...я пошел в город Уршу...— Осада Уршу описана в специальном древнехеттском сочинении, составленном на аккадском языке.

...я посеял сорную траву — стереотипный образ, встречающийся уже в надписи Аниттаса.

...сравнил друг с другом пути всех городов...— Царь города Парманны во главе правителей других городов присоединился к Хаттусилису, перед которым все они сравнились.

...опечатал золотом...— Передавая храмам серебряные и золотые вещи, Хаттусилис присоединяет к ним золото, захваченное им в походе.

...с мельничных жерновов...— Мельничная работа считалась женской, что отражено и в позднейшем хеттском эпосе.

развязал их пояса — древнехеттский термин, относящийся к изменению правового положения зависимого человека.

Саргон.— Упоминание в тексте «Летописи Хаттусилиса I» Саргона Аккадского, пересекшего Евфрат за шесть с лишним веков до Хаттусилиса I, представляет интерес для выяснения связей хеттской историко-литературной традиции с древней месопотамской. Автор анналов определяет место походов Хаттусилиса I в известной ему истории завоеваний.

...я впряг, как упряжных быков...— То, что обращенных в рабство пленных в древности на Ближнем Востоке запрягали в ярмо, как быков, известно

не только из древнехеттских текстов, но и из месопотамских и документов из Мари.

Так кончается таблица...— Последняя фраза хеттского текста обычно кратко его подытоживала, подобно современным заглавиям.

ЗАВЕЩАНИЕ ХАТТУСИЛИСА I

Текст сильно поврежден, но на основании сличения двух версий (аккадской и хеттской) и сравнения с параллельными текстами был мастерски реконструирован Ф. Зоммером; отдельные детали реконструкции в предлагаемом переводе отличны от издания Зоммера.

Собрание воинов — то есть свободных подданных, способных носить оружие, в отличие от сановников, которые, возможно, входили в высший совет. Название собрания обозначает дословно «целое, собранное воедино войско».

...не возвеличит...— В завещании Хаттусилиса речь идет не только об одном частном случае изменения порядка наследования, но и о том, что впредь никто не должен назначать наследником сына сестры. Назначение наследником сына сестры было широко распространено у многих племен, находившихся на относительно архаичной стадии развития и сохранивших следы счета родства по матери. В хеттском обществе сохранились некоторые явственные черты такой социальной структуры вплоть до Новохеттского царства (в частности, сказывавшиеся в том, что хеттская царица занимала независимое от царя самостоятельное положение в обществе).

Мать же его подобно корове...— Диалог царя и матери отстраненного наследника, переданный с сохранением чрезвычайно любопытной образности ее плача, возможно, воспроизводит реальную сцену обсуждения перед собранием распрей между членами царского рода.

...вот чем он кончит...— Стремясь убедить слушателей в правильности своих действий, царь

сообщает, что отстраненный наследник мог стать опасным для их жизни и для их имущества.

И пусть он ест и пьет.— Традиционная фраза, применяемая в древнехеттских политических текстах по отношению к членам царского рода, которых царь мог подвергнуть лишь относительно мягкому наказанию.

...подданные и сановники...— Здесь, как и в других местах данного текста, называются две основные категории свободных жителей Хеттского государства (страны Хатти) — «подданные» (входившие в состав собрания — панкуса) и «сановники» (возможно, входившие в состав совета).

Ваш род да будет единым, как волчий...— Обращаясь к своим подданным — членам панкуса (собрания), Хаттусилис называет их членом одного рода (хеттское обозначение рода по происхождению связано с названием собрания — панкус). Связь этих двух социальных терминов отражает историю хеттского собрания, которое восходит к собранию социальной единицы (рода и племени) эпохи родового строя. Сравнение единого рода, в котором объединяются все подданные члены (родового) собрания, с волчьим родом можно истолковать как пережитки эпохи, когда у каждого рода имелось свое священное животное — тотем.

...речей не говорят...— Запрещение местным старейшинам говорить с царем указывает на неравноправное положение жителей отдельных областей Хеттского царства, исключавшихся из участия в обсуждении государственных дел, и свободного населения столицы, входившего в состав собрания, к которому обращался Хаттусилис.

не были очищены...— Город считался ритуально нечистым, в частности, после пребывания в нем войск. Жители города упрекают правителя за то, что не была совершена церемония ритуального очищения города.

вражду затеяли...— Рассказ очень интересен как свидетельство массового восстания против царя, потрясшего и окраинные города, и столицу — Хаттусас.

Дочь моя...— Существенно то, что в документе, посвященном упразднению порядка наследования по женской линии, излагаются обвинения против сестры и дочери царя.

...велел перевести ее вниз из города Хаттуса-са.— Царь перевел провинившуюся дочь из города-крепости в деревню на равнину.

...отрежут член...— Строгость наказания, которым царь угрожает своим придворным, контрастирует с мягкостью мер, которые принимаются против кровных родственников царя, виновных в тяжких преступлениях.

Да будет так!— ритуальная формула, заканчивающая молитвы и священные тексты.

...ты спрашивай собрание...— В этом месте заветования излагаются права панкуса, являвшегося совещательным органом при царе.

...царь... сказал Хастаяр...— Царь запрещает своей жене иметь дело с колдуньями — Старыми Женщинами. Магия подвергалась гонениям со стороны официальной древнехеттской религии, в которой в качестве жреца выступал сам царь.

Табарна в городе Куссаре...— Хаттусилис I, начавший царствовать как царь Куссара, сохранил этот город в качестве своей частной резиденции и после переноса столицы в Хаттусас.

ОТРЫВКИ ИЗ НАДПИСЕЙ ВРЕМЕН ХАТТУСИЛИСА I

Надписи Хаттусилиса I, некоторые строки которых сильно повреждены, и назидательные рассказы из древнехеттской «дворцовой хроники», написанные в то же время, что и «Завещание Хаттусилиса I», отражают одну и ту же ситуацию в Хеттском царстве. К «дворцовой хронике» примыкают по жанру другие назидательные рассказы — анекдоты о проступках придворных, из которых отдельные (как рассказ о Мариясе) датируются более поздним временем.

В «Завещании Хаттусилиса I» царь обвиняет свою сестру — «змею» и ее детей в кознях против него, описывает бедствия, которые могли бы случиться с населением Хаттуса-са по их вине. Совпа-

дение этих обвинений со сходными обвинениями против «змей» — Тавананны и одновременность составления надписи позволяет отождествлять Тавананну с сестрой царя — матерью отстраненного наследника Лабарны (титул Тавананны могла носить мать Лабарны). Надпись отличается от «Завещания», очевидно, тем, что запрещает под страхом смертной казни называть сестру царя Тавананной (в «Завещании» этот титул к ней не применяется).

...как волчья стая — оборот, дословно совпадающий с архаической формой обращения, встречающейся в «Завещании Хаттусилиса I».

Мешеди — личная охрана царя.

Муша — придворная должность.

...правителя Бурусханды... — Как известно из древнехеттских текстов исторического содержания, хеттские цари назначали своих сыновей правителями вассальных городов (бывших ранее самостоятельными).

...к Божеству Реки. — Хеттский обычай ордалии, то есть «божьего суда», определял виновность или невиновность человека: если человек тонет в реке, он признается виновным, если выплывает, то тем самым «очищается».

...в своем доме... — Царевич имел право оставаться под домашним арестом.

...боли не причини... — обрядовая формула, здесь указывающая на то, что боги запрещают убивать члена царского рода.

...не спасал... не спас... — В подлиннике стилистически обыгрывается различие видов глагола.

Киццувас — один из придворных, нарушивших строгие запреты, окружавшие личность хеттского царя.

НАЗИДАТЕЛЬНЫЕ РАССКАЗЫ

Отец царя — отец того древнехеттского царя, при котором был составлен окончательный текст наизидательных рассказов; в первоначальном тексте, составленном еще при «отце царя», последний именуется царем.

Человек золотого копья — придворная должность.

...запрягли, как быков. — Наказание, известное в древней Месопотамии и в Древнехеттском царстве (о нем говорится и в конце «Летописи Хаттусилиса I»).

...не были окровавленными. — Очевидно, царь хотел смерти обоих чиновников, а ее заменили более мягким наказанием.

...кровь убитого... — Царю показали одежды со следами крови убитого свойственника.

Хистаяр. — Остается неизвестным, в каком отношении находится женщина с этим именем в «дворцовой хронике» к женщине со сходным именем Хастаяр, к которой обращена последняя часть «Завещания Хаттусилиса I».

...отвратительно... — В оригинале слово, означающее соединение предметов, несовместимых с обрядовой точки зрения.

...пусть... идет к потоку... — См. описание хеттского обычая «божьего суда».

Марияс — имя молодого человека высокого ранга из Хайасы (древней Армении), несколько раз упоминаемое в договоре хеттского царя Суппилиумаса и правителя Хайасы, в составе которого (в качестве назидательного примера из прошлого) сохранился и этот рассказ.

Отец... Моего Солнца — отец Суппилиумаса (ср. выше: «отец царя»). Из этого видно, что рассказ может относиться к концу среднехеттского периода. Тем не менее он продолжает в точности жанр древнехеттских назидательных рассказов и поэтому включен в настоящий раздел.

Иеродула — придворное женское звание.

ОТРЫВОК О ТОРГОВЦАХ

Предполагается, что текст отражает старую традицию эпических повествований, связанных с древней Месопотамией. Особенно близок этот текст к легенде о Нарам-Сине, в которую некоторые исследователи включают этот отрывок.

РАССКАЗ О БЫКЕ, СДВИНУВШЕМ ГОРЫ

...Человек... в пестрое одетый.— В качестве параллели можно указать на таких африканских мифологических персонажей, как герой ньяро Рукиди по прозвищу Мпуга — Пегий (то есть название пестрого быка).

...на голове стрелы и корзина...— В таких архаических скотоводческих обществах, как африканские, быку кладут на рога тяжелые предметы, считая, что рога тогда лучше растут.

Отчего ярмо надели?..— В древнехеттском обществе (как видно из «Летописи Хаттусилиса I» и из «Назидательных рассказов») человека запрягали в ярмо в качестве наказания. Поэтому герой жалуется, что он не совершил никакого преступления, а его наказали.

Божество...— Видимо, имеется в виду божество, враждебное Солнечной Богине города Аринны — главной покровительнице Хаттусилиса I (см. его «Летопись»).

...гору он подвинул — то есть отроги Тавра, преграждавшие путь хеттскому войску в Северной Сирии, где находится город Хальпа.

Уже там Суппияхсус и Цидус — хеттские военачальники, первыми пришедшие в Хальпу и проложившие путь остальным боевым отрядам.

ИЗ ХЕТТСКОЙ ВЕРСИИ ЛЕГЕНДЫ О НАРАМ-СИНЕ

Хеттский перевод аккадской легенды об одном из первых царей Аккада был выполнен на основании не дошедшего до нас старовавилонского оригинала, отличного от сохранившегося новоассирийского. Начало текста, где речь идет о предшествующих царях древней Месопотамии, сильно разрушено, как и конец текста, в котором боги велят Нарам-Сину освободить из темницы человека, им заключенного.

...я его копьем укою...— После того как Нарам-Син потерпел поражение в трех походах подряд, он приступает к гаданию, чтобы узнать, не боги ли

против него злоумышляют. Во время гадания испытывают рабов (из числа его врагов): покажется ли кровь, если их уколоть.

...тогда враги мои — смертные...— Описывается гадание, аналогичное тому, которое есть и в «Рассказе о людоедах».

...сто восемьдесят тысяч...— В мифологических числах сказывается вавилонский счет, в основе которого лежало число 6.

Темные Земли — обычное изображение Нижнего Мира. Хетты воспринимали древнеавилонский рассказ о Нарам-Сине как мифологический, поэтому он выступает у них не только как царь Аккада, но и как правитель Нижнего Мира.

...твоим собственным богам...— Следовательно, Иштар не была собственным богом Нарам-Сина.

...спи на обрядово чистой постели — то есть на постели, для очищения которой осуществлен особый обряд.

Умман Манда — одно из индоиранских племен, вторгшихся в Переднюю Азию.

Колесница — буквально: «упряжь», в новоассирийской версии «оружие».

...может погибнуть...— В легенде показано ничтожество великого царя Аккада по сравнению с богами, задумавшими его покарать и создавшими для этого войско Умман Манда. В то же время в конце легенды можно увидеть и утверждение силы переднеазиатских противников Аккада.

НАДПИСИ О ВОЕННЫХ ПОХОДАХ

Для древнехеттских надписей о военных походах к городам черноморского и средиземноморского побережий и в земли хурритов или их союзников (к городам Шуде, Укапуве, Танисппе, Нухаяне, в страну Иланцура) характерно смешение явно мифологических элементов с упоминанием реальных исторических событий и географических названий. Надписи сохранились лишь частично.

2. О людоедах

Людсей они не отличали...— Начало текста разрушено и восстанавливается по контексту.

Сын Лиля (или Сын Бога Лиля Могущественного) — условный перевод имени предводителя людоедов, переданного в клинописи знаком, который может обозначать и «поле».

...взял кусок жареной свинины и положил его перед Сыном Лили...— Здесь описание испытания полумифического противника, чтобы узнать, ест ли он мясо животных или же питается только человечины. Дальнейший рассказ о сражении разрушен.

3. Об осаде города Цальпы

Рассказ относится к эпохе, когда Мурсилис I, называемый «царем», участвовал в походах вместе с Хаттусилисом I, именуемым «старым царем». Рассказу предшествует длительное повествование, сохранившееся во фрагментах, о вражде между столицей Древнехеттского царства Хаттусасом и Цальпой.

Ханни — сын Хаттусилиса I, наместник Цальпы, восставший против отца.

5. О рождении Сына Полей

Некоторые места текста разрушены и восстанавливаются предположительно. Возможно, это широко распространенный миф о ребенке, оставленном людьми. Интересен для сопоставления с позднейшими ближневосточными текстами, в которых вместе с ребенком божественного происхождения упоминаются скот и пастухи.

ОСАДА ГОРОДА УРШУ

Рассказ об осаде хеттами города, правитель которого был союзником хурритов (хурритских городов Хуруххи, Аспхи, Арвары), в основном посвящен проступкам и упущениям хеттских придворных и военачальников, обманывающих царя. Близок к назидательным рассказам из дворцовой жизни,

интересный образец древнехеттского юмора. Текст сохранился в аккадском варианте, однако, судя по характеру диалогов, построению периодов и наличию явно хеттских оборотов, это перевод с не дошедшего до нас древнехеттского подлинника.

Если же ты будешь осмотрителен, то город не будет разрушен...— По определенной причине, возможно, из-за культового значения города, царь не хочет, чтобы город был разрушен.

...как псы...— Это место понимается в соответствии со сходным местом в «Гадании о будущей войне с хурритами». В других хеттских текстах пес упоминается в связи с осквернением города.

Человек Кархемыша — правитель города.

Царь нарушил слово моего отца...— Здесь, видимо, имеется в виду хеттский царь, которого порицает говорящий. Это место, конец которого разрушен, иногда толковалось и иначе.

Цуппа — по-видимому, аккадская форма царского имени; в хеттской форме Цуппас встречается в сходном контексте в «Рассказе о людоедах».

Сыновья Сына Бога Грозы — очевидно, намек на распри между хеттскими царевичами — сыновьями древнехеттского (или хурритского) царя, который, судя по надписи Аниттаса и другим древнехеттским текстам, находился под покровительством Бога Грозы.

Забабa — вавилонское божество войны. Это место текста, относящееся к сыновьям древнехеттского военачальника Лария, и сама песня отличаются смешением аккадских, древнехеттских и хурритских слов, делающих предлагаемое толкование гадательным.

...бык щенка придавит...— Бык как образ хеттского воина-исполина и сравнение врага с собакой встречаются и в других хеттских текстах и находят параллели как в греческой литературе, так и в славянском фольклоре (ср. «собака Калин-царь» в русских былинах). Обычай приносить щенят в жертву Богу Войны засвидетельствован в Лидии, где он сохранялся от хеттского времени.

...взяли в руки веретена — женский символ в

хеттской литературе. Здесь продолжается издавательское сравнение медлящих воинов с женщинами.

Человек моего господина — один из правителей хеттских областей, оказавшийся изменником.

Таблица об осаде... — Конец заглавия и последние строки таблицы разрушены.

ГАДАНИЕ О БУДУЩЕЙ ВОЙНЕ С ХУРРИТАМИ

Вставленная в этот исторический текст времени царя Хантилиса (XVII в. до н. э.) песня, которую поют при совершении погребального обряда и гадании о будущем, восходит к древнейшему несийскому периоду. Об этом свидетельствует дословное совпадение со сходно построенным текстом «Повести о детях царицы Канеса», в начале которой встречается точно такая же формула: «Что бы это могло значить?». Метрическое строение песни соответствует древнейшим размерам индоевропейской поэзии с чередованием кратких и более длинных строк, делящихся на четырехсложные колоны.

Матери моей... — При совершении погребального обряда символически обозначалось воссоединение с умершими предками.

КЛИНОПИСНАЯ ТАБЛИЦА ЦАРЯ ТЕЛЕПИНУСА

Важнейший образец древнехеттского жанра исторического повествования. Рассказ о смутах, которым кладет конец Телепинус, служит обоснованием его нововведений.

И тогда... собирались вместе. — Телепинус подчеркивает сплоченность царского рода и всех свободных жителей Хеттского царства при первых царях, в отличие от смут и междоусобиц позднейшего времени.

Хаттусилис — здесь: Хаттусилис I, автор завещания.

...собрался становиться богом — то есть умереть. Царь после смерти всегда почитался как бог.

...боги жаждали крови... — обозначение необходимости кровной мести за кого-нибудь.

...собрание-панкус...— В «Таблице Телепинуса» употребляются два термина для обозначения «собрания»: собрание-панкус (встречающееся и в «Завещании Хаттусилиса») и совет-тулия (используется в ряде хеттских текстов, в том числе и для обозначения «собрания богов»); второй из этих терминов в «Таблице Телепинуса» обозначает собрания, получившие при этом царе особые полномочия.

Кровь же царского рода лилась...— Ссылка на кровопролитие необходима для обоснования суровых мер, принимаемых Телепинусом, чтобы обуздать преступников, в том числе и царя Тахарваилиса, которого Телепинус царем не признает.

...зятя...— Распространенный на Древнем Востоке обычай принимать зятя, входящего в дом.

...главный над полевыми начальниками тысяч...— Конец параграфа разрушен. Возможно, речь в нем шла о функциях совета-тулии, состоявшего из сановников.

А дело крови таково...— В этом параграфе излагаются установления, связанные с обычаем кровной мести.

...дел, связанных с колдовством...— Запрещение заниматься магией в последнем абзаце «Таблицы Телепинуса» можно сопоставить с аналогичным запретом в конце «Завещания Хаттусилиса».

СРЕДНЕХЕТТСКОЕ ЦАРСТВО И ХУРРИТСКИЕ ПЕСНИ О КУМАРБИ

Раздел объединяет хеттские сочинения времен Среднего царства (XV в. до н. э.) и выполненные приблизительно в этот же период поэтические переводы на хеттский язык с хурритского.

МОЛИТВА ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ

Самый ранний образец жанра, широко представленного в новохеттский период.

...пропал разум...— буквально: «пропала ваша мудрость», то есть та мудрость, которую даруют боги и за которую они ценят людей.

...делали толком...— буквально: «правильно», «по-правому».

...они свинопасы...— Свиньи были презируемым животным в одной части Малой Азии, но почитались в другой, что отражено в рассказе «О людоедах».

...мы наденем чехол на серп...— Хеттское «сарпа» (обозначение сельскохозяйственного орудия, употреблявшееся вместе с обозначением плуга), по-видимому, родственно русс. «серп». Буквально в этом месте говорится о пряжке, которая должна свешиваться с серпа. Очевидно, речь идет об образе, близком позднейшему олицетворению Смерти с кошой в руке.

ГИМНЫ СОЛНЦУ

1. Обрядовый текст, произносимый во время жертвоприношения Богу Солнца.

Я иду своей дорогой правды.— Прямое соответствие обороту Ветхого завета: «Я хожу по пути правды».

2. Молитва, дошедшая в более позднем тексте царя Муваталлиса — сына и преемника Мурсилиса II. Некоторые обороты молитвы совпадают с шумерскими гимнами.

...человечества пастух! — Арханческое выражение, в котором, как в аналогичном обороте из «Авесты», отразилось общее для хеттской, индоиранской и греческой религий представление о том, что боги пасут души умерших. «Пастух людей» относится и к аккадскому Богу Солнца Шамашу; пастухом называют одного из шумерских богов.

Из моря ты приходишь в вышину...— Здесь и в мифе о Телепинусе и дочери Океана можно видеть отражение тех же мифологических представлений, которые связывают и древнеиндийского бога Варуна с морем (Мировым океаном).

...суд вершишь...— Представление о Боге Солнца как судье является общим для хеттской, аккадской и египетской религий.

3. Гимн отражает характерную для ряда древневосточных религий (в частности, позднейшей египетской) тенденцию к монотеистическому пони-

манию единственного Бога Солнца — небесного царя, уподобляемого земному царю хеттов «Солнцу». Для культа священного царя характерно объезжание Царем-Солнцем четырех сторон света, чем объясняется обрядовая роль числа 4 в этом гимне. Вавилонский Бог Солнца Шамаш также предстает как судья, судящий на четыре стороны света.

...Всей страны обряд и договор...— С Богом Солнца в гимне связываются основные установления как миропорядка, так и порядка социального, что обнаруживает разительные аналогии с ведийскими представлениями.

...Прародитель сумрачного мира...— Бог Солнца спускался в Подземный (невидимый) Мир.

Будет есть зерно...— Ритуал, основанный на магии уподобления: дать зерно коням, посвященным Богу Солнца, значит утвердить порядок мира, связанный с движением Солнца.

4. Гимн Солнечному Божеству Земли (женскому образу Бога, связанному с Землей) объединяется с другими хеттскими обрядами, предназначенными для избавления от дурных последствий семейной ссоры, в данном случае — ссоры в царской семье.

...И тысячу ресниц приподними!— «Тысяча глаз» упоминается в древнехеттских обрядах возвращения Телепинуса. Мифологический образ с тысячью ресниц известен и в других мифологиях, в том числе славянской (это нашло отражение в «Вие» Гоголя).

Божество-Советник — по-видимому, один из тех советников, которые упомянуты и в 3-м гимне Солнцу.

МОЛИТВА КАНТУЦИЛИСА

Стихотворный гимн написан под влиянием шумерской поэзии, но отдельные места его принадлежат целиком автору-хетту. Гимн записан (как древнехеттские, под который он стилизован) преимущественно слоговыми фонетическими знаками, благодаря чему ясна метрическая структура текста: стих с цезурой, делящей каждую строку пополам на части из семи (или восьми) слогов.

...моему... богу сказать не забудь...— Судя по началу гимна, личным божеством Кантуцилиса было Солнечное Божество Земли.

...дал мне веревку, чтоб я сбиться с пути не посмел...— Веревка, как священный символ правосудия, известна и в месопотамских обрядах.

В хлеме быка от тебя, боже, я не утаил...— Эта и следующая строки, навеянные шумерской поэзией, означают, что говорящий приносил богу положенные жертвы.

...не пил...— В шумерском стихотворении, послужившем образцом для этих строк, говорится: «Еды я сам не ел, питья не пил».

...во сне расскажи...— Здесь и дальше перечисляются разные способы, как узнать о причинах гнева богов (см. «Молитвы во время чумы»).

...по печени пусть мне нагадают...— После принесения жертвы жрецы рассматривали печень жертвенного животного и по ее виду определяли благоприятный или неблагоприятный ответ божества. Этот месопотамский способ гадания был усвоен хеттами от хурритов (как позднее римлянами от этрусков).

Держит торговец весы перед тобою...— Весы на Древнем Востоке (в частности, в Шумере, из поэзии которого заимствован этот образ) считались священными; обвеивая, торговец оскорблял Бога Солнца.

Ты как отец мне, как мать!— Определение Солнца как «отца и матери» есть и в других хеттских стихотворных гимнах Богу Солнца, совпадающих в этом с египетскими. Мужской образ Бога Солнца и женский — Богини Солнца объединялись в единое представление о Божестве Солнца.

ПОЭМА О ЦАРСТВОВАНИИ НА НЕБЕСАХ

Хеттский текст представляет собой вольный перевод не дошедшей до нас хурритской поэмы. Деление на четыре основные части воспроизведено согласно оригиналу. Многочисленные разрушенные места поэмы восстановлены на основании параллельных текстов.

Прежние боги — точный греческий эквивалент в эпитете титанов из «Теогонии» Гесиода.

...девять веков... — В хеттском подлиннике «девять лет», что обозначает «мировые годы» или «эпохи».

...Взлетая все выше на небо... — Ану пытается бежать в свой Верхний Мир, подобно тому как предшествовавший ему бог Алалу бежал в Нижний Мир.

...И стала, как бронза, литьем... — Чудесное зачатие богов во чреве Кумарби, откусившего детородные части тела у Ану, поэт сравнивает с тем, как из бронзы отливаются металлические предметы.

...разбиться о камни... — предсказание, по которому череп Кумарби должен быть пробит камнем.

Бык Серри... с колесницей... — Колесницы в древности запрягались быками. Эта подробность удостоверяет то, что создание хурритского текста поэмы предшествовало распространению к середине 2-го тысячелетия до н. э. колесных повозок, запряженных лошадьми.

Из уха Кумарби я б вышел... — Дословно совпадающее место содержится в египетской мифе о Горе и Сете. Бог Тот, обращаясь к семени Гора внутри тела Сета, говорит ему: «Выйди наружу, о семя Гора!» Оно ему отвечает: «Откуда я выйду?» Тогда Тот говорит ему: «Выйди из его уха!» И тогда оно сказало ему: «Разве я, божественная влага, могу выйти из его уха?» Тогда Тот ответил ему: «Выйди из макушки его головы!» И тогда, как золотой солнечный диск, он вышел над головой Сета.

...Искал божество он Намхэ. — В этом сильно разрушенном месте текста описывается, как Кумарби ищет того из богов, кто бы помог ему убить ребенка при рождении. Намхэ отказывается помочь Кумарби, поэтому и в следующей части Намхэ объединяется с Богом Грозы.

...камень большой Кункунуцци... — Эта версия рассказа об участии в борьбе поколений богов камня кункунуцци (базальта), отличная от той, которая изложена в «Песни об Улликумми».

Он выплюнул зубы... пробил ему череп... — Бог Эа не разрешил Кумарби съесть Бога Грозы сразу

после его появления на свет. Он лишает Кумарби зубов перед рождением Бога Грозы. Но это осуществляется с помощью камня кункунуцци, который в будущем выступит как соперник Бога Грозы. Камень, пробив череп Кумарби, тем самым дает возможность появиться на свет Богу Грозы и двум другим богам, зачатым от Ану.

Он будет положен во храме...— Камни в храмах нередко посвящали Богу Грозы (например, Юпитеру в Риме). Здесь поклоняются и приносят во время обряда жертвы камню, способствовавшему появлению на свет Бога Грозы.

...в жертву героев и войска...— Гибель на войне рассматривается здесь как жертвоприношение Богу. У хеттов человеческие жертвоприношения упоминаются в обряде очищения войска.

Пусть Нижние страны... пусть Верхние страны...— Название стран, примыкающих к Хеттскому царству с северо-востока (южные отроги Кавказских гор — Верхняя страна) и юго-запада.

...проклял я бога Забаба...— Упоминание бога Забаба, проклятие ему и привод его в город (видимо, как пленника), очевидно, означает начало войны Бога Грозы с другими богами.

Наполнен был пивом сосуд...— В магических обрядах сосуд с пивом разбивается для того, чтобы вызвать гибель врага.

...на Звездной своей Колеснице...— В подлиннике: «с Землей сочетается (в качестве мужского начала) Колесница» (у хеттов — созвездие Большой Медведицы).

...она родила близнецов...— Этот эпизод остается изолированным в хурритском эпическом цикле. По-видимому, близнецы — дети Земли и Большой Медведицы — дальше (в не дошедшей до нас части) играют роль богов, покровителей и родоначальников хурритов (ср. выше о древнехеттском близнецном мифе).

Веретено — знак долголетия по хеттским обрядам.

Конец первой таблицы песни...— Во второй табличке поэмы, от которой остались только обломки, надо полагать, содержится описание победы Бога Грозы над Кумарби.

Хеттский текст поэмы представляет собой вольное стихотворное переложение хурритского, использующее и некоторые традиционные образы хеттского фольклора.

...день дурной...— Кумарби задумывает день своей мести, когда порожденное им чудовище поразит Бога Грозы и отнимет у него царствование на небе.

Но тот камень... // Пусть глаза одевает его.— Дважды повторяющееся в поэме образное описание слепоты Улликумми, рожденного каменной Скалой, означает и его невидимость (по известной закономерности мифологического и всякого первобытного, в том числе и детского, мышления: зажмурившись, ребенок думает, что его никто не видит).

Бог Грозы как услышал речь Бога Солнца...— Часть этого эпизода, где Бог Солнца рассказывает Богу Грозы об Улликумми, не сохранилась.

«Я пойду к нему!»...— Слова Иштар, пытающейся вернуть отвагу своему отчаявшемуся брату — Богу Грозы, и начало следующего эпизода сохранились в отрывках. Конец последнего эпизода также восстанавливается по отрывкам.

...камни наденут...— Камни предназначаются для того, чтобы превратить колесницу Бога Грозы в крепость на колесах.

Боевое оружие он взял...— Часть эпизода сохранилась во фрагментах, как последующее описание первого сражения.

...И вернулась Такити к Хебат...— Конец этого эпизода разрушен.

...мы спросим таблички древних слов.— Бог Грозы и Тасмису, желая найти способ победить Улликумми, хотят выведать у Эа хранимые им тайны сотворения Неба и Земли.

...И пятнадцать они совершили поклонов...— Следующие эпизоды, где Бог Грозы говорит с Эа и Эа встречается с богом Энлилем, и также рассказ Эа о том, что он видел на Темной Земле, сохранились только в отрывках.

...жизни желаю тебе! — приветствие, совпада-

ющее с древнеегипетским и свидетельствующее об отражении египетско-хурритских связей в тексте песни (как и в поэме о царствовании на небесах).

...И на правом плече Упеллури, как меч, Кункунуцци стоял...— Только бог Нижнего Мира Эа мог увидеть плечо Упеллури, на котором стоял Кункунуцци, и отделить чудовище от его подземной опоры.

...И сразился тогда Бог Грозы с Кункунуцци...— В следующем сильно поврежденном фрагменте Кункунуцци хвалится своей силой перед Богом Грозы, повторяя слова Кумарби из эпизода «Рождение Улликумми». Конец поэмы, видимо, содержался в четвертой таблице, до нас не дошедшей; в ней описывалось поражение Улликумми в битве с Богом Грозы.

ИЗ ПОЭМЫ О ЦАРСТВОВАНИИ БОГА-ЗАЩИТНИКА

Начало поэмы, дошедшее в виде отдельных фрагментов, связано с сюжетом «Песни об Улликумми»: против Бога Грозы вместе с Богом-Защитником выступает и Камень.

...поводья чисты...— Имеется в виду ритуальная чистота (неоскверненность прикосновением к предметам, почему-либо считавшимся в ритуале «дурными»).

...посланье писать...— В одном из фрагментов поэмы, дошедшем в сильно поврежденном виде, говорится и о деревянной дощечке с иероглифами (лувийскими или хурритскими), которые боги (среди них Эа) пишут Богу-Защитнику.

...всех животных... собери на горе ты...— Представление о боге Нижнего Мира (в данном случае— Эа), покровителе всех животных, является весьма древним.

ИЗ ЭПИЧЕСКОГО ЦИКЛА ПЕСЕН О КУМАРБИ

К эпическому циклу песен о Кумарби принадлежит значительное число поэтических повествований, сохранившихся лишь в отрывках. Они объединяются участием Кумарби в сюжете (рассказы

о сватовстве Кумарби к Океану, о Серебре и Кумарби), сходством построения целых эпизодов с такими же эпизодами в «Песни об Улликумми» (одинаковые рассказы об Иштар и чудовище Кункунуцци, Иштар и чудовище Хедамму), одинаковостью размеров и совпадением поэтических образов и оборотов.

I

Придется... зерно вам обеим молоть, взяв мельничные жернова.— Помол был женским занятием: в хеттской клинописи «женщина-мельничиха» обозначалась соединением знаков «женщина» и «мельничный жернов».

Под землю пройди...— Кумарби, потомок Алалу (убегающего после поражения в Нижний Мир), связан с Нижним Миром.

...шлет он дары.— Настоящий текст при его явной связи с хурритским оригиналом (о чем свидетельствует, в частности, хурритское имя дочери Океана Сертапсурухи) напоминает и древнехеттский миф о боге Телепинусе и дочери Океана. Поэтому в нем соединилось хурритское влияние с собственно хеттской традицией.

II

...твой брат — Бог Грозы...— Судя по этому месту, сохранившемуся во фрагментах, Серебро — прозвание одного из двух братьев Бога Грозы, либо Аранцаха — реки Тигр, либо Тасмису.

III

Хедамму — мифологическое чудовище, грозившее хурритским городам. В некоторых фрагментах поэмы можно увидеть сходство с греческим мифологическим сюжетом, восходящим к древнейшему — микенскому, по которому женщину-красавицу (позднее — Европу) увозило по морю существо в образе животного (быка).

...собак речных...— «Собакой воды» во многих языках (в том числе в некоторых кавказских) называется выдра.

ГНЕВ ВЕЛИКОГО БОГА

Миф сохранился в двух частично сходных фрагментарных версиях, хеттской и лувийской, не вполне совпадающих друг с другом. Гнев обиженного бога, упоминающийся и в более древних хеттских рассказах, сопоставим с известным в фольклоре разных народов мотивом мести обиженной волшебницы. В конце хеттского текста Богиня-Защитница пересказывает Богу Солнца все те события, о которых речь идет в начале.

...рассек пополам...— Известно описание хеттского обряда, во время которого приносили в жертву человека, рассекая его пополам.

СОЛНЦЕ И ОКЕАН

Сюжет, соединяющий мотив Солнца и Океана (Моря), известен по древнему циклу о Телепинусе («Телепинус и дочь Океана») и по гимнам Солнцу. Но этот эпический текст и по некоторым действующим лицам (Импалури), и по языку, богатому лувийскими заимствованиями, примыкает к «Песни об Улликумми».

...слоновой костью...— Здесь употреблено слово, родственное древнегреческому (микенской эпохи) названию «слоновой кости», откуда и пошло название слона в новых западноевропейских языках. Этим словом обозначались изделия из слоновой кости, в частности, и праздничные столики, которые упомянуты в этом хеттском тексте. В Арцаву в среднехеттское время изделия из слоновой кости доставлялись из Египта.

ИЗ ПОВЕСТЕЙ О ГОРАХ

Мотив горы, которая рождает, чужд собственно хеттской мифологии (где горы чаще представляются в виде мужского начала) и характерен только для хурритской мифологии.

...осилил Океан...— Война Бога Грозы Ваала с морем описывается в хапаанском (угаритском) эпосе.

...с ним горы воевали...— Миф о войне гор с богом, о котором сообщается в этой строке, близок к греческим преданиям о сражениях Зевса с гигантами и титанами. В фрагментах разрушенного продолжения текста упоминается священная гора Хаззи.

РАССКАЗ ОБ ОХОТНИКЕ КЕССИ

Хеттский текст дошел до нас не полностью. Хурритская поэма «Песнь о Кесси», с которой переведено хеттское сочинение, была очень обширной (не менее 14 клинописных таблиц), но сохранилась лишь небольшая часть их. Согласно полному тексту хурритской поэмы, охотник Кесси, боясь вернуться домой без добычи, пробыл в горах три месяца, за что получил прозвание «Божественный Кесси, отец гор».

...женские браслеты...— Сон о превращении в женщину напоминает поверья о шаманах, носящих женские украшения.

РАССКАЗ О ГУРПАРАНЦАХУ

Хеттский рассказ представляет собой перевод с не дошедшего до нас хурритского подлинника. В другом фрагменте этого же текста мифологический герой Гурпаранцаху говорит с рекой Аранцах (Тигр).

Импакру.— Имя царя Импакру связывается с именем одного из первых царей династии Куутиев, уничтоживших Аккадское царство в XXII в. до н. э.

СКАЗКА ОБ АППУ И ДВУХ ЕГО СЫНОВЬЯХ

Сказка была переведена на новохеттский язык с хурритского. Весь первый абзац текста, содержащий правоучение, дошел до нас в очень плохом

состоянии, содержит отдельные неясные слова и поэтому передан приблизительно.

...белого ягненка...— Богу Солнца днем могли приносить в жертву животных только белого цвета.

Бог Солнца посмотрел с неба вниз...— Подобный поэтический оборот объединяет «Сказку об Аппу» с другими произведениями хурритской литературы.

...он обернулся юношей...— Превращение бога в юношу напоминает древнегреческие мифы.

...добро.— Хеттское слово, как русс. «добро», имеет значение «благо» и «имущество».

...пастух страны...— тот же образ, что и в поэтических гимнах Солнцу.

Из-за его заступничества страна не погибла...— обрядовая формула славословия Богу Солнца, здесь вложенная в уста Богу Грозы.

...стал пить...— Следующая часть рассказа, излагающая разговор Бога Грозы с Богом Солнца, сильно разрушена. В хурритских текстах (и в тех хеттских текстах, где обнаруживается сильное хурритское влияние) Бог Солнца выступает как главное божество, тогда как в собственно хеттских текстах главным божеством остается Бог Грозы.

...десятый месяц настал...— Как и в аналогичных местах хеттского и хурритского эпоса, к месяцам беременности присоединяются месяцы зачатия и рождения ребенка.

...подобающее первенцу...— Оборот, обозначающий нареkanie имени, восходит к древнехеттскому.

Злой... Благой...— Братья получают противоположные по смыслу имена, поэтому рассказ может быть отнесен к числу широко распространенных мифов о двух соперничающих братьях, воплощающих две противоположные стороны явлений.

...еще не конец...— От второй таблицы сохранились только отрывочные фрагменты, из которых видно, что братья пришли в Сиппар — город Бога Солнца, который продолжал покровительствовать Благому, тогда как Злой обратился для судебного спора к царице города. Конец рассказа не сохранился.

СКАЗКА О БОГЕ СОЛНЦА, КОРОВЕ И РЫБАЧЬЕЙ ЧЕТЕ

Сказка может быть прямым продолжением сказки об Аппу и составляет в этом случае основную часть ее второй таблицы, в конце которой Бог Солнца предрекает, что корова Аппу родит. Возможно, что сказка переведена с хурритского. Начало и середина сказки сильно разрушены.

Сердце в нем подпрыгнуло...— Оборот, обозначающий любовную страсть. Сходный эпизод есть в древнегреческом мифе о любви Зевса к Ио и Гере Аргосской, принимавшим облик коров, а также в мифах об Алияне Ваале в угаритской мифологии и о Боге Луны Сине в мифологии аккадской.

...с двумя ногами?..— Две ноги, а не четыре,— характерный признак, отличающий человека от животных, часто встречается в древнегреческой литературе.

МИФ О БОГИНЕ АШЕРТУ

Текст представляет собой переложение ханаанейского (западносемитского) мифа. Сюжет в какой-то степени аналогичен истории Иосифа и жены Потифара в Ветхом завете.

ИЗ АННАЛОВ ТУДХАЛИЯСА

Текст анналов интересен как образец продолжения жанра летописи в среднехеттский период.

НОВОХЕТТСКОЕ ЦАРСТВО

ИЗ ЛЕТОПИСИ СУППИЛУЛУМАСА. РАССКАЗ О СВАТОВСТВЕ ВДОВЫ ФАРАОНА К ХЕТТСКОМУ ЦАРЕВИЧУ

Летопись Суппилулуумаса, написанная от имени его сына Мурсилуса, отличается от древнехеттских анналов царей значительно большей литера-

турной отработанностью стиля, временами близкого к разговорной речи.

Амумикунни — хурритский термин, обозначающий высокое воинское звание.

И тогда Жрец — мой брат...— Здесь Жрец — титул, который носил Сунпилулумас, как брат автора летописи, до своего воцарения.

...отец мой услышал об убийстве...— История убийства хеттского царевича рассказана также во второй из «Молитв Мурсилиса во время чумы».

ИЗ ЛЕТОПИСИ МУРСИЛИСА II

Цацис...— Здесь и далее говорится о северо-восточных областях Малой Азии.

Виночерпий—высшая военная должность. У хеттов, как позднее в феодальной Европе, придворные титулы сперва относились к обязанностям сановников при дворце, а потом стали обозначать военные звания.

Ияхресса...— Здесь и далее названы области юго-восточной Малой Азии.

И я превратил дни в ночи...— Войска Мурсилиса двигались: только ночью, незаметно для врага.

...сделай нас своими пешими воинами...— Жители побежденных городов просят не переселять их, как это обычно делали с пленными, а оставить на прежних землях, как земледельцев, обязанных нести военную службу.

...нападать ночью...— Враги усвоили тактику хеттов, но здесь их «невидимость» уже не объясняется помощью богов.

МОЛИТВЫ МУРСИЛИСА ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ

Наиболее значительный образец философской прозы новохеттского времени.

...у реки Мала...— Хеттский обряд у реки Евфрат совершали, когда в стране началась чума.

Это истинно так, мы это сделали...— Традиционная форма признания в грехе.

...проступок...— «Проступок» и «грех» обозначаются одним и тем же хеттским словом, которое также может значить «опустошение», «отсутствие».

РАССКАЗ МУРСИЛИСА О ТОМ, КАК ОН ПОТЕРЯЛ И ВЕРНУЛ СЕБЕ ДАР РЕЧИ

По своему стилю рассказ очень интересен как свидетельство большого мастерства писца, использующего краткие повествовательные фразы, чередующиеся со сложными периодами (что можно было бы сопоставить с искусством латинских авторов). Обряды омовения царя и уничтожения всех его прежних одежд, предметов царского обихода и утвари, связанной с прежней жизнью царя, символизировали его обрядовую смерть, за которой наступало «второе рождение»: он таким образом излечивался от болезни.

АВТОБИОГРАФИЯ ХАТТУСИЛИСА III

Памятник, сочетающий черты разговорного стиля с продолжением древнехеттской традиции прославления божества.

...предназначил меня к испытанию у колеса...— Испытание у колеса было одним из самых тяжелых наказаний у хеттов. Соответствующий хеттский обряд восходит к индоевропейскому обычаю казни (или испытания) на ритуальном столбе, к вершине которого прикреплялся символ солнца — колесо.

...страна Писхуру, страна Исхупитта...— Здесь и далее перечисляются северные области и города Малой Азии.

...жрецом Бога Грозы города Перика...— Хаттусилис, отняв у племен каска завоеванные ими культовые центры хатти, возродил старый культ

Бога Грозы хатти, с чем, видимо, связано и его хаттское имя, принятое им по восшествии на престол.

...во дворце восстал против него?..— Хаттусилис не устроил дворцового переворота, а пошел войной на Урхитессупа.

МОЛИТВА ПУДУХЕПА

Лирический гимн, соединяющий влияние хурритской литературы с древнехеттской традицией.

...Землей кедров...— Встречающееся уже в месопотамской литературе обозначение земель к востоку от Евфрата, в частности, хурритских земель (современная Сирия и Ирак).

...тебя зовут...— Все это обращение основано на религиозном синкретизме — отождествлении различных божеств хеттского пантеона, характерном для поздних хеттских текстов. Пудухепа, которая, как видно из «Автобиографии Хаттусилиса III», была служительницей культа хурритской Иштар, здесь выступает в качестве служительницы древней богини хатти, отождествляемой с хурритской Хебат.

...ограничил власть Хаттусилиса...— Те же события, что и в «Автобиографии Хаттусилиса», здесь рассказаны с большим драматизмом.

...Нерик опять будет в запустении...— Чтобы оправдать сомнительные, с точки зрения хеттских законов, действия Хаттусилиса III, отстранившего своего племянника Урхитессупа от власти, Пудухепа приписывает Урхитессупу намерение вновь разорить старый культурный центр хатти, отвоеванный у врагов Хаттусилисом.

...вы, боги...— Пудухепа обращается ко всему кругу богов хатти, связанных с Солнечной Богиней города Ариины.

...ваши праздники... которыми пренебрегали...— Пудухепа противопоставляет себя и Хаттусилиса III перадивым прежним правителям.

НАЗИДАТЕЛЬНЫЙ РАССКАЗ О МАСТУРИСЕ

Последний во времени из образцов хеттских наизидательных рассказов о царе Сеха Мастурсе включен в договор хеттского царя Тутхалияса IV с Истармувасом, правителем сирийского княжества Амуру. Примечательно, что в рассказе Тутхалияс осуждает своего отца Хаттусилиса III, говоря о тех же событиях, которые описаны в «Автобиографии Хаттусилиса III» и в «Молитве Пудухепы», с точки зрения сторонника Урхитессуа.

СОН ХЕТТСКОЙ ЦАРИЦЫ

Погреб.— Предполагается, что имеются в виду кладовые, обнаруженные археологами в Богазкёс, в частности, в большом храме Хаттусаса.

Аганни — хурритское название сосуда.

Киринни — хурритское название драгоценного камня.

РАССКАЗ СУППИЛУЛИУМАСА II О БОЕ ЗА КИПР

Корабли страны...— Кипр был вассальной областью Хеттского царства до самого конца новохеттского периода, к которому относится этот текст. В этот период Кипр, очевидно, примкнул к «народам моря», грозившим Хеттскому царству. О морском могуществе Кипра в IX в. до н. э. повествует ветхозаветная книга «Числа», как и позднейшая античная хроника.

ЗАКЛИНАНИЕ

«В реке... связали змей...» — В лувийском заклинании повторяются образы, до этого встречавшиеся в мифах о Камрусене, которые тоже относятся к обрядам излечения от болезней.

Ритуал Старой Женщины

...нитке цветной шерсти...— В хеттских обрядах использовалась шерсть разных цветов, каждый из которых имел символическое значение.

...если враг мертвый...— если призрак умершего грозит колдовскими чарами.

Земное Солнце — Солнечное Божество Земли (Нижнего Мира).

...сыновей дворца...— В ритуале перечисляются различные звания людей, которые могут быть опасны для того, кто должен быть избавлен от дурного глаза всех этих должностных лиц.

Ритуал Туннави

...коснулась обрядовая нечистота...— буквально: «помещен в состояние обрядовой оскверненности».

...обрядом Реки.— Божество Реки (Божество Берега Реки) играло существенную роль в различных хеттских обрядах начиная с древнехеттского времени.

...С неба в гости...— Древний термин, связанный, как и в русс. «господь», с представлением бога, как гостя.

...при принесении в жертву маленького щенка...— Судя по продолжению этого текста, сильно поврежденного, принося в жертву щенят, их скигали,— обряд жертвоприношения сохранился в Малой Азии до античных времен, о чем свидетельствуют находки в Сардах, столице Лидии.

О сотворении Неба и Земли

Миф включен в состав ритуала, по своему типу сходного с лувийскими и с ритуалом Туннави.

...Разделили между собой...— Тот же образ разделения неба и земли богами, сходный с шумерским, отражен и в «Песни об Улликумми».

...взяли себе Небо...— Деление на богов Неба и богов Земли упомянуто и в «Гимнах Солнцу».

Обряд Духу Чудес

Дух Чудес — демон в народных хеттско-лувийских поверьях.

...привязывают... к мыши...— Почитание мыши как священного животного, широко распространенное и у других народов, сохранялось в Малой Азии и позднее, до античного времени.

Парасхи — вид драгоценного камня.

Обряд очищения бога и человека от заклятия

Веревка закручена влево...— Левая сторона у хеттов, как и у других народов, была сопряжена со всем плохим.

Шекель — аккадская мера веса, принятая у хеттов.

Обряд избавления от колдовства

...жестокий колдун отдал образ этого человека...— По хеттским поверьям, если отдать символическое изображение человека реке или яме, то можно тем самым навлечь на него беду.

Обряд против ссоры с родными

Первоначальный текст ритуала, дошедший до нас по записям новохеттского времени, был составлен в среднехеттский период, когда Киццуватна, откуда родом жрица Мاستиггас, была независимой.

...унесет прочь влево...— то есть обезвредит.

...когда цари минувшего вернутся...— Умершие цари, почитавшиеся богами, по народным поверьям, должны вернуться на землю, когда наступит конец света.

Обряд вызывания богов

Тавинийские ворота — въезд в город Хаттусас, имевший священное значение и почитавшийся в особых обрядах.

Обряд принесения клятвы воинами

...руки и ноги войска страны Арцава...— Страна Арцава, отложившаяся от Хеттского царства в среднехеттский период и установившая независимые от хеттов отношения с Египтом, в начале Нового царства была вновь побеждена хеттами.

Обряд избавления царя от беды

Если, согласно гаданиям и прорицаниям, в частности астрологическим, царю грозила беда в близком будущем, у хеттов, как и в древней Месопотамии, его заменял человек, которому на время вручались знаки царского достоинства.

...теми, кто его заменяет в обряде...— жертвенным животным и человеком (пленным), которого на время объявляют царем.

Мина — аккадская мера веса.

Обряд для изгнания чумы из страны

...мы гоним этого барана...— Обряд, в точности соответствующий библейскому «козлу отпущения», на которого возлагались все грехи народа.

Обряд возвращения мужественности

...Нижнего Мира звезду...— В Нижнем Мире, кроме Солнечного Божества Земли (Солнца Нижнего Мира), была и звезда — Луна.

Обряд перед битвой

...у хеттов вы отняли их города...— Каска заняли Нерик и другие города хеттов в среднехеттский период.

ПОЗДНЕАНАТОЛИЙСКИЕ НАДПИСИ

Лувийские надписи

Первая надпись, принадлежащая царю Кархемыша Сухису, датируется 940 г. до н. э.

...человек Хайи.— Можно истолковать как правитель города Хан (возможно, Хайясы).

Третья надпись царя Катуваса датируется 880 г. до н. э.

Четвертая надпись принадлежит Панамуватис, которая была матерью царя Коммагены — Хаттусилиса, известного по ассирийским источникам 853—857 гг. до н. э.

...веретенах...— символ женщины, продолжающий старую хеттскую и хурритскую литературную традицию.

ИЗ КСАНФСКОЙ НАДПИСИ

Поэтический характер надписи несомненен, по детали интерпретации остаются спорными. Поэтому переведены только первые семь строф текста на архаическом ликийском Б (милийском) языке.

...на труйском...— Некоторые ученые этот язык связывают с названием Троп.

...на совет...— очевидно, родственно хеттскому и лувийскому совету богов.

ЛИКИЙСКИЕ НАДПИСИ

По своему содержанию, стилю и языку ликийские надписи непосредственно продолжают ту же традицию, которая отражена в более ранних лувийских иероглифических надписях, а отчасти уже и в таких новохеттских текстах, как «Автобиография Хаттусилиса III».

На ложе — буквально: «на скамье».

...Строение построено...— Обозначение могилы, как дома-строения, отвечает древнехеттскому словопользованию.

3-я надпись переведена с ликийского текста трехязычной надписи IV в. до н. э., найденной во время раскопок 31 августа 1973 г. в Летооне в Ксанфе.

Пигесер — ликкийская передача имени правителя Ликки, которого по-гречески звали Пиксода-ром (начало правления 341 г. до н. э.).

...налоги пусть не платит... чтобы освободиться от налога...— Здесь использован ликкийский термин, соответствующий хеттскому, который еще в древнехеттских законах (за тысячу лет до составления ликкийской надписи) обозначал свободного от налогов.

...перед нимфами...— Рядом с Великой Матерью (греческая Лето) названы речные богини.

...законы те скрепил!..— Окончание ликкийской надписи остается неясным, перевод дан по греческому и арамейскому параллельным текстам.

ПОСВЯТИТЕЛЬНАЯ НАДПИСЬ ИЗ САРД

Наибольший интерес представляет метрическое строение этого текста, который, как и другие лидийские стихотворные тексты, может продолжать древнюю индоевропейскую традицию, отраженную в еще более ранних древнехеттских текстах.

Саристр — имя божества, в котором некоторые ученые видят искаженную форму иранского имени Заратустры.

СЛОВАРЬ ИМЕН

Алалу — бог Нижнего Мира, первый в ряду четырех поколений главных богов; по-видимому, хурритская форма имени Энлиль (шумер.), он же Эллиль (аккад.).

Аллатум — божество Подземного Мира.

Аммецадус — месопотамско-хурритский бог.

Аминкис — хурритский бог.

Анитта (Аниттас) — древнехеттский царь Куссара (ок. XVIII в. до н. э.).

Ану — Бог Неба, хурритское имя бога восходит к шумерскому Ан (Небо), соответствует греческому богу Урану, который (как и Ану в хурритско-хеттском эпосе) занимает второе место в ряду четырех богов, сменяющих друг друга на небесах.

Анумхерва (хуррит.) — имя военачальника.

Аранхипила — хурритское божество.

Артемида — греческая богиня, которой поклонялись, в частности, в Сардах — лидийской столице.

Асханала — имя писца.

Ашерту (Ашерат) — жена бога — Творца Земли, Элькунирши, в ханаанской (западносемитской) мифологии.

Аштаби — воин-бог у хурритов.

Бог Грозы — в хаттской и хеттской мифологии главное божество последнего поколения богов, сын бога Кумарби.

Бог-Защитник — божество из свиты главного бога, его охранявшее (в том числе Бога Грозы или Бога Солнца).

Бог Мирового Океана, Океан — в хурритской и хеттской мифологии божество водного мира, в некоторых случаях соответствует богу Нижнего Мира, Алалу.

Бог-Наш — древнехеттский бог, первоначально Бог Дневной Свет (х е т т с к.).

Бог Престола, Престол — высшее божество; обожествленное воплощение царской власти в религии хатти и хеттов.

Бог Солнца, Солнце — по хурритской мифологии, бог, принадлежащий к последнему поколению богов.

Богини-Защитницы — божества, помогавшие при родах.

Богини Судьбы — божества, как и Богини-Защитницы, которые упоминаются при описании рождения ребенка (например, «Песнь об Улликумми», лувийские ритуалы).

Богиня-Мать — хеттское женское божество, вероятно, в древности первоначально обозначало прародительницу богов.

Богиня Полей — лувийское божество, покровительница посевов.

Богиня Солнца города Аринны, Солнечная Богиня Аринны — хаттская и хеттская богиня, покровительница хеттских цариц (очевидно, также — Солнечное Божество Земли).

Бунене (а к к а д.) — имя колесничего и советника Бога Солнца.

Ваал — Бог Грозы в ханаанской (западноеврейской) мифологии.

Вассецили — хаттский бог, Царь-Лев.

Гергис — правитель Лидии.

Дахамунзус (х е т т с к.) — разговорная форма египетского титула жены фараона.

Желание — хеттское божество; отвлеченные существительные, как имена богов, — характерная особенность древних индоевропейских религий, в том числе древнеримской и индоиранской (ср. аналогичные Доля, Правда в славянской мифологии).

Забаб — вавилонское божество войны.

Импалури — в хурритской мифологии советник и помощник Бога Мирового Океана.

Инарас — богиня хатти и древних хеттов, воплощение воинственности и силы.

Ирсирры (х у р р и т.) — боги-вестники из свиты Кумарби.

Исхарас — месопотамско-хурритское божество.

Истустаяс — хеттское имя богини Подземного Мира, по хатти — Эдустаяс.

Иштар — месопотамская, хурритская и хеттская богиня. В хурритских текстах Иштар часто выступает как воинское божество («Иштар боевого клича»), при этом иногда в ней соединяются мужские черты с женскими. Обычное имя хурритской Иштар — Шаушка — образовано от слова «оружие». Изображения хуррито-хеттской Иштар в образе вооруженной воительницы связывают с греческим мифом об амазонках. В хурритской мифологии — сестра Бога Грозы и Тасмису.

Камрусепа (х е т т с к.) — имя хаттской богини Катахцифури («катах» на языке хатти — «царица»), высшее женское божество пантеона хеттов и палайцев. Камрусепа означает буквально Дух Камру — Дух Пчелиного роя, как и подобные названия явлений природы — Дух Земли, или части тела — Дух Лба и т. п.

Кантуцилис — среднехеттский правитель царского рода (XVI в. до н. э.); в одном документе именуется царем, правил одной из южных областей Хеттского царства, где была изготовлена печать с его именем, написанным лувийскими пероглифами.

Катахцифури — см. Камрусепа.

Кубаба — Богиня Плодородия (имя ее месопотамского происхождения), прообраз эллинистической Кибелы; часто упоминается в позднейших лувийских пероглифических надписях.

Кулет — имя древнехеттского должностного лица.

Кулитта — помощница богини Иштар.

Кумарби — по хурритской мифологии, главный бог предпоследнего из четырех поколений богов, отец Бога Грозы, который отнял у него царствование на небесах; герой хуррито-хеттского

цикла эпических поэм, соответствует греческому Крону.

Кункунуцци (х е т т с к.) — камень (иногда понимаемый как базальт, строительный материал хеттских и хуррито-лувийских храмов), имя мифологического существа Улликумми (х у р р и т.) — сына Желтины-Скалы и бога Кумарби в хурритской мифологии. Возможно, слово «кункунуцци» образовано от удвоенного корня «куэн» — «убивать», «умерщвлять», одновременно обозначающего камень или каменное орудие, поэтому имя можно перевести как Каменный убийца.

Лабарна — вариант хаттского и хеттского титула (имени) Табарна («правитель-царь»).

Лельвани — хаттское божество Подземного Мира.

Лилури (х у р р и т.) — имя божества.

Лиль — месопотамское имя Бога Поля.

Малия — группа хеттских божеств.

Мецула — божество хаттского пантеона, дочь Богини Солнца города Аринны и Бога Грозы Тару (х а т т и).

Минкис — месопотамско-хурритский бог.

Мишару (а к к а д. «Справедливость») — советник Бога Солнца. По-видимому, это советник правой стороны (а другой, Бунене, — советник левой стороны).

Моис — легенда о Моисе, переселившемся из Колофона (на западе Малой Азии) в Киликию за год до конца Троянской войны, известна по греческим источникам.

Мутаваллис — новохеттский царь, преемник Мурсилиса II.

Мурсилис I — древнехеттский царь, преемник Хаттусилиса I, около 1650 г. до н. э. взял Вавилон, утвердив военное могущество Древнехеттского царства.

Мурсилис II (ок. 1343—1313 гг. до н. э.) — хеттский царь Нового царства. От его имени составлена целая библиотека таблиц, часть которых он написал сам или продиктовал. К ним относятся и некоторые тексты, в которых автор, обращаясь к богу, высказывает глубокие мысли о сути человеческой жизни.

Наиболее значительны письма-молитвы Мурсилиса во время чумы, опустошавшей Хеттское царство.

Наная — шумеро-аккадское божество, дочь Ану.

Памхэ — шумерское божество изобилия.

Нарас-Нансарас — хеттско-вавилонские боги-братья; иногда в хеттско-хурритских текстах выступает как одно божество — брат Эа.

Нарам-Син — аккадский царь, третий преемник Саргона Аккадского (3-е тысячелетие до н. э.).

Нагрпийеми — ликийский перевод греческого имени Аполлодот (Аполлоном данный, ср. русс.: Бог-дан — Богом данный).

Нибхурурияс (хеттск.) — египетский титул фараона Эхнейота (Эхнатона) или его преемника Тутанхамона.

Никатити — хурритское божество.

Никатта — помощница богини Иштар.

Нингаль — жена Бога Луны — Сина в месопотамской мифологии.

Нуннус — имя древнехеттского должностного лица, правителя Арцавы.

Папахдилмас — древнехеттский царь-самозванец, посаженный на престол во время восстания Лабарны — преемника царя Пухассумаса (XVIII в. до н. э.).

Папаяс (хатти) — божество Нижнего Мира.

Пирва — древнехеттское и лувийское божество, его имя имеет индоевропейское происхождение, родственное имени славянского Перуна — бога княжеской дружины. Божество Пирва изображалось в виде всадника на белом коне.

Питхана — древнехеттский царь города Куссара (XIX в. до н. э.), отец Аниттаса.

Пиюсти — царь хатти (XVIII в. до н. э.), враждовавший с Аниттой и побежденный им.

Пудухена — хеттская царица, жена Хаттусилиса III, оказавшая большое влияние на ход государственных дел и способствовавшая проникновению южноазиатских (хурритских и лувийских) влияний в Хаттусасе.

Пухассумас — древнехеттский царь, дед Хаттусилиса I.

Река — божество, символизирующее в хеттских обрядах Божий Суд.

Саргон — Саргон Аккадский, царь Аккада (3-е тысячелетие до н. э.).

Серри (х у р р и т.) — священный бык Бога Грозы (по-видимому, первоначально слово обозначало «ночь» или «вечер»).

Страхи и Ужас — персонифицированные демоны из свиты Бога Солнца. Аналогию представляет демон Рашну, летящий слева от Бога Солнца—Митры в иранской мифологии.

Судьбы Богини — см. Богини Судьбы и Богини-Защитницы.

Суппилилумас II — первый царь Нового царства (XIV в. до н. э.), восстановивший военную мощь хеттской империи и покоривший царство хурритов Митанни.

Табарна (Лабарна) — правитель, титул царя хатти, заимствованный и хеттами; видимо, имя местного хеттского (или протохеттского) царя.

Тавананна — хаттский и хеттский титул царицы — матери царя.

Такити — хурритская богиня, помощница Хебат.

Тару (иногда пишется Сару) — хаттское имя Бога Грозы.

Тасиммети — хаттское имя богини, одной из жен Бога Грозы.

Тасмису — брат и помощник Бога Грозы.

Тахатанвити (х а т т и) — богиня, Мать Источников.

Телепинус (х а т т и) — Бог Плодородия и Растительности — сын Бога Грозы Тару и Богини-Матери.

Телепинус I — крупнейший государственный деятель Древнехеттского царства (XVI в. до н. э.), возродил древние права собрания, повелев ему судить самого царя, если тот совершит преступление против члена царского рода.

Телла (х у р р и т.) — имя священного быка Бога Грозы, который помогал ему в битвах.

Темная Земля — по хеттской мифологии, олицетворение Подземного Мира, куда опускалось Солнце (Солнечное Божество Земли).

Тешшуб (х у р р и т.) — Бог Грозы.

Тиммет (х е т т с к.) — древняя богиня, наложница-жена Бога Грозы.

Тудхалияс II (Младший) — сын Тудхалияса I, хеттский царь Среднего царства (ок. XV в. до н. э.).

Тудхалияс IV — последний хеттский царь Нового царства.

Улликумми (х у р р и т.) — мифологический герой, сын Кумарби и Женщины-Скалы; см.: Кункунуци.

Упеллури — божество Подземного Мира, по хурритской мифологии, держит на себе Землю и Небо (подобие или прообраз греческого Атланта).

Урхитесшун (Урхитешшуб) — хеттский царь Нового царства, племянник Хаттусилиса III и сын Муваталлиса. После короткого правления был свергнут Хаттусилисом III.

Ухнас — царь города Цальпы (ок. XIX в. до н. э.), перенесший культовый центр хеттов из древней столицы Несы в Цальпу.

Хабантали — богиня пантеона хатти.

Хасамиль — хаттский Бог-Кузнец, обитающий в Подземном Море. «Могущественный Кузнец», бог Хасамиль, — древнейший из известных истории богов-кузнецов, обычно окруженных ореолом таинственности и всеобщего почитания. Согласно обрядовой поэзии хатти, Хасамиля боги зовут себе на помощь, когда строят свои «дома» — храмы.

Хаттусилис — имя нескольких хеттских царей. Хаттусилис I — царь периода Древнего царства (ок. 1650—1620 гг. до н. э.), перенес столицу из города Куссара в Хаттусас, в связи с чем получил свое имя. При нем окончательно были включены в состав Хеттского царства Цальпа и юго-восточные области Малой Азии.

Хаттусилис III — последний крупный царь эпохи Нового царства (ок. 1304—1280 или, по другой хронологии, ок. 1275—1250 гг. до н. э.), сын Мурсиллиса II.

Хаяма — хаттская Богиня Зерна.

Хастаяр — жена Хаттусилиса I.

Хебат — хурритская богиня, жена Бога Грозы Тешшуба, главное женское божество хурритов.

Хуццияс — древнехеттское царское имя, в частности, одного из сыновей Хаттусилиса I, бывшего правителем города Тапассанда, но позднее смещенного с этой должности.

Царица — название женского божества, которое часто упоминается рядом с богом Пирвой в хеттских обрядовых текстах.

Цилипури — божество хатти.

Шулликатте (букв.: «Царь Шули») — имя бога хатти.

Элькунирша — Бог — Творец Земли в ханаанской (западносемитской) мифологии.

Энлиль — шумерский бог, обитавший в городе Ниппуре, отец Бога Солнца.

Эргимели — ликийское имя (от имени богини Артемиды).

Эстан — хаттское имя Бога Солнца (букв.: «Солнце», «День»).

Эа (ш у м е р.) — Бог — Отец Богов, бог Подземного Мира.

СЛОВАРЬ НАЗВАНИЙ

Адалур — гора к северу от Кархемыша, почитавшаяся в качестве божества у хурритов.

Адания — предположительно древнее название области расселения данайцев, к югу от Малой Азии.

Алалха (Алалах) — сирийский город с древним хурритским населением.

Аласия — остров Кипр, в новохеттский период вассальная область Хеттского царства.

Анкува — старый культовый город хатти на северо-востоке Малой Азии.

Апсу (а к к а д.), *Апсува* (х е т т с к.) — название Подземного Океана, где обитал Эа, бог Подземного Мира. По хурритской версии, Апсу — название города.

Араванна — область на юге Малой Азии.

Аранцах — хурритское название реки Тигр.

Армарук — город в верховьях Евфрата.

Арна — ликнийское название Ксанфа, столицы Ликии.

Арцава — лувийская область на юге Малой Азии.

Ассува — область на юго-западе Малой Азии (греческая Азия).

Ахуллас — город на западе Малой Азии.

Бурушханда (Пурусханда) — древний город Малой Азии, по-видимому, важнейший центр области с населением хатти. Упоминается уже в полулегендарных рассказах о походах в Малую Азию аккадских царей в 3-м тысячелетии до н. э. В Бурушханде находилась колония староассирийских торговцев. Город считался главным среди других городов-государств Малой Азии до его подчинения Куссару при царе Ашштасе.

Верхняя страна — область на северо-востоке Хеттского царства, соответствует части позднейшей Армении.

Галлия — область на юге Малой Азии.

Данайцы (дануны) — название одного из «народов моря», участвовавших в низвержении Хеттского царства и позднее обитавших в Северной Сирии.

Имгарра — хурритское название горы, пастбища священного быка Теллы.

Кавна — город в Ликии.

Каласма — область на юге Малой Азии.

Канес (Каниш) — староассирийское имя хеттского города Неса. В Канесе находилась большая колония староассирийских купцов, о которой мы знаем по многочисленным документам рубежа 3-го и 2-го тысячелетий до н. э. «Богам Канеса» хетты позднее называли древнейших своих богов с именами индоевропейского происхождения (например, Пирву). Этих богов «по-канесийски» (то есть по-хеттски) славословили «певцы Канеса», продолжавшие древнейшую традицию песнопений.

Канцура (Кандура, Кандурна) — хурритское имя священной горы, на которой собирались на совет боги хурритского пантеона.

Кархемыш — город в Сирии к юго-востоку от Малой Азии, завоеван хеттами при Мурсилисе II. После падения Хеттского царства Кархемыш был столицей самостоятельной лувийской области в X—IX вв. до н. э.

Каска — племена, обитавшие на севере Малой Азии, в среднехеттский период захватившие Нерик и разрушившие Хаттусас.

Кель (х а т т и) — госпожа.

Кискилусса — город хатти на севере Малой Азии.

Киццуватна — лувийская область на юге Средиземноморского побережья Малой Азии; в среднехеттские времена была самостоятельным уделом, позже вошла в состав Хеттского царства.

Коммагена — город и область в верховьях Евфрата неподалеку от Кархемыша.

Куммия — город в горах к северу от Месопотамии, по хурритской мифологии, местопребывание Бога Грозы Тешнуба.

Курустама — город в северной части Малой Азии.

Куссар — политический и торговый центр Древнехеттского царства в XVIII—XVII вв. до н. э. Город пришел в запустение после переноса столицы из Куссара в Хаттусас при Хаттусилсе I, который был последним царем Куссара.

Лаваццантия — город в лувийской области на юге Малой Азии.

Лалападува (х у р р и т.) — название священной горы, где жили боги.

Ланда — город в Малой Азии.

Лакцан (х а т т и), *Лихцина* или *Цихцина* (х е т т с к.) — культовый центр страны Хатти на севере Малой Азии, где поклонялись Богу Солнца и Богу Грозы.

Лидия — область на западе Малой Азии, в античное время независимое царство, которое приобрело большое влияние в Передней Азии.

Ликия — область на западе Малой Азии, где в античное время говорили на ликийском языке — непосредственном продолжении лувийского.

Луска — город в Малой Азии.

Лухуццантия — город на востоке Малой Азии.

Лулла (а к к а д.), *Луллава* (х е т т с к.) — горная область между Ассирией и Ливаном. Уроженцы этой области в повоехеттских ритуалах нередко упоминаются вместе с изгоями (хаппиру), в качестве низших членов большого домового хозяйства.

Лукка — область на западе Малой Азии, отождествляется с позднейшей греческой Ликаонией.

Мала — древнее название реки Евфрат.

Манда — племена (вероятно, индоиранского происхождения), вторгшиеся в Переднюю Азию во 2-м тысячелетии до н. э.

Митанни — основное государство хурритов, с которым хетты воевали в XVII—XIV вв. до н. э.

вплоть до сокрушительного поражения его Суппи-лулиумасом II.

Ненасса — город в Малой Азии.

Нерик — священный город хатти на севере Хеттского царства, в среднехеттский период завоеванный каскайскими племенами, вторгшимися с северо-востока.

Неса (староассирийск. *Канес*) — древнейший главный город Хеттского царства на рубеже 3-го и 2-го тысячелетий до н. э., основной торговый центр Малой Азии этого периода. По имени этого города хетты называли свой язык «несийским». Имя Несы упоминается только в древнейших хеттских текстах.

Пардуватта — город на западе Малой Азии.

Пентая — священная гора хатти.

Питасса — область в лувийской части Малой Азии.

Пишайшас — хеттская форма хурритского названия горы в Сирин.

Пурана — древнехеттское название реки Евфрат.

Пушкурунава — священная гора хатти, расположенная около города Нерик; почиталась в хаттской и древнехеттской религиях как особое божество.

Сактунува — гора в северной части Малой Азии, в области, заселенной позднее каскайскими племенами. Горе был посвящен особый праздник. Человек с таким же именем (видимо, хаттским) упоминается в староассирийских табличках из Малой Азии.

Салампа (Салапа) — город на севере Малой Азии близ черноморского побережья.

Салативара — город в центре Малой Азии.

Саллахасува (Салахсува) — город на юго-востоке Малой Азии; букв. означает «Великоцарский».

Сарды — столица Лидии.

Синахува — древнехеттский город, восставший против власти хеттского царя, который вернул его в состав Хеттского царства.

Суккация — город на периферии Древнехеттского царства.

Суресса — город в лувийской части Малой Азии.

Тагалаха — город на востоке Малой Азии.

Тамалкия — город на северо-востоке Малой Азии в древнейшей области расселения хеттов.

Тамармара — город в северной части Малой Азии, культовый центр хатти.

Танассанда — город в лувийской части Малой Азии.

Тасса — священная гора у хурритов.

Тахая — город и гора в центре Малой Азии, где находилось святилище Бога Грозы.

Тегарамма — город в Северной Сирии.

Туванува — город в центре Малой Азии.

Тудхалия — священная гора хатти, имя которой носили хеттские цари.

Убария — древнехеттский город, отложившийся от Хеттского царства, но позднее вновь завоеванный.

Удахцуми — город на востоке Малой Азии.

Улма (Улама) — город на юге Малой Азии, за обладание которым хетты вели борьбу в XVIII—XVII вв. до н. э.

Уркиса — в хурритской мифологии город — местопребывание Кумарби.

Уршу — город на юго-востоке Малой Азии, за который древнехеттские цари вели борьбу с хурритами.

Хаззи — гора в Северной Сирии, возле устья реки Оронт, то же, что гора Цафон, местопребывание богов по угаритской мифологии.

Хайяса — древнее название Армении, страна, бывшая в эпоху Новохеттского царства вассалом хеттского царя.

Хальна — город в Северной Сирии (совр. Алеппо).

Харга — горная вершина, названная, подобно Монблану, по белому цвету своей снеговой шапки, расположена в древнехеттской части северо-востока Малой Азии.

Харкиуна — город на северо-востоке Малой Азии, враждовавший с хеттами и разрушенный царем Аниттой.

Хассува — древнехеттский город (букв. «Царский»); интересно, что встречается в обрядовой песне царской дружины.

Хатти — название всей страны хеттов, унаследованное от древнейших обитателей.

Хаттусас (город Хатти) — столица Хеттского царства в XVII—XIII вв. до н. э., находилась на месте современного селения Богазкёй, в ста километрах к востоку от Анкары. Столица древней области народа хатти называлась Хаттуш.

Хеммува — город на северо-востоке Малой Азии, где располагалась древнейшая область расселения хеттов.

Хуланна — река в северной части Малой Азии, возможно, современная Кызылырмак (позднейшее хеттское название Марассанта).

Хунтара — гора на юге Малой Азии.

Хуписна — город в центре Малой Азии.

Хурма — город на юге Малой Азии.

Цаллар — город в Малой Азии.

Цальпа — один из древнейших торговых центров Малой Азии возле современной Бафры у устья реки Кызылырмак (античн.: река Галис), впадающей в Черное море, которое хетты называли «морем страны Цальпа». В Цальпе существовала староассирийская торговая колония на рубеже 3-го и 2-го тысячелетий до н. э. Древнехеттские цари вели длительную борьбу за присоединение Цальпы к Хеттскому царству, закончившуюся окончательным покорением при Хаттусилисе I.

Циггарата — город на севере Малой Азии.

Цициллипа — город на востоке Малой Азии.

Шудул — местность у берега Персидского залива.

Эя — хеттское название священного вечнозеленого Древа Вселенной — Древа Жизни, родственное русскому названию ивы, ветви которой использовались в древнеславянских обрядах.

СОДЕРЖАНИЕ

Вяч. Вс. Иванов. Древняя литература Малой Азии 5

ПАМЯТНИКИ ГОРОДА НЕСЫ И ДРЕВНЕЙ СТРАНЫ ХАТТИ

*Перевод с хатти, хеттского, аккадского
и палайского языков*

Повесть о детях царицы Канеса	35
Надпись Аниттаса	37
Чудовища и Храм Бога Грозы . . .	40
Из древнехеттских обрядовых песен	41
Язык богов и язык людей	43
Строительные обрядовые надписи	44
Луна, упавшая с неба	50
Рассказы о борьбе Бога Грозы со Змеем	52
Телепинус и дочь Океана	54
Исчезновение и возвращение Телепинуса	55
Из мифа об исчезновении Бога Грозы	62
Из цикла мифов о Камрусепе . . .	63
Палайский гимн	65
Летопись Хаттусилиса I	66
Завещание Хаттусилиса I	71
Отрывки из надписей времен Хаттусилиса I	78
Назидательные рассказы	80
Отрывок о торговцах	83
Рассказ о Быке, сдвинувшем горы	84
Из хеттской версии легенды о Нарам-Сине	85
Надписи о военных походах	87
Осада города Урну	90
Гадание о будущей войне с хурритами	94
Клинописная таблица царя Телепинуса	95

СРЕДНЕХЕТТСКОЕ ЦАРСТВО И ХУРРИТСКИЕ ПЕСНИ О КУМАРБИ

*Перевод с хеттского
и хурритского языков*

Молитва во время чумы	103
Гимны Солнцу	105
Молитва Кантуцилиса	111
Поэма о царствовании на небесах	114
Песнь об Улликумми	125
Из поэмы о царствовании Бога-Защитника	141
Из эпического цикла песен о Кумарби	146
Гнев Великого Бога	153
Солнце и Океан	154
Из повестей о горах	156
Рассказ об охотнике Кесси	158
Рассказ о Гурпаранцах	159
Сказка об Аппу и двух его сыновьях	160
Сказка о Боге Солнца, корове и рыбацьей чете .	164
Миф о богине Ашерту	167
Из анналов Тудхалияса	170

НОВОХЕТТСКОЕ ЦАРСТВО

*Перевод с хеттского
и лувийского языков*

Из летописи Суппилиумаса. Рассказ о сватовстве вдовы фараона к хеттскому царевичу	173
Из летописи Мурсила II	178
Молитвы Мурсила во время чумы	182
Рассказ Мурсила о том, как он потерял и вернул себе дар речи	192
Автобиография Хаттусилиса III	194
Молитва Пудухеи	204
Назидательный рассказ о Мастурисе	207
Сон хеттской царицы	208
Рассказ Суппилиумаса II о бое за Кипр	209
Заклинание	210
Из новохеттских и лувийских ритуалов .	211

ПОЗДНЕАНАТОЛИЙСКИЕ НАДПИСИ

*Перевод с иероглифического лувийского,
финикийского, ликийского и лидийского языков*

Лувийские надписи . .	243
Из Ксанфской надписи	248
Ликийские надписи	250
Посвятительная надпись из Сард	252
 Комментарии	 253
Словарь имен . .	301
Словарь названий	309

Л85 **Луна, упавшая с неба.** Древняя литература Малой Азии. Пер. с древне-малоазиатских языков, вступит. статья и коммент. Вяч. Вс. Иванова. М., «Худож. лит.», 1977 г.

317 с.

Сборник «Луна, упавшая с неба» — своеобразная антология поэзии и прозы древних народов Малой Азии 2—1-го тысячелетий до н. э., которые оказались доступными для расшифровки благодаря открытиям международных археологических экспедиций. В сборнике представлены обрядовые лирические песни и поэтические гимны солнцу, мифологические повествования, а также первые в мировой литературе философско-этические размышления хеттских авторов о различных вопросах человеческого бытия.

На русском языке издается впервые.

70404-184
Л 028(01)-77 — 195-77

А

